

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

На правах рукописи

Кононенко Надежда Александровна

**Социально-психологические факторы
территориальной мобильности руководителей и специалистов
государственной службы**

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата психологических наук

по специальности

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

Научный руководитель –

доктор психологических наук,

профессор Т.А. Подольская

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Методологические и теоретические основы исследования территориальной мобильности	17
1. 1. Мобильность как междисциплинарная проблема	17
1. 2. Анализ феномена территориальной мобильности	27
1.3. Теоретическая структура комплекса социально- психологических факторов территориальной мобильности	60
Выводы по главе 1	72
Глава 2. Эмпирическое исследование социально-психологических факторов территориальной мобильности	74
2. 1. Организация эмпирического исследования	74
2. 2. Исследование связи социально-демографических характеристик с уровнем территориальной мобильности	78
2. 3. Исследование связи личностных качеств с уровнем территориальной мобильности	89
2. 4. Исследование связи мотивационных факторов с уровнем территориальной мобильности	100
Выводы по главе 2	107
Заключение	110
Список литературы	114
Приложение	140

Введение

Актуальность темы исследования

Современный мир, преобразовавшийся за счет систем информационного обмена и постоянно развивающихся транспортных технологий, уже пережил так называемый мобильный поворот¹, что привело к трансформации многих социальных структур и способов взаимодействия между ними. Данные изменения не являются окончательными, а напротив – порождают дальнейшие постоянные изменения во всех сферах человеческой жизни, и процесс постоянных перемен стал «нормой» современности.

Помимо качественных позитивных изменений значительная мобильность приводит к возникновению ряда «теневых» эффектов как для отдельных индивидуумов, так и для социальных институтов и общества в целом. Высокая динамика социально-политических процессов приводит к изменениям социальных ландшафтов, что влияет на качество функционирования и жизнедеятельности регионов – уменьшения количества трудовых ресурсов, неравномерности наличия экспертов и профессионалов² на имеющиеся вакансии в регионах. Помимо социально-экономических последствий данная неравномерность приводит к неравномерности и несинхронизированной реализации масштабных задач, что особенно нежелательно в системе государственной гражданской службы. Реализуемые федеральные программы и проекты зачастую должны носить всеобщий характер, поскольку такая реализация обеспечивает синергетический эффект. Но подобная синхронизированная реализация возможна только при наличии квалифицированных кадров в органах государственной гражданской службы по всей территории страны.

¹ Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. Москва: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. 576 с.

² Рейтинг регионов по уровню безработицы – 2024: инфографика. <https://riarating.ru/infografika/20250310/630277708.html>; Топилин А.В. Миграция и сбалансированность региональных рынков труда // Миграция и социально-экономическое развитие. 2016. Т. 1, № 2. С. 79–96.

В настоящее время в структуре госуправления отмечается наличие кадровых резервов и варианты их интеграции для возможности закрытия возникающих позиций в различных регионах³. Но при этом остается открытым вопрос о способности как системы, так и самих госслужащих к смене региона проживания для реализации рабочих задач.

На основании этого актуальным становится определение социально-психологических факторов, обеспечивающих территориальную мобильность специалистов и руководителей госслужбы.

Степень научной разработанности проблемы

За последние десятилетия проблема территориальной мобильности привлекает значительное внимание исследователей различных областей науки. Вслед за Дж. Урри, акцентировавшего внимание на том, что мобильность людей, вещей и информации привела к возникновению «мобильного поворота» (mobility turn) – «нового способа осмысления экономических, социальных и политических отношений»⁴, множество исследований в области социологии, географии, экономики и психологии указывают на то, что мобильность приводит к значительной трансформации как отдельного человека, так и целых регионов и стран.

Изначально феномен мобильности рассматривался как социальный эффект, проявляющийся в виде смены социального статуса, возникающего вследствие смены места проживания, места и вариантов трудовых и профессиональных отношений, образования, круга социального взаимодействия; этот эффект был обозначен как «социальная мобильность». Родоначальниками подходов изучения социальной мобильности являются М. Вебер, П. Сорокин, Т. Парсонс, которые описали социальную мобильность как перемещение отдельных людей или групп по иерархии страт; а те варианты, за счет которых происходит данное

³ Комиссаров А.Г., Шебураков И.Б. Кадровые резервы в системе государственного управления: опыт и новые смыслы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 1. С. 7–38.

⁴ Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. Москва: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. С. 72.

перемещение, обозначили как «виды горизонтальной мобильности»⁵. Впоследствии становится очевидной необходимость изучения каждого вида мобильности как самостоятельного явления, имеющего специфические предпосылки для возникновения, факторы для реализации, а также последствия и эффекты. Так, в ряде гуманитарных наук изучается «трудовая мобильность»⁶, «академическая мобильность»⁷, «пространственная мобильность»⁸, поскольку все эти виды мобильностей обеспечивают не только смену статуса индивидуума или группы, а значительную трансформацию экономики, вариантов социального взаимодействия и политических настроений. При этом продолжается изучение социальной мобильности как эффекта от различных видов мобильности как за рубежом⁹, так и в России¹⁰.

⁵ Вебер М. Основные понятия стратификации. Социологические исследования. 1994. № 5. С. 147–156; Сорокин П.А. Социальная мобильность. Москва: Academia, 2005; Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.

⁶ Вильховская Е.Э. Классификация и анализ подходов к трактовке сущности трудовой мобильности // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2017. Т. 3. С. 90; Вольчик В.В., Посухова О.Ю. Прекариат и профессиональная идентичность в контексте институциональных изменений // Terra Economicus. 2016, 14(2); Харм де Блей. Власть места // Экономическая социология. 2023. № 2 (март). Т. 24.

⁷ Slaughter S., Leslie L. Academic Capitalism: Politics, Policies and the Entrepreneurial University. Johns Hopkins UP., 1997; Slaughter, S., & Rhoades, G. Academic capitalism and the new economy: Markets, state, and higher education. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2004; Kim Terri Academic mobility, transnational identity capital, and stratification under conditions of academic capitalism // Higher Education. 2017. Iss: 6: T. Vol. 73. S. 981–997; Рязанцев С.В., Ростовская Т.К., Скоробогатова В.И., Безвербный В.А. Международная академическая мобильность в России. Тенденции, виды, государственное стимулирование // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 2.

⁸ Cohen J., Sirkeci I. Cultures of Migration. The Global Nature of Contemporary Mobility. University of Texas Press, Austin, 2011, 179 p.; Recchi, Ettore; Flipo, Aurore Spatial Mobility in Social Theory. Società Mutamento Politica. Rivista italiana di sociologia. Firenze University Press, 2019; Ravenstein E.G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London, Vol. 48, No. 2 (June, 1885), pp. 167–235; Lee E.S. A Theory of Migration // Demography. 1966. No. 3 (1). P. 47–57; Крайняя Н.П. Пространственная мобильность и городская морфология (к постановке проблемы) // Academia. Архитектура и строительство. 2012. № 2. P. 98–100; Черкашина Т.Ю., Мосиенко Н.Л. Пространственная мобильность населения внутри и за пределы региона: социальные и инфраструктурные факторы неравенства // Регион: экономика и социология. 2020. № 4. С. 44–77; Мкртчян Н.В. Потенциал пространственной мобильности безработных в России. Социологические исследования. 2013. № 2; Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2001; Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 4. Внутренняя миграция в России: правовая практика. М.: Центр миграционных исследований, 2007; Василенко П.В. Применение гравитационной модели для анализа внутриобластных миграций на примере Новгородской и Псковской областей // Псковский регионологический журнал. 2013. № 15; Строев П.В., Кан М.И. Пространственная мобильность населения: экономический и социальные аспекты / Экономика и управление. 2016. № 6; Цапенко И.П. Трансформации глобальной миграции населения // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 8, Т. 62. С. 65–76.

⁹ Lipset Seymour Martin, Bendix Reinhard, Social Mobility in Industrial Society – University of California, Berkeley. Institute of Industrial Relations – University of California Press, 1959; Blau P., Duncan O. и Tyree A. The American Occupational Structure. New York: Wiley, 1967; Erikson Robert, Goldthorpe John H. The Constant Flux: A Study of

Разумеется, что, так как мобильность реализуется субъектом, возникает ряд вопросов, связанных с определением психологических предпосылок, факторов выбора того или иного вида мобильности, и с определением значения данной мобильности для последующего личностного и социально-психологического развития субъекта. В связи с этим проведено множество исследований профессиональной мобильности в психологии¹¹ и педагогике¹², изучаются психологические предпосылки и протекание академической мобильности¹³, и

Class Mobility in Industrial Societies. Oxford University Press, 1992; Hansen M.N. Social Mobility in Norway: A Comparison of Men and Women. Demographic Research no. 30, 2001; Favell Adrian, Recchi, Ettore Social Mobility and Spatial Mobility // Sociology of the European Union, 2011; Corak M. Income Inequality, Equality of Opportunity, and Intergenerational Mobility // Journal of Economic Perspectives. 2013; Интервью с Тома Пикетти: «Можно выгнать историю за дверь, но она немедленно вернется через окно» // Экономическая социология. 2016; Шваб Клаус. Четвертая промышленная революция. Москва: Эксмо, 2022.

¹⁰ Бурлуцкая М.Г. Межпоколенная мобильность в современной России: новые возможности или новые препятствия? Проблемы, успехи и трудности переходной экономики (Опыт России и Беларуси). М.: МОНФ, 2000; Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. Восприятие неравенства и социальная мобильность // Экономический журнал ВШЭ. 2014; Монусова Г.А. Объективная и субъективная социальная мобильность в межстрановой перспективе // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016; Козырева П.М. Межпоколенная социально-профессиональная мобильность в постсоветской России // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 1; Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Социокультурная преемственность в российской семье (опыт эмпирического исследования) // Общественные науки и современность. 2010; Голенкова З.Т., Сушко П.Е. Социальная мобильность в контексте миграционных биографий россиян // Социологические исследования. 2016. В. 12; Епихина Ю.Б. и др. Многомерная социальная мобильность в современной России: монография / ред. Епихина Ю.Б., Черныш М.Ф. Москва: Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2016; Семенова В.В., Черныш М.Ф., Сушко П. Е. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: монография. Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2019. 512 с.

¹¹ Дворецкая Ю.Ю. Психология профессиональной мобильности личности: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.01. Краснодар, 2007; Кормильцева М.В. Психологические детерминанты профессиональной мобильности личности // Инновационные проекты и программы в образовании.– 2013. № 2. С. 9–11; Кукуев Е.А. Профессиональная мобильность как открытость // Интернет-журнал «Мир науки», 2015. Т. 3 (июль – сентябрь).

¹² Горюнова Л.В. Профессиональная мобильность специалиста как проблема развивающегося образования в России: диссертация доктора педагогических наук: 13.00.08. Ростов-на-Дону, 2006; Никитина Е.А. Педагогические условия формирования профессиональной мобильности будущего педагога: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук: 13.00.01. Иркутск, 2007; Игошев Б.М. Системно-интегративная организация подготовки профессионально мобильных педагогов: автореферат на соискание ученой степени доктора педагогических наук: 13.00.08. Москва, 2008; Каплина С.Е. Теоретические основы формирования профессиональной мобильности будущих инженеров в процессе изучения гуманитарных дисциплин // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 8.

¹³ Tseng W. International students' strategies for well-being. College Student Journal. 36(4), 2002; Перышкова С.А. Психологическое сопровождение академической мобильности студентов в условиях высшей школы Гаудеамус. 2022. Том 21, № 2; Шамионов Р.М. Структура и факторы академической адаптации студентов-иностранцев в российских университетах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Том 24. Вып. 2.

роль высшей школы в ее реализации¹⁴. Также психологи фокусируют свое внимание на исследовании личностной мобильности как личностного качества, определяющего качество жизни до глубокой старости¹⁵.

Следует отметить, что, говоря о термине «мобильность», в науке имеет место лексическая полисемия¹⁶, поскольку данным термином именуется и объективный процесс, и психологические особенности, и социальный эффект. Но также наблюдается терминологическая синонимия – в западной науке та же «профессиональная мобильность» именуется «безграничная карьера» и «протерианская карьера»¹⁷.

Отдельно обращает на себя внимание феномен «территориальной мобильности», обеспечивающий ряд других видов мобильности – академической, трудовой, смены места жительства по личным мотивам. Исследования в области

¹⁴ Квасова Ю.А., Леонтьева В.Л., Пулькина В.А. Академическая мобильность как инструмент международного коммуникативного взаимодействия вузов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. № 1 (23); Соколова Е.В.; Воевода Е.В., Морозов В.М. Социокультурные адаптационные стрессоры иностранных студентов в России. Перспективы науки и образования. 2020. № 5(59); Черникова Т.В., Сокальский Э.А., Болучевская В.В., Шутова О.И. Этнокультурные особенности академической адаптации студентов дальнего и ближнего зарубежья. Научно-педагогическое обозрение // Pedagogical Review. 2021. no. 6 (40); Волосникова Л.М. и др. Личностные индикаторы академической мобильности студентов в контексте профессиональной подготовки // Вестник Нижневарттовского государственного университета. 2021. № 1(53); Иванова Г.П., Ширкова Н.Н., Логвинова О.К. Иностраный студент в российском вузе: монография. М.: РУСАЙНС, 2022.

¹⁵ Амирова Л.А. Диалектика биологического и социального в процессе формирования мобильной личности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 1. С. 59–64; Котмакова Т.Б. Личностная мобильность как основополагающее качество будущего специалиста // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2009. № 7; Сергеева Т.Б., Глуханюк Н.С. Индивидуальные свойства как корреляты готовности к мобильному поведению в пожилом возрасте (в контексте профессиональной занятости) // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 5. Т. 7; Щукина О.Е. Роль личной мобильности в сформировании социально-профессиональной самостоятельности обучающихся // Среднее профессиональное образование. 2021. № 11 (315).

¹⁶ Стрикун Е.А. Многозадачность лексических единиц или полисемия // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2022. № 3 (79). С. 239–244.

¹⁷ Arthur Michael B. и Rousseau Denise M. The Boundaryless Career: A New Employment Principle for a New Organizational Era [Книга]. New York: Oxford University Press Inc., 1996; De Vos Ans и Soens Nele Protean attitude and career success: The mediating role of self-management// Journal of Vocational Behavior. 2008. Т. 73; DeFillippi Robert и Arthur Michael B. Boundaryless contexts and careers: a competency-based perspective // Journal of Organizational Behavior. 1996. No. 4: Т. Vol. 15; Sullivan Sherry E. и Arthur Michael B. The evolution of the boundaryless career concept: Examining physical and psychological mobility // Journal of Vocational Behavior. 2006. No 69(1); Wiernik Brenton M. и Kostal Jack W. Protean and Boundaryless Career Orientations: A Critical Review and Meta-Analysis // Journal of Counseling Psychology. 2019. No. 3: Т. Vol. 66.

психологии указывают на наличие неких специфических качеств¹⁸ для территориальной мобильности, различных форматов эмоционального переживания переезда¹⁹ и психологических новообразований, присущих территориально мобильным субъектам²⁰. Причем эти новообразования носят противоречивый характер – так, территориально мобильные менее склонны к внутригрупповому фаворитизму²¹, но при этом значительно спокойнее относятся к нарушению этических норм²².

¹⁸ Oishi S., Krochik M., Roth D. & Sherman G.D. Residential mobility, personality, and wellbeing: An analysis of cortisol secretion. *Social Psychological and Personality Science*. 2012. No 3; Hasler G., Haynes M., Müller S.T., Tuura R., Ritter C. & Buchmann A. The association between adolescent residential mobility and adult social anxiety, BDNF and amygdala-orbitofrontal functional connectivity in young adults with higher education // *Frontiers in Psychiatry*. 2020. No 11; Silventoinen K., Hammar N., Hedlund E., Koskenvuo M., Ronnema T. & Kaprio J. Selective International Migration by social position, health behaviour and personality // *The European Journal of Public Health*. 2008. No 18(2); Нургалеев В.С., Юдин П.А. Психологические особенности мигранта и факторы, влияющие на них // *Мир науки, культуры, образования*. 2016. № 6 (61); Батурина Н.В., Вяткина В.В. Психологические факторы внутренней миграции населения России // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2020. № 2 (81).

¹⁹ Furnham A., Bochner S. *Culture shock: psychological reactions to unfamiliar environments*. London and New York, 1986; Lysgaard S. Adjustment in a foreign society: Norwegian Fulbright grantees visiting the United States // *International Social Science Bulletin*. 1955; Oberg K. Cultural Shock: adjustment to new cultural environments // *Practical Anthropology*. 1960, 7; Zapf M. Cross-cultural transitions and wellness: dealing with culture shock // *International Journal for the Advancement of Counseling*. 1991. № 14; Смолина Т.Л. (2012). Симптоматика культурного шока: обзор и классификация. *Психологическая наука и образование psyedu.ru*, 4(3), Статья 16. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012_n3/55598 (дата обращения: 29.03.2024).

²⁰ Thomson R., Yuki M., Talhelm T., Schug J., Kito M., Ayanian A.H., Becker J.C., Becker M., Chiu C., Choi, H.-S., Ferreira C.M., Fülöp M., Gul P., Houghton-Illera A.M., Joasoo M., Jong J., Kavanagh C.M., Khutkyy D., Manzi C., Visserman M.L. Relational mobility predicts social behaviors in 39 countries and is tied to historical farming and threat. *Proceedings of the National Academy of Sciences, USA*, 115(29), 2018; Byrne D., Clore G.L. & Griffitt W. Response discrepancy versus attitude similarity-dissimilarity as determinants of attraction. *Psychonomic Science*, 1967, 7; Schug J., Yuki M., Horikawa H., Takemura K. Similarity attraction and actually selecting similar others: How crosssocietal differences in relational mobility affect interpersonal similarity in Japan and the U.S.A. *Asian Journal of Social Psychology*, 2009, 12(2); Dennett A., Stillwell J. Internal Migration in Britain, 2000-01, Examined Through an Area Classification Framework // *Population, Space and Place*, 2010 vol. 16, no 6, pp. 517–538; Oishi S. & Kissing, J. The mutual constitution of residential mobility and individualism. In R. S. Wyer Jr., C.-Y. Chiu, & Y. Y. Hong (Eds.), *Understanding culture: Theory, research, and application*. 2009, pp. 223–239; Psychology Press; Oishi S. The psychology of residential mobility: Implications for the self, social relationships, and well-being. *Perspectives on Psychological Science*, 2010, 5(1); Yilmaz C., Selcuk E., Gunaydin G., Cingöz-Ulu B., Filiztekin A. & Kent O. (2022). You Mean the World to Me: The Role of Residential Mobility in Centrality of Romantic Relationships. *Social Psychological and Personality Science*, 13(7); Dong M., Anda R.F., Felitti V.J., Williamson D.F., Dube S.R., Brown D.W. & Giles W.H. (2005). Childhood residential mobility and multiple health risks during adolescence and adulthood. *Archives of Pediatrics & Adolescent Medicine*, 159(12), 1104–1110; Rumbold A.R., Giles L.C., Whitrow M.J. et al. The effects of house moves during early childhood on child mental health at age 9 years. *BMC Public Health* 2012, 12, 583; Mollborn S., Lawrence E. & Root E.D. Residential mobility across early childhood and children's kindergarten readiness. *Demography*, 2018, 55(2), 485–510.

²¹ Li W.-Q., Li L. M. W., Lou N. M. Who moved with you? The companionship of significant others reduces movers' motivation to make new friends. *Asian Journal of Social Psychology*, 25(2), 2021.

²² Luo S., Kong Q., Ke Z., Hunag L., Yu, M., Zhu Y. & Xu Y. Residential mobility decreases the perception of social norm violations. *Social Indicators Research*, 2020:148, 961–986.

При этом практически отсутствуют исследования психологических предпосылок территориальной мобильности у представителей различных профессий и разного уровня полномочий. В современных исследованиях территориальная мобильность часто рассматривается как реакция на внешние обстоятельства (безработица, низкие зарплаты, неразвитая социальная инфраструктура). Однако в условиях постоянных социально-экономических изменений способность к смене места жительства становится ключевым личностным ресурсом для успешной жизненной и профессиональной самореализации. При этом остается неясным, какой социально-психологический профиль характеризует человека, способного на решительную территориальную мобильность как на активный жизненный выбор, а не как на вынужденную меру. Таким образом, проблема формирования мобильной личности, успешно адаптирующейся в меняющемся, непредсказуемом мире, стоит сегодня достаточно остро.

В значительной степени это сказывается в сфере управления. На практике часто возникают «карьерные тупики» на локальном уровне организаций и регионов, выход из которых возможен в том числе за счет смены пространственных координат деятельности. Создание общего карьерного пространства, например в системе гражданской службы, могло бы позволить преодолевать такие карьерные тупики, открывая дополнительные возможности для профессиональной самореализации личности и способствуя повышению кадрового потенциала органов власти (организаций) и регионов. В связи с этим исследование **социально-психологических факторов**, способствующих территориальной мобильности, представляется достаточно актуальным.

Итак, проблема исследования территориальной мобильности задается следующими противоречиями:

- между потребностью системы государственного управления в решении кадровых проблем и отсутствием понимания психологического содержания и структуры территориальной мобильности;

- между потребностью в повышении территориальной мобильности у государственных гражданских служащих и отсутствием подходов к исследованию психологических аспектов развития территориальной мобильности.

Необходимость в разрешении перечисленных противоречий определила проблему исследования, которая состоит в определении социально-психологических факторов территориальной мобильности.

Объект исследования – территориальная мобильность руководителей и специалистов государственной службы.

Предмет исследования – социально-психологические факторы территориальной мобильности руководителей и специалистов государственной службы.

Цель исследования – определить социально-психологические факторы территориальной мобильности руководителей и специалистов государственной службы.

В соответствии с поставленной целью были определены следующие **задачи исследования**.

1. Проанализировать теоретические подходы к исследованию мобильности.
2. Дать сущностную характеристику содержания, структуры территориальной мобильности.
3. Разработать теоретическую структуру комплекса социально-психологических факторов территориальной мобильности.
4. Выявить различия социально-демографических факторов для различных уровней территориальной мобильности.
5. Выявить различия в выраженности личностных качеств руководителей и специалистов государственной службы с разным уровнем территориальной мобильности.

6. Выявить специфику мотивации руководителей и специалистов государственной службы с разным уровнем территориальной мобильности.

Гипотезы диссертационного исследования

Общая гипотеза

Территориальная мобильность руководителей и специалистов государственной службы обуславливается комплексом социально-психологических факторов (социально-демографические характеристики, личностные качества и мотивационные особенности); различные уровни территориальной мобильности связаны с определенными параметрами данных социально-психологических факторов.

Гипотеза № 1. Выраженность уровней территориальной мобильности связана с полом, возрастом, образованием, семейным положением, наличием детей в семье, должностной позицией.

Гипотеза № 2. Разные уровни территориальной мобильности связаны с выраженностью различных личностных качеств (коммуникативная компетентность, командность, интернальность, самопринятие, лидерство, склонность к риску).

Чем более выражены такие личностные качества, как коммуникативная компетентность, интернальность, самопринятие, лидерство, склонность к риску, командность, тем выше уровень территориальной мобильности.

Гипотеза № 3. Высокий уровень территориальной мобильности преимущественно связан с карьерной мотивацией.

Теоретическая и методологическая основы исследования

Теоретико-методологической основой исследования социально-психологических факторов социальной мобильности служат принципы развития, детерминизма и системности (Л.С. Выготский, А.А. Бодалев, Б.Ф. Ломов, В.Д. Шадриков, К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, П.К. Анохин, Л.И.

Анцыферова, В.П. Зинченко, Е.П. Ильин, Б.Ф. Ломов, А.В. Петровский, С.Л. Рубинштейн и др.). Сочетание основных философско-методологических принципов предполагает изучение территориальной мобильности как динамического процесса, изменяющегося во времени под влиянием как внешних (средовых и социально-демографических), так и внутренних (личностных) факторов (принцип развития, принцип детерминизма) (А. Фурнхам, С. Бочнер, К. Оберг, Т.Л. Смолина, Т.Ю. Артюхова, С.В. Перышкова, Ш. Оиши, М. Джокела и др.)²³.

Это обеспечивает построение логики исследования территориальной мобильности и определение структуры исследования социально-психологических факторов, обеспечивающих ее проявления.

Эмпирическая база исследования

1521 человек – руководители различного уровня органов публичной власти и организаций, государственных корпораций и коммерческих организаций; возраст от 27 до 57 лет, из них:

мужчины – 856 человек, средний возраст 40 лет;

женщины – 665 человек, средний возраст 40 лет.

Теоретическая значимость диссертационной работы состоит в выявлении и анализе базовых социально-психологических факторов, определяющих уровень проявления территориальной мобильности у специалистов и руководителей в сфере государственной службы, что содержательно дополняет традиционные представления о феномене территориальной мобильности:

- проведен теоретический анализ подходов к исследованию территориальной мобильности;

²³ Артюхова Т.Ю. Психологические характеристики мобильной личности // Международный журнал экспериментального образования. 2010. № 7; Oishi S., Krochik M., Roth D. & Sherman G.D. Residential mobility, personality, and wellbeing: An analysis of cortisol secretion. *Social Psychological and Personality Science*, 3, 2012; Oishi S. & Kislring J. The mutual constitution of residential mobility and individualism. In R. S. Wyer Jr., C.-Y. Chiu, & Y. Y. Hong (Eds.), *Understanding culture: Theory, research, and application* 2009; Oishi S., Tsang S. The socio-ecological psychology of residential mobility. *Journal of Consumer Psychology*. Vol.32, Issue 3, July 2022; Перышкова С.А. Психологическое сопровождение академической мобильности студентов в условиях высшей школы // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». 2022. Т. 21, № 2.

- систематизированы факторы, оказывающие влияние на территориальную мобильность личности (социально-демографические, личностные качества, мотивационные);
- уточнено содержание понятия «территориальная мобильность», проведен сравнительный анализ понятий, близких по содержанию к понятию территориальной мобильности;
- разработана структура комплекса социально-психологических факторов территориальной мобильности (социально-демографические характеристики, личностные качества и мотивационные особенности).

Научная новизна работы состоит в том, что впервые в отечественной социальной психологии феномен территориальной мобильности исследуется в контексте деятельности руководителей и специалистов государственной гражданской службы:

- выявлены и определены уровни территориальной мобильности;
- определена связь уровней проявления территориальной мобильности с полом, возрастом и должностной позицией участников исследования;
- определена связь личностных качеств с уровнями проявления территориальной мобильности. Выявлены качества (лидерство, интернальность, самопринятие, склонность к риску), которые характерны для высококомобильных специалистов и руководителей в области госслужбы;
- определены различия мотивационных особенностей для разных уровней территориальной мобильности;
- разработан авторский опросник оценки мотивационных ориентиров к проявлению территориальной мобильности.

Практическая значимость диссертационного исследования обусловлена возможностями прогноза влияния социально-демографических характеристик, мотивационной специфики и личностных качеств на развитие территориальной мобильности руководителей и специалистов государственной гражданской службы с целью оптимизации процесса решения кадровых проблем.

Результаты исследования позволяют определить комплекс социально-психологических условий, способствующих развитию территориальной мобильности руководителей и специалистов.

Применение авторского опросника в практике кадровой работы позволит оценить готовность персонала к проявлению территориальной мобильности в ситуациях, требующих переезда и длительного проживания в другом регионе для решения служебных задач.

Положения, выносимые на защиту

1. Территориальная мобильность – разновидность социальной мобильности, отражающая индивидуальную характеристику личности, проявляющуюся в количестве перемещений в другой регион на длительный срок для реализации трудовых, образовательных и иных жизненных задач.
2. Сущностная содержательная и структурная характеристика территориальной мобильности обуславливается рядом социально-психологических факторов (социально-демографических, личностных и мотивационных) и определяется различными уровнями выраженности, каждый из которых связан с характерными для него социально-психологическими факторами.
3. Уровни выраженности территориальной мобильности связаны с социально-демографическими факторами: выраженность территориальной мобильности у мужчины выше, чем у женщин; выраженность территориальной мобильности с возрастом у мужчин возрастает, а у женщин имеет возрастные «пики»; наиболее выражена территориальная мобильность у госслужащих, занимающих высшие должностные позиции.
4. Уровни выраженности территориальной мобильности связаны с личностными качествами. Для высокоподвижных руководителей и специалистов государственной службы характерны высокий уровень лидерства, интернальность, самопринятие, склонность к риску.
5. Высокий уровень территориальной мобильности связан с выраженной карьерной и профессиональной мотивацией.

Надежность и достоверность результатов исследования обеспечивалась исходными методологическими принципами, теоретической обоснованностью, разнообразием и надежностью использованных методов, репрезентативностью выборки, математической обработкой полученных данных с использованием пакета SPSS для реализации статистического анализа.

Апробация исследования.

Основные положения диссертационного исследования прошли апробацию в ходе научно-практических конференций международного уровня:

IV Международная научно-практическая конференция «Личность в системах управления 23–24 марта 2023 г. (Москва, 2023);

III Международная научно-практическая конференция «Кадровый потенциал инновационного развития промышленного комплекса РФ», 1 марта 2023 г. (Москва, 2023);

IV Международная научно-практическая конференция «Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация», 14–15 декабря 2023 г. (Ростов-на-Дону, 2023);

VI Международная научно-практическая конференция «Личность в системах управления», 20–21 марта 2025 г. (Москва, 2025);

XI Международная научно-практическая конференция памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики», 14–15 мая 2026 г. (Москва, 2026)

Содержание диссертации отражено в шести публикациях, в том числе в четырех журналах, рекомендованных ВАК.

1. Кононенко, Н. А. Личностные детерминанты территориальной мобильности специалистов государственной службы // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы XI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (14–15 мая 2026 г.). — М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2026. — С. 431–433.

2. Кононенко Н.А. Профессиональная мобильность как предпосылка развития трансфессионализма у специалистов инженерных профессий // Актуальные проблемы психологического знания. – 2023 – № 2(63) – С. 62–70.
3. Кононенко Н.А., Подольская Т.А. К проблеме профессиональной мобильности современных специалистов // Мир психологии – 2023 – № 1(112) – С. 30–38.
4. Кононенко Н.А., Подольская Т.А. Психологические предпосылки развития профессиональной мобильности // Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация: Материалы международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону – 2023 – № 11 – С. 61–67.
5. Кононенко, Н.А., Подольская Т.А., Самодерженков А.Н. Разработка, валидизация и стандартизация опросника «Диагностика мотивов территориальной мобильности личности» // Мир психологии. — 2026. — № 2 (125). — С. 179–201.
6. Шебураков И.Б., Подольская Т.А., Кононенко Н.А. Социально-психологические факторы территориальной мобильности личности // Мир психологии – 2025 – № 2 (121) – С. 213–230.

Также содержание диссертации отображено в коллективной монографии:

1. Кононенко Н.А., Подольская Т.А. Глава 4. Социально-психологические факторы территориальной мобильности руководителей системы государственного управления. // Социальная психология управления: проблемы, поиски, решения: коллективная монография / [Ю. К. Баркова и др.]; под общ. науч. ред. И. Б. Шебуракова. — М.: Народное образование, 2026. — С. 206–256

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, включающих семь параграфов, заключения, списка литературы (244 наименования, в том числе 133 источника на иностранных языках) и приложений. Объём основного текста диссертации составляет 143 страницы.

Глава 1. Теоретические подходы к исследованию территориальной мобильности

1.1. Мобильность как междисциплинарная проблема

Современная социальная действительность характеризуется значительной подвижностью и изменчивостью. Транспортная инфраструктура, реализуемая за счет использования разнообразных технологий, а также существующая система обмена информацией, подкрепляемые постоянными инновациями в данных направлениях, стали не просто инструментами в организации жизни каждого отдельного человека и социальных групп, но и требованием к изменению этих организаций жизнедеятельности. Такие «системы мобильности» «...заставляют вращаться людей, объекты и информацию на разной скорости и с разным размахом... Решающими здесь являются ...структурированные маршруты, по которым циркулируют и люди, и объекты, и информация ... размах, комплексность и наличие выбора между маршрутами порождают потенциал движения и подвижности»²⁴ Это проявляется в изменении форматов функционирования организаций, а также в изменении образа жизни каждого конкретного работника и каждого члена его семьи, к изменению семейного уклада. Современная организация социально-экономических процессов, обусловленная увеличением влияния систем информационного обмена (и продуцирования) и транспортной активности, требует от каждого конкретного человека пожизненной способности к постоянным изменениям – как к переменам, носящим объективный характер (смене места жительства, работы, формата занятости, использования новейших технологий), так и к субъективным (постоянному изменению образа жизни, привычек, получению новой профессии, и даже – трансформации мировоззрения).

²⁴ Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А Харламова. Москва: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. С. 143.

Такая готовность и способность к постоянным изменениям лежит в основе развития так называемой самопрограммирующейся рабочей силы²⁵, драйвера развития экономики и технологий.

Кроме того, данное свойство личности, проявляющиеся через поведение и проявляющиеся в переселении в другие регионы, адаптации к новым условиям жизни и новому социальному окружению, получении новой профессии, является весомым фактором трансформации общества, поскольку приводит как к индивидуальному, так и групповому переходу людей из одной социальной группы в другую, и данный переход обеспечивает запуск различных социальных, экономических, культурных и политических изменений в обществе. Учитывая степень такого влияния на многие сферы человеческой жизнедеятельности, многие науки сделали предметом своего изучения данное явление, носящее название «мобильность».

Мобильность изучается в рамках социологии, экономики, географии, философии, культурологии, педагогики, психологии, что указывает на потребность в междисциплинарном исследовании данного явления. Поэтому в рамках данной работы для определения актуальности и сущности предмета мы считаем необходимым проанализировать данный феномен с позиции смежных научных дисциплин.

Вопрос мобильности впервые был поднят П.А. Сорокиным в социологии при рассмотрении «социальной мобильности», которая определялась как «любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую»²⁶, то есть социальная мобильность есть процесс смены социального статуса, ранга. Социальная мобильность проявляется за счет «циркуляции» – перемещения индивида или группы в системе социальной стратификации. Циркуляция может носить вертикальный (восходящий или

²⁵ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. С. 113–114.

²⁶ Сорокин П.А. Социальная мобильность. Москва, 2006. С. 119.

нисходящий) характер и реализовываться за счет ряда каналов (армии, церкви, школы, семьи, правительственных групп, политических организаций и партий, профессиональных организаций и других каналов), в которые субъекту надо «попасть»; и горизонтальный характер, реализуемый за счет смены места жительства, смены места работы, обучения и других социальных институтов. При восходящей вертикальной мобильности индивид проходит «социальное сито» – отбор, конкурс среди индивидов на ограниченное количество более высоких по иерархической лестнице мест. Данный механизм создает как ограничения для большинства, так и возможности для лучших. И критерии «лучших» для каждого канала специфичны: в образовании – эрудиция и интеллект, в профессии – профессионализм и компетенции, и так далее.

К изменению статуса способны как отдельные индивиды, проникающие в более статусные группы, так и целые группы индивидуумов, создающих новую социальную группу, страту, и эта группа приобретает новый, более высокий статус по сравнению с изначальным.

Социальная мобильность, являясь многонаправленным процессом, имеет два формата фаз – статичный (фазы, в которых происходят изменения по строго заданным траекториям в рамках существующих норм и ценностей) и динамичный (фазы, в которых ценностные ориентиры становятся неопределёнными, размываются и могут вступать в противовес). В случае динамичных фаз возникает так называемая муть – состояние неопределённости, в которых невозможно движение в соответствии с каким-либо социальным «компасом». В итоге возникает новая система социальных структур.

Результатом социальной мобильности являются структурные изменения общества и культурная трансформация общества, что проявляется в смене ценностных ориентиров и форматов мышления общества, появлении новых идей, социальных установок и норм взаимодействия. Таким образом, одновременно реализуются два формата мобильности – *структурный* (влияющий на общественную стратификацию, что является научным полем социологии) и

культурный (влияющий на смену ценностей, установок и форм взаимодействия, что является полем исследования социальной психологии)²⁷.

Социальная мобильность как динамическое явление проявляется как нисходящая (выражается в потере статуса и утрате имеющихся позиций) и восходящая (выражается в повышении статуса и увеличении ресурсов), находящихся в распоряжении индивидуума²⁸. В случае восходящей социальной мобильности происходит консолидация социальных групп, переводящая противоборство из межгруппового формата в формат индивидуальной конкуренции: «...чем выше в обществе возможности индивидуальной мобильности, тем ниже уровень сплоченности социальных групп и тем меньше межгрупповая напряженность»²⁹. Факторами, обеспечивающими восходящую социальную мобильность, являются: юридическая отмена статусных привилегий; принятие конституции, обеспечивающей равенство граждан и возможностей в экономической сфере; экономический рост; развитие системы образования. При этом при восходящей социальной мобильности отмечается такое сугубо психическое явление, как возрастание чувства личной незащищенности, возникающего в ответ на отчуждение от одних социальных групп и примыкания к другим. Социальная мобильность рассматривается как процесс индивидуальной трансформации индивидуума, обеспечиваемой непосредственно самим индивидуумом, в рамках заданных извне социальных норм и ценностей³⁰.

Другие исследования указывают, что социальная мобильность определяется культурным фактором: каждый человек («агент») является носителем культуры

²⁷ Oishi S., Lun J. & Sherman G.D. Residential mobility, selfconcept, and positive affect in social interactions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2007:93. P. 131–141.

²⁸ Батуренко С.А. Теории социальной мобильности в истории социологической мысли // *Вестник Московского государственного университета. Серия 18: Социология и политология*. 2014. № 2. С. 199–211.

²⁹ Lipset Seymour Martin, Bendix Reinhard, *Social Mobility in Industrial Society* – University of California, Berkeley. Institute of Industrial Relations – University of California Press, 1959. pp. 309.

³⁰ Blau P., Duncan O. и Tyree A. *The American Occupational Structure*. New York: Wiley, 1967; Семенова В.В., Черныш М.Ф., Сушко П.Е. *Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: монография*. Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2019. 512 с.

той социальной среды того класса, в которой этот человек развивался, и ее «продуктом»³¹. При этом социальная мобильность начинает разворачиваться с ранних лет, а именно в школе, которая является средой, воспроизводящей культурные неравенства. Учащиеся на основании показателей успеваемости уже с начальной школы кастомизируются согласно уровню успеваемости, вне зависимости от того, к какому социальному классу, из какой семьи каждый конкретный ребенок. На основании успеваемости будет формироваться принадлежность к будущему социальному классу³². Более поздние исследования также показывают, что именно личностные ресурсы индивидуума обеспечивают способность присваивать определенный культурный уровень, который соответствует определенному классу, и обеспечивают индивидуальную траекторию мобильности индивидуума по ступеням социальной лестницы³³.

Изучение социальной мобильности реализуется как в разрезе одного поколения, так и сравнивает социальные статусы родителей и детей, и носит название «межпоколенная социальная мобильность»³⁴. В рамках данного явления реализуется фокус на двух категориях – «класс по происхождению» и «класс по назначению». Исследования показывают, что уровни относительной мобильности сходны, уровни статичны и не зависят от типа или уровня развития экономики. Также не было обнаружено признаков изменения социальной мобильности во времени³⁵.

Закономерно, что мобильность как процесс и социальная мобильность как смена страты стали предметом исследования экономики.

³¹ Селиверстова Н.А., Короткая Н.Д., Габитус // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 311–316; Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. С. 31.

³² DiMaggio P. Cultural Capital and School Success // American Sociological Review. 1982. № 47. P. 189–201.

³³ Ваньке А.В. и др. Социальная мобильность в России: поколенческий аспект / ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш и А.В. Ваньке. Москва: Институт социологии РАН, 2017. С. 384.

³⁴ Erikson, Robert; Goldthorpe, John H. The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies – Oxford University Press, 1992, 446 p.

³⁵ Кураев И.Ю. Осмысление проблемы социальной мобильности в западной науке // Наука и современность. 2010. № 2–3. С. 197–200.

В самом деле, вертикальная социальная мобильность, проявляющаяся в перемещении вверх по социальной лестнице, что сопровождается увеличением доступа к всевозможным ресурсам, а также перемещение вниз до уровня андеркласса и нахождение нескольких поколений семьи – все это описывает явления роста благосостояния либо сохранения бедности в социуме, что является предметом исследования экономики. Но помимо объективной мобильности, проявляющейся в фактических межстатусных переходах, экономисты проводят оценку так называемой субъективной мобильности – оценке индивидуумом того, как изменилось его социально-экономическое положение³⁶. Восприятие индивидуумом может не совпадать с реальным продвижением, что приводит к возникновению различных переживаний и отрицательных эмоциональных состояний. Для обоих типов мобильностей характерна положительная связь между возрастом, уровнем дохода, образованием. Оценка степени собственной восходящей социальной мобильности у женщин ниже, чем у мужчин. При этом представления о мобильности формируются за счет личного жизненного опыта и определяют психоэмоциональное состояние конкретного индивидуума: «Нисходящая мобильность может породить особо болезненные психологические проблемы, поскольку люди теряют возможность поддерживать привычный образ жизни. Согласно теории перспектив, «реакция на потери сильнее, чем реакция на выигрыши. Это – неприятие потерь»³⁷.

Многие исследователи указывают на необходимость учета состояния субъективной социальной мобильности как критерия, влияющего на восприятие субъектом экономических решений, поскольку различия в представлениях о социальной мобильности в разных странах могут влиять на степень выраженности запроса на распределение³⁸. В мобильном обществе люди

³⁶ Монусова Г.А. Объективная и субъективная социальная мобильность в межстрановой перспективе // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016. № 3–4(123). С. 53.

³⁷ Там же, с. 54.

³⁸ Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. Восприятие неравенства и социальная мобильность // Экономический журнал ВШЭ. 2014; Интервью с Тома Пикетти: «Можно выгнать историю за дверь, но она немедленно вернется через окно» // Экономическая социология. 2016. № 1, Т. 17. С. 216–224.

толерантнее относятся к экономическому неравенству, в то время как в менее мобильных обществах чаще возникают требования перераспределения доходов от богатых в пользу бедных. Если же индивиды находятся долго в состоянии бедности, то ожидают поддержки со стороны государства в форме перераспределения доходов в свою пользу. Возникновение такой идеи получило название «туннельный эффект», который впоследствии стал предметом многих теоретических и практических исследований в экономике³⁹.

Также в научных исследованиях по экономике зачастую поднимается вопрос о межпоколенной (интергенерационной) мобильности (*intergenerational mobility*) – «степень, в которой экономический и социальный статус передаётся от одного поколения к другому... измеряется как взаимосвязь между экономическими и социальными результатами родителей и детей, такими как образование, профессия и доход»⁴⁰.

Степень межпоколенной мобильности значительно связана не только с изменением уровня национального дохода, но и с повышением налоговых поступлений, величиной ставки расходов на образование, показателем здоровья детей (меньше задержки роста и более низкая младенческая смертность), меньшей сегрегацией по месту жительства⁴¹.

Исследования межпоколенной мобильности в России дают противоречивые результаты: с одной стороны, часть исследований свидетельствуют о восходящей социальной мобильности (исследования проведены в интервале 2002–2013 годов), но часть исследований свидетельствуют о нисходящей направленности

³⁹ Hirschman A., Rothschild M. The Changing Tolerance for Income Inequality in the Course of Economic Development // *The Quarterly Journal of Economics*. 1973. Vol. 87. № 4. P. 544–566.

⁴⁰ Corak M. Income Inequality, Equality of Opportunity, and Intergenerational Mobility. *Journal of Economic Perspectives* // *Journal of Economic Perspectives*. 2013:27(3).

⁴¹ van der Weide, Roy; Mahler, Daniel Gerszon; Lakner, Christoph; Narayan, Ambar; Ramasubbaiah, Rakesh *Intergenerational Mobility Around the World*. January, 2021.

межпоколенных перемещений (2011–2013)⁴² Также значительное влияние на межпоколенную мобильность образование родителей⁴³ и особенности населенного пункта, в котором подрастает новое поколение (максимальная восходящая профессиональная и образовательная мобильность характерна выходцам из сел)⁴⁴.

Также исследовалось влияние относительной (субъективной) мобильности на параметр субъективного благополучия (SWB), что является предиктором удовлетворенности жизнью и психического здоровья⁴⁵. Но нисходящая абсолютная мобильность влияет на оценку качества жизни респондентов сильнее, чем влияние положительной абсолютной мобильности, что приводит к возникновению стресса. Восходящая объективная мобильность не дает длительного ощущения удовлетворенности жизнью, но чувство финансовой безопасности (отсутствие нисходящей абсолютной мобильности) стимулирует рост удовлетворенности жизнью⁴⁶.

Также в рамках экономики для определения выбора типа налоговой политики и ее соответствия ожиданиям избирателей изучается влияние установки на перераспределение материальных ресурсов: в случае «левых» убеждений у респондентов с выраженной восходящей социальной мобильностью

⁴² Бюраева Ю.Г. Межпоколенный аспект социальной мобильности выпускников вузов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2019. № 4. С. 135–144.

⁴³ Бурлуцкая М.Г. Межпоколенная мобильность в современной России: новые возможности или новые препятствия? Проблемы, успехи и трудности переходной экономики (Опыт России и Беларуси). М.: МОНФ., 2000; Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Социокультурная преемственность в российской семье (опыт эмпирического исследования) *Общественные науки и современность*. 2010. С. 13–14; Буланова М.А. Социальная мобильность работающей молодежи региона: социологический анализ. *Власть и управление на Востоке России*. 2011. № 3. С. 205–212; Козырева П.М. Межпоколенная социально-профессиональная мобильность в постсоветской России. *Социологическая наука и социальная практика*. 2013. № 1. С. 60–73; van der Weide, Roy; Mahler, Daniel Gerszon; Lakner, Christoph; Narayan, Ambar; Ramasubbaiah, Rakesh *Intergenerational Mobility Around the World*. January, 2021.

⁴⁴ Реугова М.Н. Механизмы регулирования социальной мобильности молодежи в условиях трансформации российского общества: Автореферат на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Белгород, 2004, 20 с.

⁴⁵ Goldthorpe John H. и Hope Keith *Occupational grading and occupational prestige* // *Social Stratification and Career Mobility*. 1973.

⁴⁶ Dolan Paul и Lordan Grace *Climbing Up Ladders and Sliding Down Snakes: An Empirical Assessment of the Effect of Social Mobility on Subjective Wellbeing*: IZA Discussion Paper No. 12519, 2019.

перераспределительные установки усиливаются, а не уменьшаются⁴⁷, но если респонденты ожидают восходящую мобильность для детей, то меньше склонны настаивать на перераспределении доходов⁴⁸.

Во всех странах перераспределительные установки отрицательно связаны с субъективной социальной мобильностью⁴⁹.

Таким образом, понимая специфику социальной мобильности, можно прогнозировать реакцию граждан на внедряемые инструменты экономических воздействий. Часть исследователей обращают внимание на субъективные переживания данного феномена и прибегают к попыткам объяснения субъективной социальной мобильности с точки зрения психологии.

Но помимо социальной мобильности как результата в формате смены статуса в последние десятилетия в различных науках в большей степени фокусируются на изучении различных горизонтальных типов социальной мобильности, а точнее – пути смены статуса, а также на мобильности как свойстве и способности вещей и людей, что обеспечивает подвижность людей в физическом мире; как вида «моба» (от английского слова mob – толпа, «неорганизованный сброд») – социальной массы, требующей регуляции; и видов полустационарного перемещения на длительные периоды времени (как в реальном, так и виртуальном форматах)⁵⁰.

Ключевым фактором, влияющим на мобильность, являются сети (сетевой капитал), обеспечивающие участие в множестве сложных процессов и организациях различных форматов различных мест (удаленных в том числе) и

⁴⁷ Clark A.E. и D'Angelo E. Social Mobility, Wellbeing and Political Preferences: Evidence from the BHPS: Paris School of Economics, 2009.

⁴⁸ Graham Carol Lee и Pettinato Stefano Assessing Hardship and Happiness: Trends in Mobility and Expectations in the New Market Economies. 1999; Ravallion Martin и Lokshin Michael Who Wants to Redistribute? Russia's Tunnel Effect in the 1990s. 1999 ; Be' Nabou Ronald и Ok Efe A. Social Mobility and Demand for Redistribution: the POUM Hypothesis// The Quarterly Journal of Economics: The President and Fellows of Harvard College and the Massachusetts Institute of Technology. 2001.

⁴⁹ Монусова Г.А. Отношение к перераспределению доходов и социальная мобильность // Экономическая социология. 2017. № 5, Т. 18. С. 14–39.

⁵⁰ Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А Харламова. Москва: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. С. 74–75.

профессиональных активностей по обучению и обмену опытом. В таком формате профессиональных коммуникаций становятся заметными «мощные профессионалы, чей ландшафт задач частично глобален и о которых можно сказать, что они проживают во множестве мест, расположенных вдоль различных маршрутов»⁵¹. В обратном случае «без достаточного сетевого капитала люди страдают, чувствуя себя изгнанными»⁵².

При этом расширение сетевого капитала приводит к информационному переизбытку, характерному для «мобильного поворота», что, в свою очередь, приводит к ряду «теневых эффектов».

1. Недостатку времени в связи с появлением значительного варианта альтернатив, сокращению «медленного времени», необходимого для осмысления информации и вызревания качественных идей на основании этой информации; происходит шаблонизация мышления.
2. Неустойчивости институциональных структур (система власти, образование, культура), влекущих за собой явления безработицы или нехватки требуемых компетенций.
3. Возникновению прекариата как класса и прекариатизации общества государств в целом, когда экономическая эффективность поставлена в приоритет над социальным договором; что, в свою очередь, приводит к потере профессиональной идентичности⁵³.

Таким образом, «сетевой капитал», с одной стороны, обеспечивает профессионалам еще большую востребованность, но, с другой стороны, мешает формированию профессионализма у подрастающего поколения, поскольку лишает устойчивой среды.

⁵¹ Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. Москва: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. – С. 345.

⁵² Там же. С. 337.

⁵³ Вольчик В.В., Посухова О.Ю. Прекариат и профессиональная идентичность в контексте институциональных изменений // Terra Economicus. 2016, 14(2). С. 159–173.

Подводя итог рассмотрения мобильности в рамках ряда гуманитарных наук, следует:

- 1) мобильность – феномен, явно *проявляющийся* и *реализуемый* за счет значительного информационного обмена и *смены места положения* объектов и людей;
- 2) реализуемые варианты мобильности так или иначе приводят к социальной мобильности – перемещению субъекта или группы по стратификационной лестнице, социальная мобильность характерна как для конкретных субъектов, групп, так и имеет место межпоколенная социальная мобильность – изменения статуса детей в социальной стратификации по сравнению с родителями;
- 3) степень социальной мобильности обусловлена рядом факторов – уровнем экономического развития государства, типом населенного пункта, в котором взрослеет индивид, уровнем образованности и профессиональной реализованности родителей; также зависит от успешности в обучении самого индивида;
- 4) социальная мобильность оказывает значительное влияние на ряд экономических явлений (уровень национального дохода, повышение налоговых поступлений), социальных установок (политические мировоззрения и отношение к перераспределению доходов), индивидуальные психологические (состояние стресса и удовлетворенности жизнью) и физические показатели.

1.2. Анализ феномена территориальной мобильности

Как было ранее упомянуто, социальная мобильность, проявляющаяся в изменении уровня в социальной стратификации как отдельного индивидуума, так и целых групп, является значимым фактором в возникновении ряда социальных, экономических и политических эффектов, что и является причиной интереса изучения данного феномена в ряде гуманитарных наук.

В свою очередь, социальная мобильность зачастую реализуется за счет различных форм мобильности, таких как:

- миграция в поисках места жительства или политического убежища;
- познавательные поездки студентов и молодых людей с целью «увидеть мир» и показать собственную самостоятельность;
- поездки, направленные на решение деловых и профессиональных задач;
- «буксирные путешествия» членов семей, переезжающих вслед за другим членом семьи;
- военная мобильность, со временем переходящая в гражданскую;
- постоянные перемещения работников сферы обслуживания, зависящие от сезона и календаря мероприятий;
- перемещения по рабочим вопросам, в том числе ежедневные поездки между городом и пригородом;
- туристические поездки;
- миграция и перемещения в точки проживания диаспор;
- визиты к родственникам и друзьям;
- поездки, связанные с поддержкой здоровья (курорты, медицинский туризм);
- переезды по достижении пенсионного возраста.

По сути, большинство жизненных задач индивидуума, начиная от получения профессионального образования в юношеском возрасте до смены места жительства для более комфортной старости, могут реализовываться за счет фактической пространственной или территориальной мобильности⁵⁴.

Впервые определение понятия пространственной мобильности (spatial mobility) как «способность быть подвижным, которая позволяет людям перемещаться из одного места в другое, а также отсутствие всяких ограничений, не позволяющих совершать эти перемещения», сформулировал М. Парнуелл⁵⁵.

⁵⁴Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А Харламова. Москва: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. С. 186.

⁵⁵ Parnwell M. Population Movements and the Third World – ROUTLEDGE, London, 1993. 176 pp.

Многие авторы определяют пространственную мобильность как явную миграцию, в процессе которой индивид меняет свое место жительства, и в этом случае феномен пространственной мобильности подобен феномену территориальной мобильности – форме поведения человека в территориальном освоении пространства, проявляющемся через смену постоянного места жительства, временную трудовую миграцию, смену места положения для удовлетворения культурных и рекреационных потребностей человека⁵⁶. Пространственная мобильность обеспечивает возможность самосовершенствования, смена района проживания позволяет найти более соответствующую для себя работу и более комфортную культурную соседскую среду, проявляющуюся в этническом и образовательном соответствии ожиданиям⁵⁷.

Но в ряде исследований понятия миграции и пространственной мобильности считаются не тождественными: пространственная (пространственную географическую) мобильность включает в себя весь комплекс перемещения людей – и миграцию, и любые типы перемещения населения (что подобно одной из категорий определения «мобильность» у Дж. Урри)⁵⁸.

Предлагается и классификация мобильных субъектов. Так, в одних исследованиях предлагается разделять «мигрантов» и «немигрантов» по критериям длительности присутствия в другом регионе и цели этого перемещения на основании рекомендаций ООН от 1998 года. Люди, переехавшие в другую страну для работы, обучения, в поисках убежища на срок более года, считаются долгосрочными мигрантами; те же, кто переехал по аналогичным причинам на

⁵⁶ Мкртчян Н.В. Потенциал пространственной мобильности безработных в России. Социологические исследования. 2013, № 2; Василенко П.В. Применение гравитационной модели для анализа внутриобластных миграций на примере Новгородской и Псковской областей // Псковский регионологический журнал. 2013. № 15; McKenzie R.D. The Ecological approach to the study of the human community // American Journal of Sociology. 1924. Vol. 30, pp. 287–301; Строев П.В., Кан М.И. Пространственная мобильность населения: экономический и социальные аспекты // Экономика и управление. 2016. № 6. С. 35–41.

⁵⁷ Clark William, van Ham Maarten; Coulter, Rory Spatial mobility and social outcomes. Journal of Housing and the Built Environment – Springer Science and Business Media LLC, 2013. P. 699–727.

⁵⁸ Цапенко И.П. Трансформации глобальной миграции населения // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 8, Т. 62. С. 65–76.

период от трех месяцев до года, – краткосрочными. Люди, осуществляющие поездки для визитов по вопросам бизнеса, встречи с родственниками и друзьями, для отдыха, лечения, ради паломничества, не меняющие страну основного места проживания, мигрантами не считаются.

Распространенным становится челночное (шаттловое) движение между разными странами ради работы и обучения. Но в то же время такие изменения в терминологии будут преждевременными, поскольку не имеют подготовленной юридической нормы, направленной на регулицию положения трудящихся мигрантов, выезжающих на временную (сезонную) работу, в настоящее время недостаточно четко ведется статистический учет лиц, переезжающих на краткосрочные периоды⁵⁹.

В то же время существует предложение в принципе перейти от термина «миграция» к термину «мобильность», от термина «мигранты» к понятию «лица, совершающие переезды». Необходимость такой замены заключается в том, что «миграция» как процесс имеет отрицательную коннотацию и ассоциируется с негативными социальными процессами в виде безработицы, увеличения конкуренции на рынке труда, снижения стоимости труда и рабочей силы, разрушением культурного уклада. Также следует учитывать изменения в миграционном поведении: современные люди склонны к повторным, или циркулярным, перемещениям. Для современных перемещений характерна транснациональность, способность частой смены одной страны за другой, не всегда длительные отсутствия мигрантов на родине, что понятие «мобильность» теоретически отображает значительно точнее, акцентируя внимание на современную динамику перемещения людей и постоянную изменчивость направлений⁶⁰.

В связи с этим существует и третья позиция в интерпретации феномена пространственной мобильности как результат гибридизации различных

⁵⁹ Там же

⁶⁰ Cohen J., Sirkeci I. *Cultures of Migration. The Global Nature of Contemporary Mobility* University of Texas Press, Austin, 2011, 179 p.

существующих традиций, разделенных на подполя. При этом обращается внимание, что с течением времени мобильность «приобретает форму «нормализации» миграционных практик, которые когда-то представлялись с точки зрения маргинальности, исключения и аномии и в идеале отсутствовали в этнически однородных обществах»⁶¹. Это усугубляется тем, что процессы мобильности являются сложными, гибкими и обратимыми, а личностные и профессиональные особенности переезжающих не являются статичными.

Близким к понятию «пространственная мобильность» является «территориальная мобильность». Территориальная мобильность связана с перемещением между разными административными или политическими территориями, это может быть, например, миграция в поисках работы, переезд в другой город для учебы. Поскольку понятие пространственной мобильности тесно пересекается с понятием территориальной мобильности, целесообразно рассматривать в комплексе исследования, связанные с изучением того и другого феномена⁶².

Однозначно, территориальная мобильность, является значимой причиной неравенства благосостояния регионов страны, поскольку индивид, ориентированный на обеспечение благоприятных условий жизни, стремится к проживанию в более благоприятных условиях, а соответственно мигрирует в регионы с более развитой инфраструктурой, более качественной системой образования, здравоохранения и благоприятным рынком труда. По этой причине наиболее мобильными оказываются те граждане, которые имеют более высокий доход либо/(и) обладают наиболее высокими профессиональными компетенциями и конкурентоспособной квалификацией, что приводит к тому, что регион

⁶¹ Recchi Ettore, Flipo, *Aurore Spatial Mobility in Social Theory*. Società Mutamento Politica. Rivista italiana di sociologia. Firenze University Press, 2019, 10(20) P. 134.

⁶² Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сб. ст. / В.Л. Каганский. Новое литературное обозрение. Москва, 2001; Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 4. Внутренняя миграция в России: правовая практика. М.: Центр миграционных исследований, 2007; Мкртчян Н.В. Потенциал пространственной мобильности безработных в России // Социологические исследования. 2013. № 2.

покидают самые высокопрофессиональные и активные, что, в свою очередь, также негативно сказывается на экономической ситуации региона⁶³.

По мере переживания обществом процесса модернизации происходит увеличение территориальной мобильности населения. Ряд авторов обращались к изучению центростремительных тенденций миграции, а именно к изучению перемещения людей из периферийных регионов в центральные, в крупные города. Такая миграция обусловлена концентрацией возможностей в «центрах». Так, Джон Фридман в теории «центр – периферия» объяснил, как экономическое неравенство между регионами провоцирует центростремительные потоки. Центры аккумулируют капитал и технологии, периферия становится поставщиком ресурсов и рабочей силы⁶⁴. Саския Сассен в исследованиях о глобальных городах показала, как мегаполисы (Нью-Йорк, Лондон, Токио) притягивают мигрантов из-за концентрации высокооплачиваемых рабочих мест⁶⁵.

Одной из ключевых концепций, описывающих территориальную мобильность, является «гипотеза мобильного перехода», предложенная Вильбуrom Зелинским в 1971 году. По мере переживания обществом процесса модернизации происходит увеличение территориальной мобильности населения, и данное увеличение имеет четкую последовательность, представленную в следующих этапах.

1. Досовременное традиционное общество: мобильность практически отсутствует, наблюдается незначительное перемещение населения для торговли, захвата или обработки земли, миграция происходит под влиянием религиозных культов.
2. Раннее переходное общество: за счет увеличивающегося естественного прироста увеличивается прирост населения из села в город; также увеличивается тенденция колонизации земель, проявляется шаттловая (и

⁶³ Строев П.В., Кан М.И. Пространственная мобильность населения: экономический и социальные аспекты // Экономика и управление. 2016. № 6. С. 35–41.

⁶⁴ Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. M.I.T. Press, Hardcover, 1966. 279 p.

⁶⁵ Sassen Saskia. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2025. p. 480.

приграничная мобильность); при определенных обстоятельствах небольшая, но значительная иммиграция квалифицированных рабочих, техников и специалистов из более развитых частей мира, увеличение различных видов движения (транспортная активность, передача информации).

3. Позднее переходное общество: начинает снижаться естественный прирост населения, что приводит к снижению миграционного потока сельского населения в города, а «шаттловая» мобильность и «циркуляции» возрастают по мере усложнения экономики.
4. Развитое общество: естественный прирост практически равен нулю, но при этом выражена миграционная мобильность, причем большей частью мобильность проявляется между городами в пределах отдельных городских агломераций, появляются обратные потоки из города в село; может присутствовать значительная международная миграция или циркуляция квалифицированных и профессиональных лиц, активация перемещений, направленных на туризм и ориентированных на удовольствие.
5. Будущее сверхразвитое общество: нет правдоподобных прогнозов рождаемости, снижение смертности, мобильность трудовых ресурсов со сменой места жительства снижается, возможно сохранение незначительной иммиграции относительно квалифицированной рабочей силы из менее развитых регионов, более выражена «циркуляция», возможно появление строгого политического контроля мобильности⁶⁶.

Данная концепция описывает не только явления человеческой миграции, но и увеличения мобильности информации и средств труда на поздних этапах мобильного перехода, что значительно позже констатировал Дж. Урри.

На основании концепции «гипотезы мобильного перехода» В. Зелинского может сложиться впечатление, что все население стран, достигнувших третьей фазы мобильного перехода, становится мобильным. Но дальнейшие исследования дали отрицательный ответ на этот вопрос.

⁶⁶ Zelinsky Wilbur. The Hypothesis of the Mobility Transition // Geographical Review. 1971. No. 2 (Apr., 1971), T. 61. P. 219–249.

К примеру, Харм де Блей в своей книге «Власть места» говорит о том, что в настоящее время в обществе укореняется точка зрения, что глобализация доступна каждому, то есть каждый может проявить территориальную мобильность. Но это не так. По мнению Харма де Блея, «все мы и благословлены, и обременены местом нашего рождения и связанными с ним родным языком, системой убеждений и состоянием здоровья, экологической обстановкой и политическими обстоятельствами. Одно и то же место предоставляет различные возможности мужчинам и женщинам и ставит перед ними разные задачи. В нашем нынешнем порыве воспользоваться плодами “уплощения” мира не следует забывать, что точка, с которой мы стартуем, по-прежнему имеет значение, когда речь идёт о наборе возможностей в пределах досягаемости... Да, мир уплощается – для меньшинства, состоящего из тех, кому повезло, кто контролирует главные направления модернизации или имеет доступ к их благам»⁶⁷.

Харм де Блей вводит классификацию людей на основании их способности к территориальной мобильности и выделяет следующие категории:

- локалы – наименее мобильные, зачастую самые бедные и наиболее восприимчивые к влиянию места люди;
- мобалы – это категория людей, готовая пойти на риск, оставив привычную форму существования в привычном регионе и направиться в незнакомое место в поисках новых возможностей;
- глобалы – немногочисленная категория людей, выстраивающих систему безопасности и барьеры для перемещения мобалов, организующих миграционные потоки для организации и реализации производств и влияющих на экономический потенциал отдельных регионов; именно данная категория людей способна к проживанию в любой точке планеты без привязки к месту выполнения служебных задач⁶⁸.

⁶⁷ Харм де Блей. Власть места // Экономическая социология. 2023. № 2 (март), Т. 24. С. 50–51.

⁶⁸ Там же. С. 49–68.

Ранее также предлагалась классификация всего населения по выраженности территориальной мобильности – на «местных» и «космополитов»⁶⁹. Данные категории связаны между собой так называемым социальным спирализмом, который является способом продвижения вверх в обществе⁷⁰. Талантливые или образованные люди из провинции ощущают себя ограниченными существующими в их регионе механизмами социальной мобильности. Не желая оставаться в рамках данных ограничений, такие люди могут выбрать движение в обществе по спирали, за счет смены места жительства и переселения в другие города. В ответ на это жители городов, которые используются в качестве пунктов назначения для спиральных амбиций, часто демонстрируют напряжение между амбициями «своих» местных жителей – продвигаться по существующим рабочим структурам, которые вознаграждают за выслугу и терпение, – и амбициями «чужих» космополитов, готовых всегда уйти и переехать в другое место, если их усилия не будут вознаграждены. Данное напряжение является типичной особенностью мест конкуренции уроженцев с космополитами. Впоследствии укоренившиеся социальные структуры сметаются переменами, которые обеспечивают космополиты⁷¹.

Данные концепции подтверждаются следующими эмпирическими данными, описывающими тенденции территориальной мобильности в международных масштабах.

1. В 10-е годы нашего столетия наблюдался спад быстрого увеличения переезжающих, доля мигрантов среди населения практически не росла, в целом в миграционных процессах принимало участие порядка 3% населения

⁶⁹ Robert K. Merton *Priorities in Scientific Discovery: A Chapter in the Sociology of Science*. *American Sociological Review*, Vol. 22, No. 6 (Dec., 1957); Gouldner, Alvin W. 1957. *Theoretical Requirements of the Applied Social Sciences* // *American Sociological Review*. 22 (1):92–102.

⁷⁰ Watson W. (1964) *Social mobility and social class in industrial communities*, in Gluckman, M. (ed.), *Closed Systems and Open Minds: The Limits of Naivety in Social Anthropology*, Edinburgh: Oliver and Boyd, pp. 129–157.

⁷¹ Favell, Adrian; Recchi, Ettore *Social Mobility and Spatial Mobility*. *Sociology of the European Union*, 2011. P. 50–75.

планеты, остальные 97% населения планеты не меняли место своего жительства.

2. Значительно влияние политических решений на миграционные процессы: нарастают демиграционные процессы, неготовность Севера принимать южан; однозначно проявляется тренд деглобализации.
3. Вместо глобализации отмечается регионализация: устойчивые миграционные связи формируются между группами стран, которые территориально близки и при этом обладают рядом общих культурно-исторических, социально-политических и экономических характеристик, данная тенденция характерна как для развивающихся стран, так для развитых⁷².

Факторы, обеспечивающие проявление территориальной мобильности, различны, но условно их можно объединить в три категории:

- территориальные факторы: в фокусе исследования взаимосвязь между территорией выезда, расстояние переезда и периоды перемещений. Как пример – исследования сельско-городской миграции. Исследования, проведенные Равенштейном, свидетельствуют, что сельские жители более мобильны, чем жители городов⁷³;
- экономические факторы: влияние экономических параметров на принятие решения о переезде. К данным факторам относят причины безработицы и возможности получения желаемой позиции в другом регионе, разницу в уровне жизни, возможность получения более высоких доходов в новом регионе. Данные факторы относятся к категории «рациональных», когда индивид взвешивает риски и возможности переезда. На изучении данных факторов построена эконометрическая модель Э. Ли⁷⁴. В данной модели

⁷² Цапенко И.П. Трансформации глобальной миграции населения // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. № 8, Т. 62. С. 65–76.

⁷³ Ravenstein E.G. The Laws of Migration // *Journal of the Statistical Society of London*, Vol. 48, No. 2. (June, 1885). P. 167–235.

⁷⁴ Lee E.S. A Theory of Migration // *Demography*. 1966. No 3 (1). P. 47–57.

выделены «выталкивающие факторы» (бедность, безработица, низкий уровень дохода, неблагоприятные климатические и экологические факторы, социально-политические проблемы в регионе) и «притягивающие факторы» (значительный рынок труда, безопасность, возможность получения дохода), и промежуточные элементы (существующее законодательство, специфика логистики, наличие информации о территории прибытия), то есть те элементы, которые относятся к инфраструктуре. Также влияние данных факторов описано в ряде теорий, в основе которых лежит рассмотрение специфики рынка труда, спроса и предложения, ожидаемых выгод и издержек от переезда. К данным теориям относится неоклассическая теория М. Фридмана – П. Самуэльсона, модель индивидуального выбора М. Тодаро, теория дуальности рынка труда М. Пиоре, теория «центр – периферия» И. Валлерстайна⁷⁵;

- социальные факторы – те критерии, которые определяют социально-статусные позиции, зависящие от доступности социальных лифтов региона для всех членов домохозяйства (то есть к ним относятся и возможность профессионального и общественного развития, и образовательные возможности региона, и система социальной поддержки), профессиональный и семейный статус, культурные возможности региона, особенности образа жизни и возможности его реализации в регионе, особенности социальных связей, национальная и религиозная специфика региона. Данная группа факторов оценивается мигрантами как вложение в собственное будущее, в развитие себя и членов семьи. Данная группа факторов зачастую обеспечивает смену социального статуса мигранта в лучшую сторону, его положительную объективную социальную мобильность. Также к данной категории факторов относится специфика жизненного цикла индивидуума (начало трудовой жизни, начало семейных отношений, наступление пенсионного периода и проч.), поскольку стоящие перед каждым жизненным этапом задачи будут

⁷⁵ Гневашева В.А. Модели миграции // Социология и право. 2020. № 3 (49). С. 6–11.

также определять готовность к миграции и ее фактическую реализацию. Тут следует отметить, что миграционные траектории отражают связь определённых возрастных периодов с определенными территориями. Также обращает на себя внимание, что наибольшее количество переездов приходится на молодой возраст в силу высокой активности и способности к миграции⁷⁶.

Таким образом, при рассмотрении факторов территориальной мобильности предметом исследования гуманитарных наук стало изучение внешних и личностных предпосылок и последствий для реализации ряда «горизонтальных» видов мобильности – образования, профессии и трудовой занятости.

В настоящее время не существует единого определения трудовой мобильности. Причины многообразия определений заключаются в том, что «определения были сформированы в разные периоды развития экономической науки и по большей части отражают суть категории в конкретных исторических и экономических условиях»⁷⁷. Поэтому для определения термина «трудовая мобильность» в рамках экономики был проведен анализ ряда дефиниций и обобщено понимание данного явления⁷⁸ (таблица 1).

Суммируя представленные подходы к трудовой мобильности в экономике, отмечается разность фокусов на данное явление, воспринимаемое и как процесс, и как механизм развития экономики, и даже как личностная характеристика, что уже является предметом исследования социальной психологии.

При достаточном понимании последствий трудовой мобильности для экономики (снижение либо увеличение уровня безработицы, изменение стоимости рабочей силы, «утечка мозгов») и разработке рекомендаций вариантов стратегий для участников рынка труда остается открытым вопрос о специфике другого участника рынка – работнике.

⁷⁶ Семенова В.В., Черныш М.Ф. и Сушко П.Е. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: монография. Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2019. 512 с.

⁷⁷ Вильховская Е.Э. Классификация и анализ подходов к трактовке сущности трудовой мобильности // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2017. № 3. С. 90.

⁷⁸ Вильховская Е.Э. Классификация и анализ подходов к трактовке сущности трудовой мобильности // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2017. № 3. С. 92.

Сопоставительный анализ подходов к определению трудовой мобильности

Подход // Авторы	Сущность	Преимущества	Недостатки
Форма социальной мобильности - Е.Б. Палховская - В.П. Михайловская - А.О. Епанчинцев - Ю.А. Макушева, Л.В. Стрелкова, О.Т. Черней	Горизонтальная форма социальной мобильности, проявляющаяся в смене места работы	Использование категориально-понятийного аппарата социальной мобильности для изучения трудовой мобильности	Не отображается специфика трудовой мобильности в отличие от других форм социальной мобильности
Процесс перераспределения рабочей силы - И.В. Цыганкова, Т.В. Новикова - Л.С. Бляхман, А.Г. Здравомыслов, О.И. Шкаратан - Cole R. E	Процесс перераспределения трудовых ресурсов для получения максимального экономического эффекта	Подход полезен для этапа социализма	Отсутствует понимание специфики влияния объективных и субъективных факторов, нефункционален в условиях капитализма
Процесс изменения места работы - П.В. Леманова - Н.А. Аитов	Подход описывает процесс смены места работы работником, выражен субъект	Трудовая мобильность рассматривается в динамике, возможность построения прогнозов на основе возможности сбора данных	Трудовая мобильность рассматривается как физическое перемещение работника
Способность и готовность к перемещениям - Т.В. Новикова - Ш.В. Хертек - Дж.Г. Рубрико - Н.С. Зоткина	Способность и готовность к перемещению для выполнения рабочей функции	На основе данных, полученных при использовании данного подхода легко формировать статистику и делать прогнозы	Отражает только субъективный аспект без подтверждения действием
Элемент рыночного механизма - И. Мальцева - Г.Н. Бояркин - О.Д. Воробьева	Элемент рыночного механизма, повышающий эффективность распределения человеческих ресурсов между регионами	Трудовая мобильность рассматривается как компонент рыночных отношений	Не очевиден предмет и сущность явления
Способ увеличения человеческого капитала - А.А. Мазина - Дж. Минсер и Б. Джованович - К.А. Носкова	Трудовая мобильность как процесс усиления человеческого капитала и стоимости на рынке	Сфокусирован на развитии экономики и общества	Дефиниция узкая, раскрывает лишь один аспект

Проблема трудовой мобильности является значимой для стран с большой территорией (Китай, Бразилия, Индия) и особенно – для стран с большой территорией и относительно небольшим количеством населения (Россия),

поскольку территориальная трудовая мобильность является способом решения множества проблем экономического и политического порядка⁷⁹.

Высокий уровень трудовой мобильности, характеризующийся высоким сетевым капиталом и развитыми системами мобильности, приводит к возникновению новых форматов ведения бизнеса и взаимоотношений «работодатель – сотрудник». К. Шваб приводит как пример экономику по требованиям (on-demand economy), где вместо сотрудников в традиционном понимании появляются независимые исполнители под конкретные задачи, которых «работодатель» может найти в «человеческом облаке». Данный формат выгоден «работодателю», поскольку снимает с него ответственность по уплате социальных налогов и выплат минимальных пособий⁸⁰.

Рассуждая о сотрудниках в таком формате рынка труда, К. Шваб подчеркивает, что, хотя некоторыми людьми такой формат может восприниматься как большая свобода и уменьшение стресса, в то же время может привести к множеству негативных последствий, таких как неконтролируемая гонка в высококонкурентном рынке труда, отсутствие гарантий занятости и трудовых прав, приводя как аргумент в защиту такого вывода цитату Линды Граттон, которая в своей работе «Сдвиг: Будущее работы уже настало» отмечает «повышенный уровень фрагментарности, изолированности и исключенности по всему обществу»⁸¹.

Экономисты также учитывают масштаб трудовой мобильности, поскольку уровень масштаба оказывает прямое влияние на эффективность экономики. В таблице 2 представлены виды трудовой мобильности в зависимости от масштаба

⁷⁹ Барков С.А и др. Территориальная мобильность населения как экономическая и социокультурная проблема российского рынка труда // Вестник Московского университета. Секция 18: Социология и политология. 2019. № 2, Т. 25. С. 66–92.

⁸⁰ Шваб Клаус. Четвертая промышленная революция. Москва: Эксмо, 2022. 233 с.

⁸¹ Там же. С. 41.

перемещения с указанием требуемых действий со стороны государства для усиления или нейтрализации данного типа трудовой мобильности⁸².

Социальная мобильность также реализуется за счет получения образования, и если данное образование индивид получает в другом регионе, то имеет место так называемая академическая мобильность. Целью данного вида мобильности является перемещение элементов образовательной системы в другую систему для обмена информацией, а также наличие потенциала для этого перемещения. Со стороны субъекта академическая мобильность является значимым инструментом профессионально-личностного развития и обладает рядом преимуществ – обеспечивается развитие языковых и коммуникативных навыков, увеличивается понимание многообразия мира и понимания культурных различий, ознакомление с другими мировоззрениями и культурами.

Также академическая мобильность является значительным фактором, обеспечивающим экономическое состояние региона, что сформировало явление экономики знаний, или «академического капитализма»⁸³.

Сначала этот процесс был стихийным, но со временем область производства знаний стала рассматриваться с экономической точки зрения: *homo academicus* по образцу *homo economicus*: то есть ценность производства знаний все больше определяется экономической целесообразностью и тесно связано с получением прибыли⁸⁴.

Существуют различные основания для классификации академической мобильности:

- по географическому признаку: внутрорегиональная, внутригосударственная, международная (входящая и исходящая);

⁸² Астафьева Н.Н. Государственное регулирование трудовой мобильности: возможности и ограничения // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2017. Т. 7. С. 134–142.

⁸³ Slaughter S., Leslie L. Academic Capitalism: Politics, Policies and the Entrepreneurial University. Johns Hopkins UP., 1997; Slaughter, S. & Rhoades, G. Academic capitalism and the new economy: Markets, state, and higher education. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2004.

⁸⁴ Hans de Wit Trends and Issues in Global Student Mobility: the European and Dutch context: Centre for Applied Research on Economics & Management (CAREM), 2013; .Kim Terri Academic mobility, transnational identity capital, and stratification under conditions of academic capitalism // Higher Education. 2017. Iss: 6, Vol. 73. С. 981–997.

Взаимосвязь вида трудовой мобильности и уровня квалификации трудовых ресурсов и возможности регулирования ее государством

Вид трудовой мобильности	Трудовая мобильность неквалифицированного труда	Трудовая мобильность квалифицированной рабочей силы
Внутренняя трудовая мобильность	Желательна поддержка трудовой миграции по экономическим причинам (возможности зарабатывать) и препятствовать при поиске более качественных общественных услуг (например, переезда из села в город по причинам отсутствия на селе требуемой инфраструктуры)	Требуется сильная государственная поддержка особенно для развития новых отраслей. Требуется усиление инфраструктуры в периферийных локациях для формирования человеческого капитала. Следует усилить информирование о рынке труда для упрощения передачи информации о трудоустройстве. Необходимо увеличение потока информации о рынке труда, чтобы мигранты лучше узнавали о возможностях трудоустройства
Трансграничная трудовая мобильность в региональных районах	Увеличивает доход домохозяйств и поступления финансов в регион	Требуется государственная поддержка когда очевидна интеграция рынков, и выгоды получает регион отправки
Трансграничная трудовая мобильность за пределы региональных районов	Выгодна за счет поступления финансовых потоков в регион отправки и повышение доходов домохозяйств	Может привести как к «утечке мозгов», так и обратной миграции, что позволит привлечь в регион отправки изученные в других регионах знания, технологии и систему отношений при возвращении мигрантов назад

- по продолжительности: краткосрочная и долгосрочная;
- по сферам деятельности: образовательная, с целью повышения квалификации, научная, преподавательская;
- по субъекту: преподавательская и студенческая;
- по форме проведения: виртуальная и реальная⁸⁵.

⁸⁵ Рязанцев С.В., Ростовская Т.К., Скоробогатова В.И., Безвербный В.А. Международная академическая мобильность в России. Тенденции, виды, государственное стимулирование // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 2; Квасова Ю.А., Леонтьева В.Л., Пулькина В.А. Академическая мобильность как инструмент международного коммуникативного взаимодействия вузов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. № 1 (23).

В последнем случае имеет место категоризация студентов на «глобальных» и «глокальных». Глобальные студенты готовы к территориальной мобильности для достижения результата и смены места жительства. Глокальные студенты не готовы ради образования к территориальной мобильности и стремятся получить престиж и карьерные возможности, предлагаемые зарубежным образованием, не покидая дом, либо выезжая в новый регион для обучения на короткие сроки⁸⁶.

При этом готовность к переездам ради образования присуща как здоровым, так и людям с физическими ограничениями: группа инвалидности и нозология не выступают индикатором высокой ригидности. Но женщины больше сталкиваются с ограничениями в достижении своих жизненных целей, чем мужчины⁸⁷.

Также выделяется такой вид мобильности, как «резидентальная мобильность» (Residential mobility), которая заключается в смене места жительства на длительное время (или навсегда) в пределах одной страны или региона⁸⁸.

Выделяются такие виды резидентальной мобильности:

- 1) восходящая мобильность – реализуется в связи с поиском более успешной работы и стремлением жить в более благополучном районе;
- 2) добровольная мобильность – связана со стремлением проживания в максимально соответствующем варианте имеющемуся уровню дохода, желаемому сроку эксплуатации жилья;
- 3) принудительная мобильность – возникает по решению суда либо других неблагоприятных жизненных обстоятельств;
- 4) мобильность как образ жизни – предпочтение смены места жительства как приятного процесса для самого субъекта⁸⁹.

⁸⁶ Hans de Wit Trends and Issues in Global Student Mobility: the European and Dutch context: Centre for Applied Research on Economics & Management (CAREM), 2013. С. 42.

⁸⁷ Волосникова Л.М. и др. Личностные индикаторы академической мобильности студентов в контексте профессиональной подготовки // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2021. № 1(53).

⁸⁸ Coulter R., Thomas M. Residential Mobility. In A. Kobayashi (Ed.), International Encyclopedia of Human Geography 2020, 2 ed., pp. 443–449; Shigehiro Oishi The socio-ecological psychology of residential mobility // Journal of Consumer Psychology, Volume 32, Issue 3 2022, p. 519–536.

⁸⁹ Willibald O., Mukiibi S., Limbumba T. Understanding Residential Mobility – American Journal Of Engineering Research (AJER), Vol. 7, No. 5, 2018, P. 503–507.

Изучение данного вида мобильности в ряде гуманитарных наук обусловлено необходимостью понимания влияния данного типа мобильности на экономику региона, урбанизацию⁹⁰.

Суммируя вышесказанное, следует, что территориальная мобильность является тем видом мобильности, который может обеспечивать остальные виды мобильностей – профессиональную, академическую, трудовую и другие.

Категоризация видов мобильности, связанных с перемещением, является условной, и исследователи выделяют⁹¹:

- пространственную мобильность в пределах одного населенного пункта или региона, характеризующуюся регулярностью и возвратностью⁹²;
- резидентальную мобильность, проявляющуюся в переезде из одного региона в другой, за счет которой обеспечивается смена места жительства и зачастую – социального окружения и места работы либо обучения; данный тип мобильности может быть сопряжен с трудовой либо академической мобильностью;
- миграцию – переезд в другую страну, сопряженный со сменой всех сопутствующих условий – окружения, места работы или обучения, смены традиций и социальных норм, порой – смене культурных ориентиров и языка⁹³.

⁹⁰ Sharkey P. Residential Mobility and the Reproduction of Unequal Neighborhoods – A Journal of Policy Development and Research, 2012, Volume 14, Number 3. P. 9–31.

⁹¹ Kaufmann V. Rethinking the city: urban dynamics and motility. Lausanne: EPFL Press, 2011; Kellerman A. Daily spatial mobilities: physical and virtual. Farnham; Burlington: Ashgate, 2012.

⁹² Крайняя Н.П. Пространственная мобильность и городская морфология (к постановке проблемы) // Academia. Архитектура и строительство. 2012. № 2. P. 98–100; Черкашина Т.Ю., Мосиенко Н.Л. Пространственная мобильность населения внутри и за пределы региона: социальные и инфраструктурные факторы неравенства // Регион: экономика и социология. 2020. № 4. С. 44–77; Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А Харламова. Москва: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. С. 135.

⁹³ Мкртчян Н.В. Потенциал пространственной мобильности безработных в России // Социологические исследования. 2013. № 2; Василенко П.В. Применение гравитационной модели для анализа внутриобластных миграций на примере Новгородской и Псковской областей // Псковский регионологический журнал. 2013. № 15; McKenzie R.D. The Ecological approach to the study of the human community // American Journal of Sociology. 1924. Vol. 30, pp. 287–301; Строев П.В., Кан М.И. Пространственная мобильность населения: экономический и социальные аспекты // Экономика и управление. 2016. № 6.

Территориальная мобильность, характеризуемая долгосрочностью (резидентальная мобильность и миграция), сопряжена с протеканием ряда психологических процессов, зависит от определенных личностных качеств и обеспечивает ряд психологических эффектов как для конкретного человека, так и для социальных групп.

Территориальная мобильность требует адаптации индивидуума к новому месту обитания. Выделяют такую последовательность этапов адаптационного процесса.

1. Начальная стадия: происходит понимание требования к поведению в новой социокультурной среде, но при этом еще отсутствует принятие ценностей и норм принимающей стороны; как следствие – индивид использует привычные способы взаимодействия, полученные в родной стране.
2. Стадия примирения: на этом этапе отсутствует тесное взаимодействие между обществом принимающей стороны и индивидом, может проявляться взаимное терпение и заинтересованность.
3. Стадия аккомодации: взаимное признание и принятие ценностей принимающей социальной среды и респондента.
4. Стадия интеграции: абсолютный эмоциональный комфорт для обеих сторон⁹⁴.

Также при реализации мобильности в другие страны предполагается смена культурного кода, который реализуется посредством переживания рядом фаз культурной адаптации, в том числе и этапа культурного шока⁹⁵. Исследователи отмечают, что при смене страны проживания изначально переживается этап

⁹⁴ Иванова Г.П., Ширкова Н.Н., Логвинова О.К. Иностраный студент в российском вузе: монография. М.: РУСАЙНС, 2022. 138 с.

⁹⁵ Furnham A., Bochner S. Culture shock: psychological reactions to unfamiliar environments. London and New York, 1986; Lysgaard S. Adjustment in a foreign society: Norwegian Fulbright grantees visiting the United States // International Social Science Bulletin. 1955; Oberg K. Cultural Shock: adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. 1960, 7; Zapf M. Cross-cultural transitions and wellness: dealing with culture shock // International Journal for the Advancement of Counseling. 1991. № 14; Смолина Т.Л. (2012). Симптомы культурного шока: обзор и классификация. *Психологическая наука и образование psyedu.ru*, 4(3), Статья 16. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012_n3/55598 (дата обращения: 29.03.2024).

«медового месяца», когда отношения с представителями другой среды формальны, но вежливы и дружелюбны, сам визитер переживает ряд позитивных эмоций – восхищение, интерес, радость. Данный период может длиться от нескольких дней до нескольких месяцев, но сменяется, когда возникает необходимость вживания в новую культурную среду и решения ряда бытовых задач.

В данном состоянии, по мнению некоторых учёных, разворачивается так называемый культурный шок – «следствие тревоги, которая появляется в результате потери всех привычных знаков и символов социального взаимодействия»⁹⁶. Возникают сложности в связи с дезадаптацией в новой социальной среде, происходит значительное изменение привычек – появляется привычка проверка качества воды и пищи, состояния жилья, появляется привычка чрезмерно часто мыть руки. Происходит отторжение социального окружения, исчезает желание общаться и возникает недоверие к людям новой культуры, возможно формирование негативных установок по отношению к ним, усиливается потребность общения с соотечественниками, усиливается тоска по родине⁹⁷. Здесь следует отметить, что культурный шок имеет место как при переезде в другую страну, так и в регион родной страны с другим культурным кодом, преобладающей конфессии, используемым в обиходе другим языком. При этом «культурный шок» оценивается не как негативное явление, а как необходимое состояние для последующей трансформации и перехода к последующим фазам адаптации⁹⁸.

Следующей стадией (в зависимости от авторской концепции – третьей или четвертой) является стадия восстановления, характеризующаяся освоением

⁹⁶ Oberg K. Cultural Shock: adjustment to new cultural environments // *Practical Anthropology*. 1960, 7. P. 1.

⁹⁷ Oberg K. Cultural Shock: adjustment to new cultural environments // *Practical Anthropology*. 1960, 7; Taft R. Coping with unfamiliar cultures // Warren N. *Studies in Cross-cultural Psychology*. Vol. 1. L., 1977.; Kim, Y. Y. Cross-cultural adaptation: An integrative theory. In J.M. Martin, T.K. Nakayama & L.A. Flores (Eds.), *Readings in cultural contexts*. Mountain View, CA: Mayfield. 2002.

⁹⁸ Kim Y.Y. Cross-cultural adaptation: An integrative theory. In J.M. Martin, T.K. Nakayama & L.A. Flores (Eds.), *Readings in cultural contexts*. Mountain View, CA: Mayfield. 2002.

языковыми навыками, адаптацией к культурным традициям и нормам, появляются первые признаки интеграции в новое общество, за счет чего возникает ощущение уверенности и полезности для данного социума.

Финальным этапом является этап адаптации, который заключается в интеграции к новой культурной среде, что ощущается как чувство удовлетворения и радости, но тем не менее в некоторых ситуациях могут возникать напряжение и тревога⁹⁹.

Следует отметить, что при возвращении в родную культуру человек также переживает данные этапы кросскультурной адаптации¹⁰⁰.

Ряд исследований опровергли данную последовательность этапов кросскультурной адаптации¹⁰¹, а исследование С. Бочнера, Б. Лина и М. МакЛеона показало, что вероятность прохождения данных этапов зависит от имеющихся навыков адаптации, имеющегося репертуара социальных ролей и обучаемости, и выделяют условно три типа переезжающих «визитеров» – «опытных», «успешных» и «неуспешных». «Опытные» демонстрируют постоянно высокий уровень адаптации; «успешный» тип адаптации проявляется в W-образный тип адаптации, «неуспешный» – U-образный (тип кривой указывает на изменение психоэмоционального состояния во времени)¹⁰². Таким образом, последовательность стадий кросскультурной адаптации является условной и зависящей от таких факторов, как предыдущий опыт проживания в другой

⁹⁹ Oberg K. Cultural Shock: adjustment to new cultural environments // *Practical Anthropology*. 1960, 7; Kim Y.Y. Cross-cultural adaptation: An integrative theory. In J.M. Martin, T.K. Nakayama & L.A. Flores (Eds.), *Readings in cultural contexts*. Mountain View, CA: Mayfield. 2002.

¹⁰⁰ Gullahorn J.T., Gullahorn J.E. An extension of the U-curve hypothesis // *Journal of Social Issues*. 1963, 19 (3). P. 33–47.

¹⁰¹ Фернхем А., Бочнер С. Психология длительного пребывания за рубежом: студенты // *Развитие личности*. 2001. № 2. С. 136–168; Church A.T. Sojourner adjustment // *Psychological Bulletin*. 1982, 91. P. 540–572.

¹⁰² Bochner S., McLeod B.M., Lin A. Friendship patterns of overseas students: a functional model // *International Journal of Psychology*. 1977, 12. P. 277–297.

культуре, период проживания в другой культуре и цели перемещения (туризм, визит, временное проживание либо миграция на постоянное место жительства)¹⁰³.

При территориальной мобильности между регионами одного культурного кода отмечается ряд последствий, которые, с одной стороны, затрагивают сообщества, из которых и в которые пребывает сам индивид, с другой стороны – отмечается ряд специфических психологических явлений и особенностей, затрагивающих личность и психику самого переезжающего¹⁰⁴.

По мнению В. Кауфмана и Е.Д. Видмера, для реализации мобильности требуется мотильность (motility) / (подвижность). Факторами, обеспечивающими мотильность, являются доступность (access) выбора вариантов передвижения; навыки (skills), которые требуются для мотильности – сбор информации, адаптивность, коммуникативные навыки, навыки планирования, когнитивное усвоение (cognitive appropriation) приобретаемых в различных ситуациях навыков. Когнитивное усвоение зависит от ценностей, установок, привычек, а также поведенческих стратегий, которые формируются при социализации и направлены на усвоение общепринятых стандартов и ценностей¹⁰⁵.

Социокультурная адаптация в значительной степени зависит от предварительной языковой подготовки в родной стране и позитивного отношения к культуре принимающей стороны¹⁰⁶, что зачастую мало возможно из-за неверного представления, сложившегося на основании информации, полученной из СМИ о принимающей стране¹⁰⁷.

¹⁰³ Смолина Т.Л. Теории этапов кросс-культурной адаптации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 5. С. 267–271.

¹⁰⁴ Oishi S., Tsang S. The socio-ecological psychology of residential mobility. *Journal of Consumer Psychology*. Vol.32, Issue 3, July 2022.

¹⁰⁵ Kaufmann V., Widmer E.D. Motility and family dynamics: Current issues and research agendas // *Zeitschrift für Familienforschung*. 2006. Iss. 1.

¹⁰⁶ Леденёва В.Ю., Абдуллаев Р.С., Гусейнова Л.Д. Факторы социокультурной адаптации иностранных студентов из Азербайджана и Китая в российских вузах // *Высшее образование в России*. 2022. Том 31, № 10. С. 118–134.

¹⁰⁷ Bozbay Z., Baghirov F., Zhang, Y., Rasli A., Karakasoglu M. International students' service quality evaluations towards Turkish universities // *Quality Assurance in Education*, 28, no.3, 2020. P. 151–164.

Но помимо социокультурной адаптации указывается на необходимость иных типов адаптации, например адаптация к новой учебной среде и адаптация к новой социальной сети¹⁰⁸, либо адаптация в личностном и мотивационно-когнитивном направлении¹⁰⁹.

Процесс адаптации может вызывать ряд «теневых» эффектов на личностном уровне – повышение уровня тревожности, дезадаптацию, снижение устойчивости к стрессу, приводить к снижению мотивации и продуктивности деятельности. Подобные состояния возникают зачастую не по причине языковых барьеров, а по причине физической адаптации к новым условиям места проживания, других традиций питания и иного климата¹¹⁰.

Личностными предпосылками, обеспечивающими адаптацию, являются оптимизм, надежда, жизнестойкость, самооффективность, склонность к перфекционизму, при этом явным предиктором адаптации является способность к поведенческой регуляции¹¹¹. При этом юноши более довольны культурой и уверены в себе, чем девушки, более молодые адаптируются быстрее, чем взрослые, поскольку ценности, традиции и обычаи в более старшем возрасте уже сформированы и сложнее трансформируются в новой культуре.

Те, кто успешно адаптировался к принимающей стороне, испытывают позитивные эмоции и выражают значительное стремление к обучению и жизни за рубежом; таким индивидуумам присущи активность, готовность к знакомству с другими людьми и самопознанию себя через них, направленность на социальный копинг, позитивное отношение к тактике «уходов». То есть эффективная

¹⁰⁸ Ван Юаньян. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов: проблемы исследований в англоязычной литературе // Интернет-журнал «Мир науки»/World of Science. Pedagogy and psychology. Том 6, вып. 2. <https://mir-nauki.com/PDF/63PSMN218.pdf>

¹⁰⁹ Шамионов Р.М. Структура и факторы академической адаптации студентов-иностранцев в российских университетах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Том 24, вып. 2. С. 211–218.

¹¹⁰ Соколова Е.В., Воевода Е.В., Морозов В.М. Социокультурные адаптационные стрессоры иностранных студентов в России // Перспективы науки и образования, 5(59), 2020. С. 476–490.

¹¹¹ Шамионов Р.М. Структура и факторы академической адаптации студентов-иностранцев в российских университетах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика, 2024, Том 24, вып.2. С. 211–218.

адаптация обеспечивается значительной направленностью на взаимодействие и коммуникацию с принимающей стороной¹¹².

Лонгитюдное исследование студентов, обучающихся за границей, показало, что те, кто решил учиться за границей в начале учебного года, были более экстравертными, чем те, кто этого не сделал. Также к концу учебного года у обучающихся за рубежом возросли показатели открытости новому опыту и доброжелательности, а уровень нейротичности снизился, что объясняется качественными поддерживающими отношениями принимающей стороны и получением позитивного опыта построения новых социальных отношений¹¹³.

Реализация переезда для получения образования обеспечивает ряд позитивных эффектов для последующего взаимодействия с представителями различных стран. Исследования показывают, что существует взаимосвязь между академической мобильностью и межнациональными отношениями студентов: положительная взаимосвязь обнаружена с факторами «личностно-профессиональный рост», «социальная интеграция», «межкультурная компетентность», «открытость новому опыту», «толерантное сознание», из чего следует вывод, что развитая академическая мобильность обеспечивает способность к гармонизации межнациональных отношений¹¹⁴.

Также помимо прохождения процесса адаптации реализуется и аккультурация – «форма культурных и психологических изменений, которые представляют собой процесс и результат контакта между двумя или более культурными группами и их отдельными членами и включают различные формы взаимного приспособления, ведущие к продолжительной адаптации между группами»¹¹⁵.

¹¹² Tseng W. International students' strategies for well-being. *College Student Journal*. 36(4), 2002. P. 591–597.

¹¹³ Zimmermann J. & Neyer F.J. (2013). Do we become a different person when hitting the road? *Personality development of Sojourners*. *Journal of Personality and Social Psychology*, 105(3), 2013. P. 515–530.

¹¹⁴ Перышкова С.А. Психологическое сопровождение академической мобильности студентов в условиях высшей школы // *Гаудеамус*. 2022. Том 21, № 2. С. 88–96.

¹¹⁵ Berry John W. Acculturation: living successfully in two cultures. *Int J Intercult Relat. International Journal of Intercultural Relations*, 29(6), 2005. P. 698–699.

Выделяется четыре стратегии аккультурации.

1. Стратегия ассимиляции выражается в принятии индивидуумом новой культурной среды и отказом от собственной культуры; в этом случае индивид полностью теряет свою этническую идентичность и ассоциирует себя с новой культурной средой; происходит максимальное включение в новую культурную среду и минимизация контактов с привычной средой, что обеспечивает очень быстрое усвоение нового языка.
2. Стратегия интеграции выражается в сохранении привычного культурного кода и принятии основных норм и традиций новой культурной среды для построения связей с ее представителями.
3. Стратегия сепарации проявляется в сохранении индивидуумом собственных культурных традиций и норм, стремлении в поддержании контактов с представителями своей родной культуры, низкой мотивации к адаптации к новой культурной среде.
4. Стратегия маргинализации проявляется в отказе от собственной культуры (зачастую по требованию принимающей стороны), но и принятия новых культурных норм и традиций не происходит¹¹⁶.

Форсирование аккультурации, попытки к быстрому взаимопогружению в культуры могут носить разрушительный характер¹¹⁷. Стратегии аккультурации рассматриваются как варианты развития идентичности¹¹⁸, но возможно, что стратегия ассимиляции является промежуточной стадией в стратегии интеграции.

Те, кто находился в состоянии переезда, спонтанно упоминали о частых ощущениях одиночества по сравнению с теми, кто не переезжал. И переживания переезжающих приводят к появлению определенных различий в поведении и

¹¹⁶ Сабельникова Н.В., Каширский Д.В. Социально-психологические детерминанты адаптации иностранных студентов к обучению в России. М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2021. 119 с.

¹¹⁷ Ван Юаньян. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов: проблемы исследований в англоязычной литературе // Интернет-журнал «Мир науки»/World of Science. Pedagogy and psychology. Том 6, вып. 2. <https://mir-nauki.com/PDF/63PSMN218.pdf>

¹¹⁸ Berry John W. Acculturation: living successfully in two cultures. *Int J Intercult Relat. International Journal of Intercultural Relations*, 29(6), 2005.

психологических особенностей по сравнению с непереезжавшими. Так, чем больше одиночества и грусти переживали респонденты, тем выше становилась мотивация в формировании новых социальных контактов. Наличие развитой социальной сети обеспечивает возможность получения помощи и поддержки, а также снижения уровня неопределенности. Действительно, компьютерное моделирование показало, что более широкая стратегия слабых связей наиболее адаптивна в условиях высокой мобильности населения, в то время как более узкая стратегия глубоких связей наиболее адаптивна в условиях высокой стабильности населения¹¹⁹.

Однако в случае переездов совместно с членами семьи, друзьями или романтическим партнёром мотивация в расширении социальных контактов не столь высока, чем у тех, кто переезжает на новое место без близких людей¹²⁰. Мобильность связана с активными усилиями по поддержанию существующих отношений. Возможно, причина кроется в том, что пары, проживающие в условиях переезда, больше обеспокоены тем, что может произойти разрыв отношений, чем те, кто стабильно проживает в одном регионе. Так, женатые респонденты, живущие в условиях переездов, у которых больше возможностей для новых отношений, несмотря на это, чаще дарили подарки своим партнёрам, чем те, кто живёт оседло и у кого меньше возможностей для отношений¹²¹. Переезжающие респонденты больше склонны полагаться на поддержку своих супругов, чем те, кто проживает на одном месте; степень значимости романтических отношений для переезжающих выше, чем у немобильных¹²².

¹¹⁹ Oishi S., Kesebir S. Optimal social-networking strategy is a function of socioeconomic conditions. *Psychol Sci.* 2012 Dec; 23(12), P. 1542–1548.

¹²⁰ Li W.-Q., Li L.M.W., Lou N.M. Who moved with you? The companionship of significant others reduces movers' motivation to make new friends. *Asian Journal of Social Psychology*, 25(2), 2021. P. 319–335.

¹²¹ Komiya A., Ohtsubo Y., Nakanishi D. & Oishi S. (2019). Gift-giving in romantic couples serves as a commitment signal: Relational mobility is associated with more frequent gift-giving. *Evolution and Human Behavior*, 40, 2019.

¹²² Yilmaz C., Selcuk E., Gunaydin G., Cingöz-Ulu B., Filiztekin A. & Kent O. You mean the world to me: The role of residential mobility in centrality of romantic relationships. *Social Psychological and Personality Science*. 2022.

Примечательно, что большой опыт переездов влияет на принципы формирования дружеского круга: у людей, которые в детстве часто переезжали, как правило, были разные друзья для разных занятий, в то время как люди, которые не переезжали, как правило, занимались разными делами с одной и той же группой друзей¹²³.

Для высококомобильных характерна и специфика построения отношений и взаимодействия с группами и сообществами. Для высококомобильных менее характерно участие в мероприятиях, направленных на поддержку сообщества, чем для маломобильных¹²⁴. Мобильные склонны идти на матч успешных команд, в то время как немобильные поддерживают команды своего региона вне зависимости от их успешности. Такая «условная идентификация» проблематична, когда речь идёт о коллективных проблемах, таких как коммунальные сложности в регионе, и решении социальных и экологических проблем в районе проживания, поскольку для устранения коллективных долгосрочных проблем необходима абсолютная идентификация¹²⁵. По мере повышения мобильности для индивидуума более характерно усиление отношений внутри микрогрупп – в романтических парах, семьях, и поверхностное включение, касание в более крупные сообщества и тем более – классы.

Интересно влияние опыта мобильности на решение межличностных конфликтов. В таких ситуациях нарушитель обычно либо извиняется, либо компенсирует ущерб для сохранения отношений. Казалось бы, что для высококомобильных более ценным будет получение компенсации, поскольку нет ожидания долгосрочных отношений. Исследование показало, что те, кто переезжал в детстве, в самом деле предпочитают получить компенсацию по

¹²³ Lun J., Roth D., Oishi S. & Kesebir S. Residential mobility, social support concerns, and friendship strategy. *Social Psychological and Personality Science*, 2013, 4(3). P. 332–339.

¹²⁴ Oishi S., Rothman A.J., Snyder M., Su J., Zehm K., Hertel A.W., Gonzales M.H. & Sherman G.D. (2007). The Socio-ecological model of pro-community action: The Benefits of residential stability. *Journal of Personality and Social Psychology*, 93, 831–844.

¹²⁵ Oishi S., Tsang S. The socio-ecological psychology of residential mobility. *Journal of Consumer Psychology*. Vol.32, Issue 3, July 2022.

сравнению с теми, кто опыт переезда не переживал. Но если опыт переезда возник во взрослом возрасте, таких различий по сравнению с непереезжавшими не обнаружено¹²⁶.

Также высококомобильные более склонны к нарушению социальных норм. При изучении индивидуумов с разной степенью мобильности было обнаружено, то те, кто либо жил во временном жилье, либо находился в лаборатории в условиях высокой мобильности в отношении места жительства, либо вырос в семье, часто переезжавшей с места на место, спокойнее нарушали социальные нормы¹²⁷. Это объяснимо тем, что люди, проживающие долгое время на одном месте, больше заботятся о собственной репутации и придают большее значение своему неправильному поведению, чем те, кто часто меняет место жительства. Эта реакция на нарушение социальных норм может наблюдаться и на нейронном уровне. Психофизиологическое исследование с использованием ЭЭГ показало, что компонент N400, нейронный маркер, реагирующий на нарушение социальных норм, сильнее реагировал на незначительные нарушения социальных норм у участников с устойчивым образом жизни, чем у участников с мобильным образом жизни. Другими словами, мобильность как образ жизни снижала реакцию мозга на нарушение социальных норм¹²⁸. Также это проявляется в том, что у высококомобильных выше намерение давать взятки, этот эффект опосредован личным интересом¹²⁹.

И при этом территориально мобильные более чувствительны к вопросу честности или нечестности по сравнению с немобильными. Те, кто считает себя более мобильными, в ходе эксперимента более агрессивно исключали нечестного

¹²⁶ Komiya A., Ozono H., Watabe M., Miyamoto Y., Ohtsubo Y. & Oishi S. Socio-ecological hypothesis of reconciliatory tactics: Cultural, individual, and situational variations in willingness to accept apology or compensation. *Frontiers in Psychology*, 11, 2020. P. 1–18.

¹²⁷ Luo S., Kong Q., Ke Z., Hunag L., Yu M., Zhu Y. & Xu Y. Residential mobility decreases the perception of social norm violations. *Social Indicators Research*, 2020:148, 961–986.

¹²⁸ Luo S., Kong Q., Ke Z., Zhu Y., Huang L., Yu M. & Xu Y. Residential mobility decreases neural responses to social norm violations. *Frontiers in Psychology*, 10, 2019. 2654.

¹²⁹ Chen Y., Liu X., Lan T. & Hong Y. (2021). Move more and bribe more? The impact of residential mobility on bribe-giving. *Asian Journal of Social Psychology*, 25(2), 237–248.

партнера из игры, по сравнению немобильными. У мобильных людей выше мотивация следить за тем, чтобы в ближнем социуме было как можно больше равноправных помощников и честных людей, и они активнее дистанцируются от врагов, бесполезных или нечестных людей, чем те, кто ведёт оседлый образ жизни¹³⁰.

Высокомобильные легче выстраивают дружеские и доверительные отношения с другими людьми. Международное исследование показало, что люди, живущие в обществах с более высокой мобильностью, больше раскрываются и ищут социальной поддержки, чем те, кто живёт в обществах с более низкой мобильностью¹³¹.

Для традиционных немобильных обществ (например, для Японии) характерен выбор друзей по принципу территориальной близости и общих мест взаимодействия, для мобильных обществ характерен выбор друзей на основании сходства ценностей и интересов («эффект притяжения по сходству»)¹³². Было проведено сравнение реляционной мобильности между респондентами США и Японии, и было обнаружено, что существуют различия по способности видеть возможности для новых отношений и формировать их целенаправленно — насколько американцы видят больше возможностей для новых отношений и ищут тех, кто разделяет их ценности и интересы, настолько японцы не видят особых возможностей для построения новых отношений, они остаются друзьями с теми, кого встретили случайно¹³³.

¹³⁰ Whitson J., Wang C., Kim J., Gao J. & Scrimshire A. Response to normative and norm-violating behavior: Culture, job mobility, and social inclusion and exclusion. *Organization Behavior and Human Decision Processes*, 2015, 129, P. 24–35; Liu P., Chan D., Qiu L., Tov W. & Tong V.J.C. Effects of cultural tightness-looseness and social network density on expression of positive and negative emotions: A large-scale study of impression management by Facebook users. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 44(11), 2018. P. 1567–1581.

¹³¹ Thomson R., Yuki M., Talhelm T., Schug J., Kito M., Ayanian A. H., Becker J.C., Becker M., Chiu C., Choi H.-S., Ferreira C.M., Fülöp M., Gul P., Houghton-Illera A.M., Joasoo, M., Jong J., Kavanagh C.M., Khutkyy D., Manzi C., Visserman M.L. Relational mobility predicts social behaviors in 39 countries and is tied to historical farming and threat. *Proceedings of the National Academy of Sciences, USA*, 115(29), 2018. P. 7521–7526.

¹³² Byrne D., Clore G.L. & Griffitt W. Response discrepancy versus attitude similarity-dissimilarity as determinants of attraction. *Psychonomic Science*, 7, 1967. P. 397–398.

¹³³ Schug J., Yuki M., Horikawa H., Takemura K. Similarity attraction and actually selecting similar others: How crosssocietal differences in relational mobility affect interpersonal similarity in Japan and the U.S.A. *Asian Journal of Social Psychology*, 12(2), 2009. P. 95–103.

Также любопытным является то, что у переезжающих на новом месте исчезают привычные признаки для идентичности – происхождение, принадлежность к какой-либо группе, прошлое, которое было бы известно окружению. Поэтому переезжающему (особенно постоянно переезжающему) нужно выстраивать свою идентичность на личных качествах и характеристиках. Поэтому, когда участников исследования попросили описать себя, те, кто переезжал в детстве два и более раза, значительно чаще описывали себя с позиции личных качеств, а не социальных ролей или принадлежности к какой-либо группе, по сравнению с другими участниками, которые никогда не переезжали¹³⁴. Также 18,48% тех, кто переезжал дважды или более раз, не использовали в своих самоописаниях никаких групповых атрибутов, в то время как только 4,76% тех, кто никогда не переезжал, не использовали в своих самоописаниях групповых атрибутов. Кроме того, мобильные люди считали свою социальную роль менее значимой, чем люди, проживающие на одном месте¹³⁵. У тех, кто часто меняет место жительства, идентичность, связанная с регионом, заменяется на глобальную идентичность, и отзывчивость к проблемам тех, кто проживает далеко, возрастает (чаще совершают пожертвования в отдаленные регионы)¹³⁶. По мере увеличения опыта переездов привязанность к месту и личная история респондентов становится менее выраженной – те, кто в процессе лонгитюдного исследования переезжали более чем на 50 км между замерами исследования, имели менее выраженную локальную идентичность (привязанность к региону своего проживания), чем те, кто постоянно проживал в своем регионе¹³⁷. Более слабая

¹³⁴ Oishi S., Lun J. & Sherman G.D. (2007). Residential mobility, selfconcept, and positive affect in social interactions. *Journal of Personality and Social Psychology*, 93, 131–141.

¹³⁵ Chen J., Chiu C.-Y. & Chan S.F. (2009). The cultural effects of job mobility and the belief in a fixed world: Evidence from performance forecast. *Journal of Personality and Social Psychology*, 97(5), 2009, P. 851–865.

¹³⁶ Wang Y., Kirmani A., Li X. Not too far to help: Residential mobility, global identity, and donations to distant beneficiaries. *Journal of Consumer Research*, 47, 2921, P. 878–889.

¹³⁷ Easthope E. (2009). Fixed identities in a mobile world? The relationship between mobility, place, and identity. *Identities: Global Studies in Culture & Power*, 16(1), 2009, P. 61–82.

региональная идентичность значительно чаще выражена у тех, у кого был романтический партнер, друзья и семья, проживающие далеко¹³⁸.

У переезжающих было обнаружено явление «смены контекста» – способности отказа от старых привычек при переезде в другой регион¹³⁹. Когда старые сигналы повседневной деятельности меняются, привычки нарушаются, люди вынуждены обдумывать свои действия и выработать новые решения с учетом имеющегося опыта и информации. Таким образом, для отказа от старых привычек и изменения привычек благоприятно изменение контекста за счет смены места жительства.

При этом для высококомобильных менее характерна подверженность внутригрупповому фаворитизму. Ингрупповой фаворитизм – одно из фундаментальных открытий в социальной психологии¹⁴⁰. Но территориальная мобильность, возникающая по причине смены места жительства, снижает ингрупповой фаворитизм, размывая границы между членами своей и чужой групп – те, кто более часто переезжал, более терпимы к иммигрантам, чем те, кто никогда не переезжал¹⁴¹. Связь между мобильностью и терпимостью к иммигрантам более значима, даже с учётом возраста, пола, образования, статуса занятости, дохода и общего уровня доверия.

Это доказывает и эксперимент в области организационной психологии: те участники, которые полагали, что будут проживать в определенном регионе, в большей степени помогали сотрудникам своего отдела; те же, кто ожидал

¹³⁸ Borschel E., Zimmermann J., Crocetti E., Meeus W., Noack P. & Neyer F.J. (2019). Me and you in a mobile world: The development of regional identity and personal relationships in young adulthood. *Developmental Psychology*, 55(5), 2019. P. 1072–1087.

¹³⁹ Verplanken B., Wood, W. Interventions to Break and Create Consumer Habits. *Journal of Public Policy & Marketing*, 25, 2006. P. 90–103.

¹⁴⁰ Tajfel H., Billig R.P. & Flament C. Social categorization and intergroup behavior. *European Journal of Social Psychology*, 1, 1971. P. 149–178.

¹⁴¹ Bjarnason, T., Stevenson C., Shuttleworth I. & Meckl M. Spatial mobility and tolerance towards immigrants: The case of Northern Iceland. *Ethnic and Racial Studies*, 43(10), 2020. P. 1813–1832; Wang C.S., Leung A.K.-Y., See M.Y.H. & Gao X.Y. (2011). The effects of culture and friendship on rewarding honesty and punishing deception. *Journal of Experimental Social Psychology*, 47(6), 2011. P. 1295–1299.

возможного переезда в ближайшие два года, были готовы помогать одинаково как сотрудникам своего отдела, так и сотрудникам других отделов¹⁴².

Таким образом, в поле зрения психологической науки оказывается рассмотрение мобильности как личностной характеристики, обеспечивающей трансформацию поведения в ответ (либо в предвосхищение) на происходящие внешние изменения. Часть исследователей выделяют личностную мобильность как универсальную характеристику, обеспечивающую изменение поведения в зависимости от целей и области изменений – профессии, образования, места проживания. Но большинство исследований указывают на специфику психологических особенностей для выбора и реализации того или иного вида мобильности. Следует отметить лексическую полисемию¹⁴³, характерную для понятия «мобильность»; различия в понимании термина «мобильность» представлены на схеме 1. Можно выделить мобильность как явление, единично или постоянно реализуемое субъектом, и мобильность как личностное качество, обеспечивающее реализацию данного явления.

Схема 1

Лексическая полисемия понятия «мобильность» в научных психологических, экономических и социологических исследованиях

Индивидуально-психологическое пространство	Социальное пространство	Социальные последствия
<p>Мобильность как ответ на изменения внешних условий</p> <p>Цели М:</p> <ul style="list-style-type: none"> • профессиональная; • академическая; • личная; • карьерная <p>Вариант М:</p> <ul style="list-style-type: none"> • терр. мммобильность; • территориальная М 	<p>Мобильность как перемещение</p> <p>Виды проявления:</p> <ul style="list-style-type: none"> • трудовая мобильность; • академическая мобильность; • смена места жительства; • миграция 	<p>Социальная мобильность как смена статуса</p> <ul style="list-style-type: none"> • Социальная мобильность • Межпоколенная социальная мобильность

¹⁴² Li W.-Q., Li L.M.W., Lou N.M. Who moved with you? The companionship of significant others reduces movers' motivation to make new friends. *Asian Journal of Social Psychology*, 25(2), 2021.

¹⁴³ Стрикун Е.А. Многозадачность лексических единиц или полисемия // *Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики*. 2022. № 3 (79). С. 239–244.

При этом территориальная мобильность – разновидность мобильности, отражающая индивидуальную характеристику личности, проявляющаяся в количестве перемещений в другой регион. Территориальная мобильность носит инструментальный характер в профессиональном, образовательном, личном развитии. Территориальная мобильность как реализуется при наличии соответствующих внешних «выталкивающих» и «притягивающих» внешних условий¹⁴⁴, так и является значительным фактором трансформации социально-экономических условий регионов и стран.

Отмечается, что территориальная мобильность как явление также приводит к множеству психологических и личностных изменений:

- на уровне эмоций: чувство одиночества, склонность к негативным переживаниям (при переездах интровертов в детском возрасте);
- на уровне личностных характеристик: менее выражена доверчивость;
- на уровне мотивации: мотивация на построение новых и сохранение старых социальных контактов, сохранение близких отношений;
- на уровне коммуникативных навыков: внимание к невербалике, эмоциональная открытость, более выраженная экспрессивность (особенно улыбчивость);
- на уровне идентификации: «условная идентичность», снижение значимости социальных ролей и происхождения;
- на уровне поведения: поиск социальной поддержки, меньшее стремление к активному участию в массовидных мероприятиях, увеличение личной возможности к нарушениям социальных норм и в то же время более жесткая позиция по отношению к другим, кто социальные нормы нарушает, демонстрация эмоций и отношения в социальных сетях, менее выражен внутригрупповой фаворитизм.

¹⁴⁴ Lee E.S. A Theory of Migration // Demography. 1966. No. 3 (1). P. 47–52.

Территориальная мобильность запускает процесс культурной адаптации (аккультурации), качество которого зависит также от ряда личностных характеристик.

Территориальная мобильность приводит к личностным изменениям, но при этом становится актуальным определить, какие психологические особенности являются факторами, увеличивающими вероятность реализации территориальной мобильности.

1.3. Теоретическая структура группы социально-психологических факторов территориальной мобильности

Территориальная мобильность, проявляемая на уровне поведения, как уже упоминалось ранее, зависит от множества внешних факторов различной природы (экономических, социальных, политических). И тем не менее разные индивидуумы, находящиеся под влиянием одних и тех же внешних факторов, демонстрируют разную степень территориальной мобильности – одни не допускают даже идеи о переезде, другие реализуют его разово, а для третьих территориальная мобильность является привычной тактикой решения ряда жизненных задач. В связи с этим перед психологией стоит задача определения тех социально-психологических особенностей, которые детерминируют территориальную мобильность.

Рассмотрение исследований, направленных на изучение территориальной мобильности как психологического феномена, позволяет выделить следующие категории социально-психологических факторов территориальной мобильности: социально-демографические характеристики, личностные качества и мотивационные особенности.

Фактор 1: Социально-демографические характеристики. К данной категории факторов традиционно относятся возраст, пол, семейное положение, количество детей, уровень образования, уровень должности и прочие.

Возраст. На разных этапах жизненного пути территориальная мобильность выражена неравномерно – существуют пики территориальной мобильности,

приходящие на возраст 20–25¹⁴⁵ и 35 лет¹⁴⁶, после этого возраста мобильность снижается и остается низкой на протяжении оставшегося жизненного пути.

Пол. Традиционно территориальная мобильность более характерна для мужчин, чем для женщин, в силу гендерных ролей, но наблюдается феминизация территориальной мобильности. Таким образом, чем старше, тем более территориально мобильны мужчины; но для молодых поколений различия в территориальной мобильности между женщинами и мужчинами становятся менее выраженными¹⁴⁷.

Семейное положение. При реализации переезда статус холостого (незамужней), с одной стороны, обеспечивает меньшее количество задач, связанных с адаптацией на новом месте, – отсутствует необходимость решения задач, связанных с переездом и адаптацией членов семьи¹⁴⁸, и зачастую смена места жительства ведет к разрыву отношений с партнером. В то же время исследования показывают, что для пар, осуществивших переезд вместе, характерны более близкие и романтические отношения, чем для тех пар, которые постоянно живут в одном месте¹⁴⁹.

¹⁴⁵ Schachter J.P. (2004). Geographical Mobility: 2002–2003. Current Population Reports, US Census Bureau: Washington, DC. <https://cps.ipums.org/cps/resources/cpr/p20-549.pdf>; Geist C., McManus P. Geographical Mobility over the Life Course: Motivations and Implications // Population, Space and Place. 2008, vol. 14, no 4.

¹⁴⁶ Голенкова З.Т., Сушко П.Е. Социальная мобильность в контексте миграционных биографий россиян // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 95–104.

¹⁴⁷ Сигарева Е.П. Феминизация миграции и ее последствия // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: Материалы Международной научной конференции, Москва – Иваново – Плес, 16–18 мая 2019 г. Москва – Иваново – Плес: Ивановский государственный университет, 2019. С. 281–287; Бормотова Т.М. Феминизация глобальной миграции: тенденции и риски // Женская миграция: формы, тенденции, последствия / Под редакцией Рязанцева, С.Ю. Сивоплясовой. Москва: Издательство «Экон-Информ», 2017. С. 15–20.

¹⁴⁸ Dennett A., Stillwell J. Internal Migration in Britain, 2000–01, Examined Through an Area Classification Framework // Population, Space and Place. 2010, vol. 16, no 6, pp. 517–538; Oishi S. & Kislign J. The mutual constitution of residential mobility and individualism. In R.S. Wyer Jr., C.-Y. Chiu & Y.Y. Hong (Eds.), Understanding culture: Theory, research, and application 2009, pp. 223–239; Psychology Press; Oishi S. The psychology of residential mobility: Implications for the self, social relationships, and well-being. Perspectives on Psychological Science, 2010, 5(1), 5–21; Потапова Ю.В., Маленова А.Ю., Маленов А.А., Потапов А.К. (2023). Социально-демографические и психологические предикторы миграционных установок учащейся молодежи Сибирского региона (на примере школьников г. Омска // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2023, (1). С. 17–26.

¹⁴⁹ Yilmaz C., Selcuk E., Gunaydin G., Cingöz-Ulu B., Filiztekin A. & Kent O. (2022). You Mean the World to Me: The Role of Residential Mobility in Centrality of Romantic Relationships. Social Psychological and Personality Science, 13(7), 1151–1162.

Наличие и количество детей. При рассмотрении влияния наличия и количества детей на территориальную мобильность в фокусе внимания находятся как способные к мобильности родители, так и дети таких родителей. Результаты психологических исследований влияния высокой территориальной мобильности родителей показывают, что смена места жительства является достаточно сложным жизненным событием для детей¹⁵⁰ и для подростков, приводящим к личностным изменениям впоследствии¹⁵¹. Это влияние может учитываться родителями и быть причиной отказа от переездов. Также исследования показывают, что увеличение размера семьи значительно снижает желание и вероятность того, что родители переедут¹⁵².

Образование. Образование является «социальным капиталом», обеспечивающим успешность адаптации на новом месте. Поэтому для тех, чей уровень образования выше, более характерна территориальная мобильность, чем для обладателей среднего образования¹⁵³. Но существует специфика профессиональной деятельности, обуславливающей территориальную мобильность, – ряд профессиональных сфер предполагают высокую территориальную мобильность, но представители других типов профессий, напротив, оказываются менее мобильными. Например, для инженеров характерна низкая территориальная мобильность. В связи с этим уровень образования

¹⁵⁰ Dong M., Anda R.F., Felitti V.J., Williamson D.F., Dube S.R., Brown D.W. & Giles W.H. (2005). Childhood residential mobility and multiple health risks during adolescence and adulthood. *Archives of Pediatrics & Adolescent Medicine*, 159(12), 1104–1110; Rumbold A.R., Giles L.C., Whitrow M.J. et al. The effects of house moves during early childhood on child mental health at age 9 years. *BMC Public Health* 2012, 12, 583; Mollborn S., Lawrence E. & Root E.D. Residential mobility across early childhood and children's kindergarten readiness. *Demography*, 2018, 55(2).

¹⁵¹ Li M., Li W.-Q. & Li L.M.W. Sensitive periods of moving on mental health and academic performance among university students. *Frontiers in Psychology*, 2019, 10, 1–11; Hasler G., Haynes M., Müller S.T., Tuura R., Ritter C. & Buchmann A. The association between adolescent residential mobility and adult social anxiety, BDNF and amygdala-orbitofrontal functional connectivity in young adults with higher education. *Frontiers in Psychiatry*, 2020, 11.

¹⁵² Kulu, Hill Fertility and Spatial Mobility in the Life Course: Evidence from Austria. *Environment and Planning A*. 2008, 40.

¹⁵³ Сорокина Е.М. Образование как фактор социальной мобильности в современном китайском обществе // *Социология*. 2017. № 2. С. 138–146; Моисеенко В.В. Влияние института высшего образования на социальную мобильность населения в условиях современной России // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 2 (158).

напрямую связан с выраженностью территориальной мобильности, но для каждой профессии степень этой выраженности будет различной.

Уровень должности. Занимающие высокие уровни должностей более мобильны по причине возможности нейтрализации барьеров смены места жительства (издержек переездов, наличие релокационного пакета), а также за счет значительного стимулирования территориальной мобильности (более высокая должность, уникальная рабочая задача, эксклюзивные положения в договоре)¹⁵⁴. Но также территориальная мобильность характерна и для должностей начального уровня в молодом возрасте в связи с продолжающимся процессом самоопределения и отсутствием семейных обязательств, связанных с возрастом родителей и наличием собственной семьи.

Фактор 2: Личностные качества – устойчивые характеристики, обуславливающие особенности эмоционального реагирования, поведения, взаимодействия с другими людьми и социальными структурами. В процессе реализации территориальной мобильности требуется расширение социальных связей. По этой причине является необходимым определение социально-психологических качеств как предпосылок, обеспечивающих успешность территориальной мобильности. Имеющиеся исследования показали, что для территориально мобильных характерна выраженность социально-перцептивных качеств – социальной наблюдательности, способности считывать невербальные сигналы и их изменение¹⁵⁵.

Для проживающих в условиях мобильности более характерно чуткое внимание и восприятие невербалики окружающих, поскольку другая информация (фамилия, место работы) не несет в себе смысловой нагрузки. Имеющие опыт частых переездов быстрее распознают исчезновение улыбки в задании на обнаружение изменений по сравнению с иммобильными. Аналогичное явление наблюдалось в эксперименте, когда участников заставляли думать о том, что в

¹⁵⁴ Мазин А.Л. Потенциал трудовой мобильности как компонент человеческого капитала работника / А.Л. Мазин, А.А. Троицкая // Экономика труда. 2020. Т. 7, № 4.

¹⁵⁵ Ishii K., Komiya A., Oishi S. Residential mobility fosters sensitivity to the disappearance of happiness // International Journal of Psychology. 2020:55(4).

будущем им придется много переезжать – и чуткость к исчезновению улыбки усиливалась¹⁵⁶.

Помимо распознавания эмоций для высококомобильных характерна и специфика выражения эмоций. В регионах, где мобильность невысокая, нет необходимости открытого проявления собственных эмоций, так как есть негласный региональный кодекс допустимого и недопустимого поведения; но если население региона мобильно и изменчиво, то коммуникативные традиции и кодекс поведения не являются очевидны, в связи с чем прямое общение становится необходимым. Так, при проведении исследования с участниками из 32 стран была задача указать, в какой степени уместно выражать различные эмоции в публичных и частных местах. Результаты исследования показали, что проживающие в высококомобильных странах гораздо чаще говорили, что уместно выражать эти эмоции как на публике, так и в частном порядке, чем люди, живущие в странах с низкой мобильностью населения. Участники из стран с высокой мобильностью населения чаще говорили, что социальная связь (желание быть другом) является основной причиной улыбки, чем участники из стран с низкой мобильностью населения¹⁵⁷. Также жители высококомобильных штатов США выражали открыто свои позитивные эмоции в социальных сетях, чем жители менее мобильных штатов¹⁵⁸. Такое поведение обусловлено необходимостью быть понятным для различных представителей различных групп и культур, поэтому в высококомобильных регионах коммуникатор должен быть очень прямым и открытым.

Все это также подчеркивает значение коммуникативных умений для территориальной мобильности.

¹⁵⁶ Ishii K., Komiya A., Oishi S. Residential mobility fosters sensitivity to the disappearance of happiness // *International Journal of Psychology*, 55(4), 2020. P. 577–584.

¹⁵⁷ Rychlowska M., Miyamoto Y., Matsumoto D., Hess U., GilboaSchechtman E., Kamble S., Muluk H., Masuda T., Niedenthal P.M. Heterogeneity of long-history migration explains cultural differences in reports of emotional expressivity and the functions of smiles // *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 112(19), 2015.

¹⁵⁸ Liu P., Chan D., Qiu L., Tov W. & Tong V.J. C. Effects of cultural tightness-looseness and social network density on expression of positive and negative emotions: A large-scale study of impression management by Facebook users // *Personality and Social Psychology Bulletin*, 44(11), 2018.

В связи с этим следует, что для реализации территориальной мобильности необходим выраженный уровень коммуникативной компетентности.

Учитывая частоту новых социальных контактов и абсолютную неопределенность о перспективах данных контактов, а также непредсказуемость принимающей стороны, требуется значительный уровень адаптационных социально-психологических качеств, таких как склонность и готовность к риску и высокий уровень самопринятия, обеспечивающий эмоциональную устойчивость в неблагоприятных ситуациях.

Ряд исследований указывают, что для территориально мобильных (и в пределах регионов, и в масштабах миграции) характерен высокий уровень нейротизма (базового качества личности, заключающегося в частой смене эмоционального реагирования) и экстраверсии (базового качества личности, характеризующегося направленностью энергии во вне на взаимодействие с миром)¹⁵⁹. Социально мобильные люди более открыты для окружающих, делятся своими идеями и впечатлениями с окружающими по сравнению с немобильными¹⁶⁰, поскольку, чем легче человек открывается перед незнакомыми людьми, тем проще ему заводить новые знакомства¹⁶¹. Показатель экстраверсии значительно коррелирует с такими социально-психологическими характеристиками, как самопринятие (совокупное отношение к себе), склонность и способность к лидерству и компетентность межличностного и социального взаимодействия (готовность к конструктивному межличностному и социальному взаимодействию, высокие коммуникативные навыки, значительная активность в

¹⁵⁹ Silventoinen K., Hammar N., Hedlund E., Koskenvuo M., Ronnema T. & Kaprio J. Selective International Migration by social position, health behaviour and personality. *The European Journal of Public Health*, 2008, 18(2); Campbell P. Dispositional traits and internal migration: Personality as a predictor of migration in Australia // *Journal of Research in Personality*, 2019, 78; Jokela M. Personality traits and reasons for residential mobility: Longitudinal data from United Kingdom, Germany, and Australia. *Personality and Individual Differences*, 2021, 180, 110978; Yoshino S. & Oshio A. Personality and migration in Japan: Examining the tendency of extroverted and open people to migrate to Tokyo // *Journal of Research in Personality*, 2022, 96, p. 104–168.

¹⁶⁰ Schug J., Yuki M., Maddux W. Relational mobility explains between-and within-culture differences in selfdisclosure to close friends // *Psychological Science*, 21(9), 2010. P. 1471–1478.

¹⁶¹ Yamada J., Kito M., Yuki M. Relational mobility and intimacy in friendships and romantic relationships: A crosssocietal study between Canada and Japan // *Japanese Journal of Experimental Social Psychology*. 2015:55. P. 18–27.

социальных контактах, соответствие ценностным и поведенческим моделям в социальном контексте)¹⁶².

Способность и готовность к территориальной мобильности требуют так называемой реляционной мобильности – способности легко заводить новые знакомства и разрывать нежелательные отношения¹⁶³. Исследования показывают, что люди с высокой реляционной мобильностью склонны рассматривать действия других людей как результат их личной воли, в то время как люди с низкой мобильностью в отношениях склонны рассматривать действия других людей как результат ситуативных ограничений. Это говорит о том, что реляционная мобильность связана с более высоким внутренним локусом контроля, в то время как реляционная стабильность связана с более высоким внешним локусом контроля. Также реляционная мобильность и внутренний локус контроля связаны с аналитическим мышлением, в то время как реляционная стабильность и внешний локус контроля связаны с целостным мышлением. Реляционно мобильные люди, как правило, хорошо справляются с когнитивными задачами, требующими сосредоточения на центральной фигуре и игнорирования контекста, в то время как реляционно стабильные люди, как правило, хорошо справляются с когнитивными задачами, требующими понимания взаимосвязи между центральной фигурой и фоном¹⁶⁴.

Значительное количество переездов в детстве приводит к более низкому уровню удовлетворенности жизнью во взрослом возрасте, более низкому уровню положительных эмоций и более высокому уровню отрицательных эмоций. Однако эта отрицательная связь между мобильностью в детстве и

¹⁶² Синягин Ю.В., Синягина Н.Ю. Биографические предикторы индивидуально-психологических особенностей, входящих в «Большую пятерку» личностных качеств // Государственная служба. 2020, 22 (3 (125)), 31–47; Синягин Ю.В. Факторы, условия и биографические предикторы успешной управленческой карьеры в системе государственной гражданской службы // Государственная служба. 2019. 21 (4 (120)), 6–21.

¹⁶³ Oishi S., Tsang S. The socio-ecological psychology of residential mobility // *Journal of Consumer Psychology*. Vol. 32, Issue 3, July 2022. P. 519–536.

¹⁶⁴ San Martin A., Schug J. & Maddux W.W. Relational mobility and cultural differences in analytic and holistic thinking // *Journal of Personality and Social Psychology*, 116(4), 2019 P. 495–518; Батурина Н.В., Вяткина В.В. Психологические факторы внутренней миграции населения России // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2020. № 2 (81).

благополучием во взрослом возрасте зависела от экстраверсии: у экстравертов эта связь практически отсутствовала, а у интровертов была ярко выраженной. Влияние мобильности и экстраверсии на благополучие было объяснено качеством социальных отношений. В целом респонденты, которые часто переезжали в детстве, были менее удовлетворены социальными отношениями, чем те, кто не переезжал. Обратная связь между мобильностью в детстве и качеством социальных отношений во взрослом возрасте была особенно сильна среди интровертов, в то время как у экстравертов такой связи не наблюдалось. Другими словами, экстраверты, которые часто переезжали в детстве, всё равно могли строить хорошие социальные отношения во взрослом возрасте и поэтому были вполне счастливы во взрослом возрасте. Напротив, интроверты, которые часто переезжали в детстве, не могли строить качественные социальные отношения во взрослом возрасте и поэтому были менее счастливы во взрослом возрасте¹⁶⁵. Также существуют исследования, доказывающие, что экстраверсия является защитой от негативных последствий частой смены места жительства в детстве – у студентов американских колледжей европейского происхождения, которые часто переезжали в детстве и считали себя интровертами, уровень кортизола (гормона стресса) был выше, чем у тех, кто часто переезжал в детстве, но считал себя экстравертами¹⁶⁶. Частые смены места жительства в подростковом возрасте также приводят к повышению уровня социальной тревожности и препятствуют развитию системы страха и эмоциональной регуляции¹⁶⁷.

Проведен ряд исследований по поводу взаимосвязи специфики территориальной мобильности и характеристикам «Большой пятерки», и было

¹⁶⁵ Oishi S. & Schimmack U. Residential mobility, well-being, and mortality // *Journal of Personality and Social Psychology*, 98(6), 2010.

¹⁶⁶ Oishi S., Krochik M., Roth D. & Sherman G.D. Residential mobility, personality, and wellbeing: An analysis of cortisol secretion // *Social Psychological and Personality Science*, 3, 2012.

¹⁶⁷ Hasler G., Haynes M., Müller S.T., Tuura R., Ritter C. & Buchmann A. The association between adolescent residential mobility and adult social anxiety, BDNF and amygdalaorbitofrontal functional connectivity in young adults with higher education // *Frontiers in Psychiatry*, 11, 2020.

выяснено, что вероятность международной миграции выше у тех, у кого более высокая экстраверсия и нейротизм. Данные результаты были получены в исследованиях, проводимых в США¹⁶⁸, Европе¹⁶⁹, Японии¹⁷⁰, Австралии¹⁷¹.

Высокая мобильность внутри штатов в США была выражена у респондентов с высоким уровнем экстраверсии, а значительная мобильность как внутри штата, так и между штатами характерна для респондентов с высоким уровнем открытости к новому и низкой доброжелательностью¹⁷².

В России проводились исследования по определению психологических различий (использовался пятифакторный опросник личности 5PFQ (адаптация А.Б. Хромова) мигрантов и не переезжавших. Результаты демонстрируют, что данные категории значимо отличаются по таким личностным характеристикам, как «экстраверсия», «активность», «доверчивость», «мечтательность». Показатели «экстраверсии», «активности», «доверчивости» у мигрантов ниже, чем у не переезжавших. Склонные к переездам умеренно коммуникабельны, легко выстраивают социальные связи и достаточно легко завершают общение. Показатель «мечтательность» у мигрантов выше, что проявляется в стремлении к изменениям и нестандартным способам решения типовых задач¹⁷³.

При этом для высококомобильных характерно легкое вступление в группы, характеризующихся низкой степенью вовлеченности членов группы. Группа

¹⁶⁸ Silventoinen K., Hammar N., Hedlund E., Koskenvuo M., Ronnema T. & Kaprio J. Selective International Migration by social position, health behaviour and personality // *The European Journal of Public Health*, 18(2), 2008.

¹⁶⁹ Jokela M. Personality traits and reasons for residential mobility: Longitudinal data from United Kingdom, Germany, and Australia // *Personality and Individual Differences*, 180, 2021, 110978; Jokela M., Elovainio M., Kivimäki M. & Keltikangas-Järvinen L. Temperament and migration patterns in Finland // *Psychological Science*, 19(9), 2008. P. 831–837.

¹⁷⁰ Yoshino S. & Oshio A. Personality and migration in Japan: Examining the tendency of extroverted and open people to migrate to Tokyo // *Journal of Research in Personality*. 96, 2022, 104–168.

¹⁷¹ Campbell P. Dispositional traits and internal migration: Personality as a predictor of migration in Australia // *Journal of Research in Personality*, 78, 2019, P. 262–267.

¹⁷² Jokela M. Personality predicts migration within and between U.S. states // *Journal of Research in Personality*, 43(1), 2009. P. 79–83.

¹⁷³ Батурина Н.В., Вяткина В.В. Психологические факторы внутренней миграции населения России // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2020. № 2 (81).

должна быть такой, чтобы в неё было легко вступить и так же легко выйти из неё¹⁷⁴. Поэтому нет оснований утверждать, что для высококомобильных характерна высокая направленность и навыки работы в команде, скорее наоборот, для них, несмотря на высокие навыки межличностного взаимодействия, характерна низкая направленность на командное взаимодействие.

Фактор 3: Мотивационные факторы.

Традиционно принято считать, что мотивами для мобильности может быть переселение в более привлекательный с финансовой позиции регион, в котором возможна компенсация ряда социальных и психологических потребностей; также мотивом для территориальной мобильности является необходимость в решении ряда психологических потребностей человека (например, потребность в разрешении комплекса неполноценности за счет смены региона проживания и модели поведения в новом месте проживания): «Мигрантами становятся люди, по разным причинам не нашедшие своего места в жизни»¹⁷⁵. Но исследования последних лет показывают значительный репертуар мотивов территориальной мобильности, причем связанных не столько с избеганием нежелательных условий, сколько в стремлении к более высокому уровню жизни. Основными причинами переезда являются стремление в получении образования (в этом случае территориальная мобильность обеспечивает глобальную академическую мобильность), трудоустройство, поиск более комфортного места проживания для себя и членов своей семьи, построение карьеры и профессиональное развитие¹⁷⁶. Доказано, при самостоятельной выработке решения о переезде, без вынужденной миграции (например, по требованию государства, организации или членов семьи), адаптация к новому месту проживания происходит более легко и успешно, что

¹⁷⁴ Oishi S., Talhelm T., Lee M., Komiya A., Akutsu S. Residential mobility and low commitment groups. *Archives of Scientific Psychology*, 2015.

¹⁷⁵ Нургалеев В.С., Юдин П.А. Психологические особенности мигранта и факторы, влияющие на них // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 6 (61).

¹⁷⁶ Oishi S., Tsang S. The socio-ecological psychology of residential mobility. *Journal of Consumer Psychology*. Vol. 32, Issue 3, July 2022. P. 519–536.

свидетельствует о значении наличия выраженных мотивов для территориальной мобильности¹⁷⁷.

Исследования также показывают связь мотивов переездов с личностными характеристиками. Экстраверсия связана с высокой мобильностью по семейным обстоятельствам и условиям проживания, чем по профессиональным и карьерным причинам. Поскольку экстраверты больше заинтересованы в расширении социальных контактов и их разнообразии, то и переезды обусловлены в связи с поиском таких возможностей¹⁷⁸. Люди с высоким уровнем доброжелательности менее мобильны, что объяснимо с позиции привязанности к собственному сообществу. Открытость новому опыту, напротив, прямо коррелирует с территориальной мобильностью и наиболее связана с такими мотивами переезда, как профессиональное развитие и карьера, и значительно реже с другими мотивами. Нейротизм связан с мотивами переезда по личным и семейным обстоятельствам, что объясняется постоянной неудовлетворенностью текущим состоянием бытовых условий и семейных отношений и стимулирует к поиску лучших возможностей¹⁷⁹.

Суммируя все представленные факторы, формируется следующая теоретическая структура социально-психологических факторов территориальной мобильности (схема 2).

Данный перечень с высокой долей вероятности не является исчерпывающим, при этом он позволяет оценить состояние значимых социально-психологических факторов и спрогнозировать способность и успешность территориальной мобильности конкретного субъекта.

¹⁷⁷ Иванова Г.П., Ширкова Н.Н., Логвинова О.К. Иностраннный студент в российском вузе: монография. М.: РУСАЙНС, 2022. 138 с.

¹⁷⁸ Jokela M. Personality traits and reasons for residential mobility: Longitudinal data from United Kingdom, Germany, and Australia. *Personality and Individual Differences*, 180, 2021; Jokela M. Personality and the realization of migration desires. In P. J. Rentfrow (Ed.), *Geographical psychology: Exploring the interaction of environment and behavior* American Psychological Association, 2014. pp. 71–87.

¹⁷⁹ Jokela M. Personality traits and reasons for residential mobility: Longitudinal data from United Kingdom, Germany, and Australia. *Personality and Individual Differences*, 180, 2021; Jokela M., Elovainio M., Kivimäki M. & Keltikangas-Järvinen L. Temperament and migration patterns in Finland. *Psychological Science*, 19(9), 2008.

Теоретическая структура социально-психологических факторов территориальной мобильности

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. Проведенный теоретико-методологический анализ показал, что мобильность является значимой междисциплинарной проблемой и изучается в ряде гуманитарных наук (социологии, экономике, педагогике, психологии).
2. В настоящее время значительно расширилось внимание к феномену мобильности по ряду причин: социальная мобильность как результат все также является значимым индикатором развития общества, но наблюдение социальной мобильности как процесса возможно при фокусировании внимания на горизонтальных видах социальной мобильности – трудовой, академической, территориальной. В связи с этим в науке отмечается лексическая полисемия, когда несколько феноменов носят одинаковое название в связи с корневой причиной: так, мобильность как явление перемещения и социальная мобильность как результат этого перемещения, академическая мобильность как процесс получения образования в другой культуре и образовательной системе и академическая мобильность как комплексная личностная характеристика, обеспечивающая успешность обучения в другой культуре и образовательной среде.
3. Ряд горизонтальных видов мобильности, таких как получение образования, профессионального и карьерного развития, могут быть реализованы за счет территориальной мобильности; при этом исследования показывают необязательность территориальной мобильности.
4. Территориальная мобильность на макроуровне приводит к ряду социально-экономических, культурных и эпидемиологических изменений. При этом для каждой страны и культуры присущ различный уровень выраженности территориальной мобильности, что указывает на необходимость изучения территориальной мобильности с учетом культурных и социально-демографических факторов.

5. Территориальная мобильность, проявляющаяся через опыт переездов, а именно через количество переездов, также приводит как к изменению личностных характеристик самого переезжающего, так и к изменению взаимодействия между ним и другими людьми, изменяет восприятие социальных норм и принципов функционирования групп.
6. В то же время для реализации переездов требуется определенная личностная характеристика, делающая возможным перемещение в другой регион на длительный срок для реализации трудовых, образовательных и других жизненных задач; также является необходимым изучение социально-психологических факторов, ее определяющих, в каждой стране/культуре.
7. Понимание внутренних социально-психологических факторов позволит разрешить существующую проблему с развитием регионов, поскольку нередко в определенных регионах и организациях возникают так называемые карьерные тупики. И данная проблема может быть разрешена за счет способности субъекта к территориальной мобильности, а также за счет развития организаций в других регионах и регионов в целом. В значительной степени это сказывается на сфере управления.
8. Существует необходимость в разработке инструментария, определяющего социально-психологические факторы для реализации территориальной мобильности.

Глава 2. Эмпирическое исследование социально-психологических факторов территориальной мобильности

2.1. Организация эмпирического исследования

Целью исследования является определение социально-психологических факторов территориальной мобильности руководителей и специалистов государственной гражданской службы.

Объектом исследования выступила территориальная мобильность руководителей и специалистов государственной гражданской службы; **предметом исследования** – социально-психологические факторы территориальной мобильности руководителей и специалистов государственной гражданской службы.

В данном исследовании выделена *общая гипотеза* о том, что территориальная мобильность руководителей и специалистов государственной службы обуславливается комплексом социально-психологических факторов (социально-демографические характеристики, личностные качества и мотивационные особенности); различные уровни территориальной мобильности связаны с определенными параметрами данных социально-психологических факторов.

Гипотеза № 1. Выраженность уровней территориальной мобильности связана с полом, возрастом, образованием, семейным положением, наличием детей в семье, должностной позицией.

Гипотеза № 2. Разные уровни территориальной мобильности связаны с выраженностью различных личностных качеств (коммуникативная компетентность, командность, интернальность, самопринятие, лидерство, склонность к риску).

Чем более выражены такие личностные качества, как коммуникативная компетентность, интернальность, самопринятие, лидерство, склонность к риску,

командность, тем выше уровень территориальной мобильности.

Гипотеза № 3. Высокий уровень территориальной мобильности преимущественно связан с карьерной мотивацией.

Выборка представлена следующим образом:

1521 человек – руководители различного уровня органов публичной власти и организаций, государственных корпораций и коммерческих организаций; возраст от 27 до 57 лет, из них:

мужчины – 856 человек, средний возраст 40 лет;

женщины – 665 человек, средний возраст 40 лет.

Данная выборка была сформирована по результатам передискретизации по параметрам возраста и пола, по итогам которой исследовалось влияние демографических факторов на территориальную мобильность личности. Также для исследования влияния других социально-демографических факторов был использован метод «взвешивания классов», поскольку нет экстремального дисбаланса между различными классами сравнения.

Этапы исследования:

первый этап – исследование различий социально-демографических факторов (пол, возраст, должностной статус и др.) у респондентов с разным уровнем территориальной мобильности;

второй этап – исследование различий выраженности личностных качеств у респондентов с разным уровнем территориальной мобильности;

третий этап – исследование различий выраженности мотивационных особенностей у респондентов с разным уровнем территориальной мобильности.

В качестве строго формализованных *инструментов*, позволяющих получать информацию для количественного и качественного определения различий выраженности личностных качеств, использовались шкалы из опросника «Оценка управленческого потенциала» (автор Ю.В. Синягин) (далее – ОУП)¹⁸⁰.

¹⁸⁰ Синягин Ю.В. Опросник оценки управленческого потенциала в комплексной личностно-профессиональной диагностике. Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 186 с.

Также для определения фактической территориальной мобильности использовался вопрос из ОУП: «Сколько раз Вы меняли место жительства?», на который представлены следующие варианты ответов.

1. Постоянно живу в одном городе.
2. Неоднократно переезжал(а) в детстве с семьей.
3. Один-два раза переезжал(а) самостоятельно (учеба, работа).
4. Более двух раз переезжал(а) самостоятельно.

Для данного исследования использовались только данные респондентов, проживающих постоянно в одном месте, либо имеющих опыт переезда уже во взрослом возрасте, поскольку решение о переезде в детском возрасте принималось не самим субъектом. Таким образом, делался вывод фактической территориальной мобильности:

- нулевая территориальная мобильность – постоянно проживающие в одном городе;
- единичная территориальная мобильность – один-два самостоятельных переезда;
- территориально мобильные – переезжавшие более двух раз (по сути, три раза и более).

Для изучения специфики мотивационных особенностей у респондентов с разным уровнем территориальной мобильности был разработан авторский опросник, состоящий из двух частей (Приложение 1).

В первой части представлено 12 вопросов, семь из которых дают представление о социально-демографических особенностях респондента, пять – информацию о фактической территориальной мобильности (количестве переездов) и фактических мотивах данных переездов; во второй части представлено 24 вопроса, на основании ответов на которые можно сделать вывод о специфике мотивов к переезду. В данном опроснике представлены для оценки четыре группы мотивов:

- карьерные – указывает на готовность к переезду при понимании карьерных возможностей данного шага;
- финансовые – реализуется для возможности зарабатывать либо минимизировать финансовые затраты на проживание;
- личностно-социальные – смена места жительства реализуется для обеспечения более морально комфортного и спокойного проживания и построения гармоничных отношений;
- профессиональные – переезд возможен при условии профессионального развития, освоения новых профессиональных технологий и получения опыта.

Максимальное количество баллов по каждой категории мотивов составляет 18, при этом до 6 баллов – мотив к переезду не выражен, с 7 до 12 представлен на среднем уровне, свыше 13 – мотив выражен значительно. Одновременно значительно выраженными могут быть несколько видов мотивов.

В работе для анализа полученных данных были использованы описательная статистика, частотный анализ распределения ответов, а также методы математико-статистической обработки данных с применением статистического пакета IBM SPSS Statistics 27.0.1 SPSS: расчет *H*-критерия Краскела – Уоллиса, данные исследования были распределены нормально (по критерию Колмогорова – Смирнова), что допускало основание в дальнейшем использовать параметрические критерии для статистического анализа данных.

Расчет выбора *H*-критерия Краскела – Уоллиса был обусловлен тем, что исследовались различия в выраженности личностных качеств у трех выборок респондентов.

2.2. Исследование связи социально-демографических факторов с уровнем территориальной мобильности

Для изучения социально-демографических факторов территориальной мобильности руководителей выборка анализировалась на основании ответа на вопрос опросника: «Сколько раз Вы меняли место жительства?»:

- 1) постоянно живу в одном городе;
- 2) один-два раза переезжал самостоятельно (учеба, работа);
- 3) более двух раз переезжал самостоятельно.

По результатам ответов на данный вопрос группа респондентов, постоянно живущих в одном городе, составила 625 человек (41% выборки); переезжали самостоятельно (учеба, работа) один-два раза – 700 человек (46% выборки); более двух раз переезжали самостоятельно 196 человек (13% выборки) (рисунок 1).

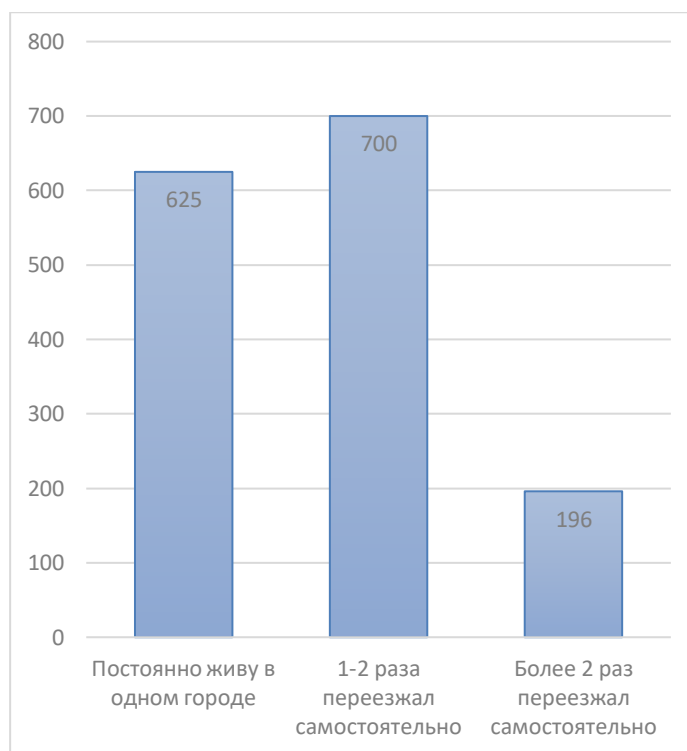

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос о количестве переездов

Для определения фактора возраста, в котором в наибольшей степени проявляется территориальная мобильность, выборка была представлена по пятилетним интервалам от 26 до 60 лет.

Распределение возрастных интервалов респондентов-мужчин представлено на рисунке 2.

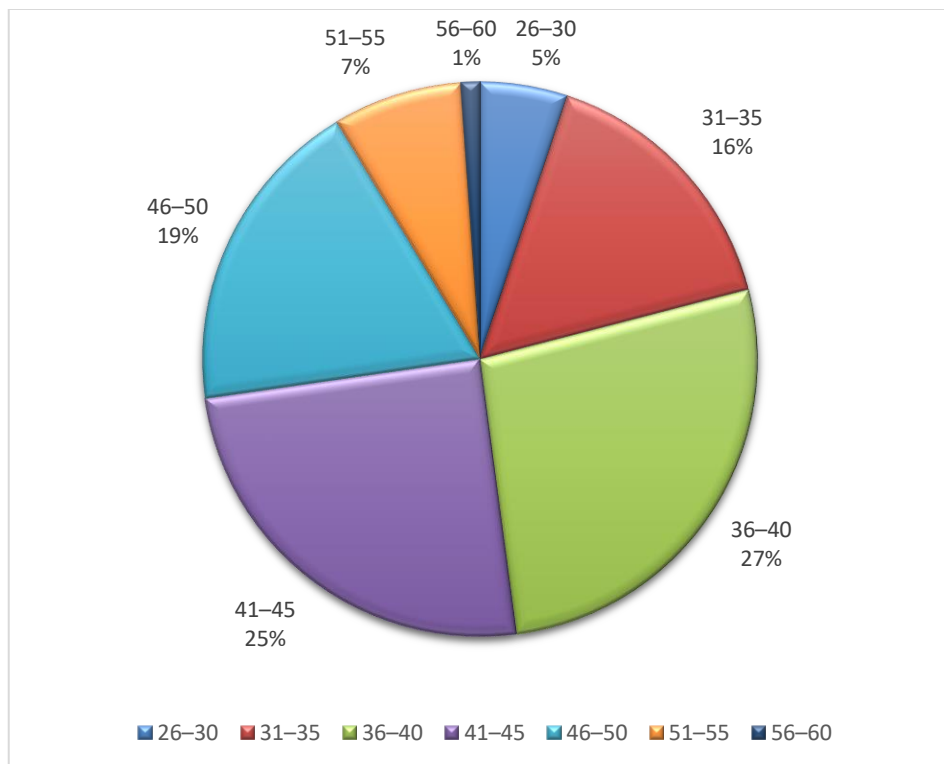

Рисунок 2. Представленность разных возрастов в выборке мужчин

Каждому возрастному интервалу определялось число респондентов: непереезжавших, переезжавших один-два раза и переезжавших более двух раз. Учитывая неравное количество респондентов в каждой возрастной группе, для «выравнивания» и последующего определения пиков мобильности данных по выборке был использован метод «взвешивания классов» для равномерности оценки. Результаты представлены в таблице 3.

Как показывают результаты, число респондентов-мужчин ($N = 856$), переезжавших более двух раз, составляет 150 из 856 (17,5%). В возрастном интервале 51–60 лет у мужчин проявляется максимальная территориальная мобильность. Второй пик мобильности находится в возрасте 41–45 лет. Также на данном возрастном интервале отмечается и «пик» единичной мобильности – 45,1% мужчин имеют опыт переездов. Поколение в данном возрастном интервале

более мобильно, чем мужчины в возрасте 46–50 лет. Возможно, имеет место влияние внешних факторов.

Таблица 3

Показатели территориальной мобильности у мужчин (по возрастам)

Возраст	Вариант ответа						Всего по возрасту	
	Постоянно живу в одном городе		Один-два раза переезжал самостоятельно (учеба, работа)		Более двух раз переезжал самостоятельно			
	Количество	% от всех по возрасту	Количество	% от всех по возрасту	Количество	% от всех по возрасту	Количество	% от всей выборки
26–30	13	28,3	31	67,4	2	4,3	46	5,4
31–35	69	48,3	63	44,1	11	7,7	143	16,7
36–40	117	48,1	87	35,8	39	16,0	243	28,4
41–45	65	31,9	92	45,1	47	23,0	224	23,8
46–50	72	42,9	65	38,7	31	18,5	168	19,6
51–55	12	26,7	16	35,6	17	37,8	68	5,3
56–60	2	28,6	2	28,6	3	42,9	10	0,8
<i>Всего</i>	<i>350</i>	<i>40,9</i>	<i>356</i>	<i>41,6</i>	<i>150</i>	<i>17,5</i>	<i>856</i>	

В целом, для мужской выборки характерно постепенное увеличение территориальной мобильности на протяжении жизни. Но некоторый спад в возрасте 46–50 лет требует дополнительного рассмотрения причин снижения территориальной мобильности, который может быть обусловлен как индивидуально-возрастными особенностями, так и социальными условиями во временной ретроспективе, поскольку ряд исследований показывает, что территориальная мобильность зависит как от региональной специфики, так и от исторических событий¹⁸¹.

При рассмотрении территориальной мобильности у женщин наблюдается совершенно иная картина. Возрастное распределение женской выборки представлено на рисунке 3.

¹⁸¹ Harrington J.R., Gelfand M.J. Tightness-looseness across the 50 United States. *Proceedings of the National Academy of Science*, 2014, 111(22), 7990–7995; Buttrick N., Oishi S. The cultural dynamics of declining residential mobility. *American Psychologist*, 2021, 76(6), 904–916; Потапова Ю.В., Маленова А.Ю., Маленов А.А., Потапов А.К. Социально-демографические и психологические предикторы миграционных установок учащейся молодежи Сибирского региона (на примере школьников г. Омска) // Вестник Омского университета. Серия «Психология», 2023, (1), С. 17–26.

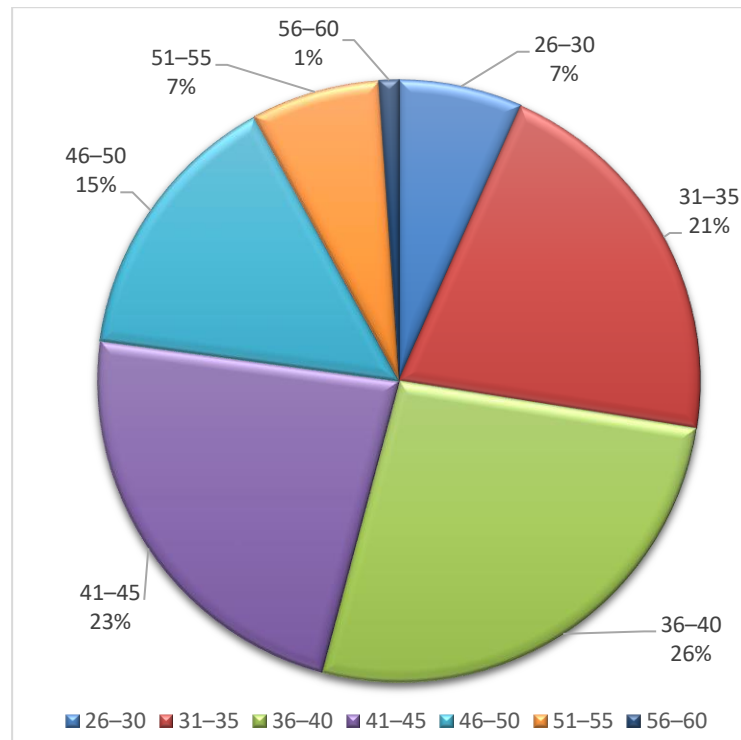

Рисунок 3. Представленность разных возрастов в выборке женщин

В таблице 4 соответственно каждому возрастному интервалу представлено число женщин-респондентов трех подгрупп: непереезжавших, переезжавших один-два раза и более двух раз.

Таблица 4

Показатели территориальной мобильности у женщин (по возрастам)

Возраст	Вариант ответа						Всего по возрасту	
	Постоянно живу в одном городе		Один-два раза переезжала самостоятельно (учеба, работа)		Более двух раз переезжала самостоятельно			
	Количество	% от всех по возрасту	Количество	% от всех по возрасту	Количество	% от всех по возрасту	Количество	% от всей Выборки
26-30	23	52,3	21	47,7	0	0	44	6,6
31-35	53	38,1	77	55,4	9	6,5	139	20,9
36-40	77	43,5	83	46,9	17	9,6	177	26,6
41-45	65	42,5	74	48,4	14	9,2	153	23,0
46-50	46	46,5	47	47,5	6	6,1	99	14,9
51-55	18	39,1	25	54,3	3	6,5	46	6,9
56-60	3	42,9	3	42,9	1	14,3	7	1,1
<i>Всего</i>	285	42,9	330	49,6	50	7,5	665	

Результаты показывают, что в группе женщин ($N = 665$) число переезжавших более двух раз составило 50 человек (7,5% общего числа женщин). Показатель 56-60 в данном исследовании не учитываем в силу экстремально

низкого количества респондентов в данной возрастной группе (1,1% от всей выборки). При этом отсутствует поступательное увеличение значительной территориальной мобильности с повышением возраста. Напротив, «пик» территориальной мобильности приходится на возраст 36–40 лет и второй «пик» по значению 41–45 лет, после чего отмечается снижение. Также обращает на себя внимание «пик» среднего уровня мобильности, приходящегося на возраст 31–35 лет – то есть к этому времени у 55,4% женщин-респондентов уже накоплен опыт одного-двух переездов, который в перспективе может перейти в высокую территориальную мобильность. Подобные результаты возможны по ряду причин.

2. Изменение социальной роли женщин, произошедшей в последние десятилетия, когда женщины проявляют значительную активность в профессиональной и карьерной реализации, для которых может выбираться территориальная мобильность как способ развития; на это указывают существующие исследования¹⁸².
3. Переход территориально мобильных женщин в другую профессиональную отрасль из сферы госслужбы в данные возрастные интервалы.

Для подтверждения данных гипотез требуется дополнительное исследование в формате лонгитюда.

Сравнительный анализ результатов, представленных в табл. 1 и 2, показывает, что число высококомобильных респондентов в группе мужчин в 2,27 раза превышает число высококомобильных респондентов в группе женщин.

Итак, очевидна связь между полом респондента и выраженностью территориальной мобильности, однако более глубокий анализ психологических причин этого факта требует дополнительных исследований личностных особенностей высококомобильных мужчин и высококомобильных женщин по сравнению с остальными респондентами своего пола.

¹⁸² Сигарева Е.П. Феминизация миграции и ее последствия // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: Материалы Международной научной конференции, Москва – Иваново – Плес, 16–18 мая 2019 г. Москва – Иваново – Плес: Ивановский государственный университет, 2019. С. 281–287; Бормотова, Т.М. Феминизация глобальной миграции: тенденции и риски // Женская миграция: формы, тенденции, последствия / Под редакцией Рязанцева, С.Ю. Сивоплясовой. Москва: Издательство «Экон-Информ», 2017. С. 15–20.

Для анализа связи фактора должностного статуса с уровнем территориальной мобильности респонденты были распределены в три группы, среди них: первичное, среднее и высшее звено управления.

Количество респондентов с разным уровнем мобильности в зависимости от звеньев управления представлено в таблице 5 и на рисунке 4.

Таблица 5

Уровень территориальной мобильности для различных звеньев управления

Звенья управления	Вариант ответа						Всего человек
	Постоянно живу в одном городе		Один-два раза переезжал самостоятельно (учеба, работа)		Более двух раз переезжал самостоятельно		
	Кол-во	% от всех управленцев первичного звена	Кол-во	% от всех управленцев среднего звена	Кол-во	% от всех управленцев высшего звена	
Первичное	148	43,4	166	48,3	28	8,3	342
Среднее	434	41,6	476	45,7	132	12,7	1 042
Высшее	45	33,1	55	40	37	26,9	137
Всего		41,2		45,8		13	1 521

Результаты, представленные в таблице 5 и на рисунке 4, показывают, что наибольший процент руководителей с высоким уровнем мобильности в подгруппе руководителей высшего звена управления (26,9%). В подгруппе среднего звена управления – 12,7%. В первичном звене – 8,3%. При этом количество немобильных руководителей высшего звена составляет треть от всей выборки руководителей высшего звена. Такое распределение количества высокомобильных респондентов может быть обусловлено не только необходимостью и реализацией переездов для получения дополнительного опыта в сфере госслужбы, но и высокая мобильность, и получение должности высшего звена управления могут быть следствием фактора длительности работы на госслужбе (что особенно вероятно для мужской части выборки).

В таблице 6 представлено количество респондентов с разным уровнем мобильности в зависимости от принадлежности к сфере управленческой деятельности. Максимальное количество высокомобильных сотрудников в госкорпорациях – 22,1%.

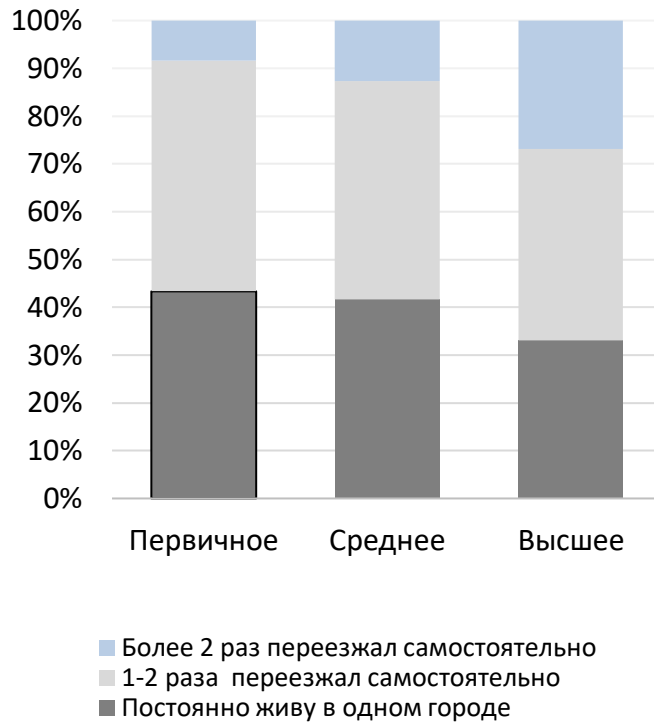

Рисунок 4. Показатели территориальной мобильности для различных звеньев управления

В группе руководителей региональных органов исполнительной власти и федеральных органов власти примерно одинаковое количество сотрудников различного уровня высокой степенью мобильности – 11,7 и 12% соответственно. В большинстве случаев для представителей федеральных органов власти характерен единичный опыт территориальной мобильности – 52,1%. В целом, представители федеральных органов власти более мобильны, чем представители региональных органов власти – доля иммобильных респондентов, работающих в ФОИВах, – 35,9%, в то время как доля иммобильных респондентов, работающих в РОИВах, – 45,3%.

Значительным фактором, влияющим на возможность смены места жительства, является семейное положение, а также наличие детей, поскольку реализация переезда совместно с семьей требует решения комплекса бытовых вопросов, связанных с размещением членов семьи в новом регионе, а также разрешения субъективных проблем, связанных как с адаптацией на новом месте,

так и согласием супруга на переезд. В таблице 7 представлены данные респондентов об их семейном положении и наличии детей.

Таблица 6

**Распределение территориальной мобильности
в разных профессиональных сферах**

Сфера	Вариант ответа						Всего
	Постоянно живу в одном городе		Один-два раза переезжал самостоятельно (учеба, работа)		Более двух раз переезжал самостоятельно		
	Кол-во	% от всей проф. группы	Кол-во	% от всей проф. Группы	Кол-во	% от всей проф. Группы	
Бюджетные организации (подведомственные органам власти государственные/муниципальные организации)	2	66,7	1	33,3	0	0	38
Государственные корпорации и институты развития	41	33,6	54	44,3	27	22,1	122
Региональные органы государственной власти, в том числе гражданская служба субъектов Российской Федерации	477	45,3	452	43,0	123	11,7	1 052
Федеральные государственные органы, в том числе федеральная государственная служба	111	35,9	161	52,1	37	12,0	309
Всего	634		688		199		1 521

* Экстремально низкое количество наблюдений, не берется для анализа и интерпретации.

Анализ влияния наличия детей на территориальную мобильность показывает, что у тех, кто не переезжал никогда (а это в значительной части люди в возрасте до 40 лет), и тех, кто переезжал порядка одного-двух раз, почти у каждого второго детей нет. При попарном сравнении различий не было обнаружено «сдвигов» в распределении количества детей в зависимости от числа переездов, следовательно, наличие и количество детей не является сколько-либо значимым фактором – к переездам одинаково способны и бездетные, и те, у кого дети есть.

Вне зависимости от опыта смены места жительства пропорции холостых и женатых относительно одинаковы, что также показывает, что семейный статус никоим образом не отличается для различных категорий.

Таблица 7

Семейное положение и количество детей у респондентов с различным уровнем территориальной мобильности

Кол-во переездов	Всего %	Количество детей, %					Семейный статус, %				
		0	1	2	3	Ср. кол-во	Холост	Женат	Сож- во	Развод	Вдов
0	41,8	35	8	13	1	0,6	22	26	3	5	0
1-2	45,1	14	9	9	4	1,1	12	18	3	4	0
3+	13,1	0	3	4	0	1,5	2	4	0	1	0
Всего		50	21	26	5		36	48	6	10	0

Следовательно, существуют другие социально-демографические факторы, определяющие или ограничивающие территориальную мобильность.

Рассмотрим влияние уровня образования на территориальную мобильность (таблица 8).

Таблица 8

Уровень образования респондентов

Количество переездов	Доля респондентов, %	Среднее специальное %	Бакалавриат, %	Специалитет/магистратура, %	Аспирантура/ адъюнктура, %	MBA/ DBA, %
0	37,9	5,8	8,8	23,3	0	0
1-2	48,9	7,5	11	25,6	3,6	1,2
3+	13,2	2,2	0	6,6	0	4,4
Всего	100					

Образование является существенным компонентом человеческого капитала, обеспечивающего качество трудового ресурса и востребованность.

Тем не менее при попарном сравнении не было обнаружено существенного различия среди немобильных и единично мобильных – распределение среднего специального образования, бакалавриата и специалитета/магистратуры относительно одинаковое для обеих групп.

По полученным данным, для имеющих единичный опыт мобильности и территориально мобильных присуще послевузовское образование. Но обращает на себя внимание то, что специалисты высшей категории, окончившие

аспирантуру/адъюнктуру, имеют единичный опыт переезда, в то время как обладатели дипломов МВА/МРА более территориально мобильны. Вероятно, формат получаемого послевузовского образования зависит от предполагаемой карьерной траектории и мест ее реализации. Но очевидно, что послевузовское образование характерно для людей с опытом переездов.

Выводы: отмечается связь социально-демографических факторов с выраженностью территориальной мобильности:

- *пол* является значимым фактором, определяющим территориальную мобильность: мужчины в целом более мобильны, чем женщины (в 2,27 раза), и территориальная мобильность мужчин повышается по мере взросления, чего нельзя сказать о женщинах – отмечаются «пики» в 36–40 лет, а также выражен опыт единичных переездов в возрасте 31–35 лет;
- *возраст* как фактор предполагает «пики» территориальной мобильности у женщин и относительно линейное увеличение территориальной мобильности у мужчин;
- *семейный статус и наличие детей* является нейтральными факторами – семейная жизнь и родительство не ограничивают, но и значительно не стимулируют к территориальной мобильности;
- *послевузовское образование* характерно для тех, у кого присутствует единичный или постоянный опыт территориальной мобильности, но присутствует специфика: территориально мобильные получают степени МВА/МРА, имеющие единичный опыт мобильности имеют высшую категорию по итогам аспирантуры/адъюнктуры; в целом для системы государственного управления характерно наличие высшего образования у подавляющего большинства сотрудников.

Профессиональная сфера деятельности в значительной степени обуславливает территориальную мобильность у государственных служащих: наибольшее количество территориально мобильных сотрудников – среди сотрудников госкорпораций и корпоративных университетов (22,1%). В группе

руководителей региональных органов исполнительной власти и федеральных органов власти примерно одинаковая доля сотрудников различного уровня высокой степенью мобильности – 11,7 и 12% соответственно. Уровень должности связан с высоким уровнем территориальной мобильности – наибольшая доля территориально мобильных среди руководителей высшего звена управления (26,9%).

2.3. Исследование связи личностных качеств с уровнем территориальной мобильности

Задачей данной части исследования является проверка гипотезы о существовании связи между личностными качествами и уровнями территориальной мобильности. В соответствии с теоретической моделью проверяется связь между территориальной мобильностью и такими качествами, как коммуникативность, ориентация на командную работу, интернальность, самопринятие, готовность рисковать, лидерство.

Для этого были использованы результаты по следующим шкалам из ОУП: интернальность, командность, коммуникативная компетентность, самопринятие, лидерства, склонности и готовности к риску.

Для сравнения были выделены три группы: постоянно проживающие в одном городе; один-два раза переезжали самостоятельно (учеба, работа); более двух раз переезжали самостоятельно. С помощью коэффициента Краскела – Уоллиса с последующим уточнением на поправку Бонферрони было проведено попарное сравнение значимости разницы в выраженности данных личностных характеристик у групп с разной степенью территориальной мобильности.

Результаты сравнения представлены в таблице 9.

**Числовые результаты по проверке гипотезы о различии выраженности
личных качеств у государственных служащих с разным уровнем выраженности
территориальной мобильности**

Нулевая гипотеза	Критерий	Общий показатель по гипотезе	Группа сравнения		
			Немобильные единично мобильные	Немобильные мобильные	Единично мобильные мобильные
Распределение интернальности является одинаковым для всех уровней выраженности ТМ	Статистика критерия	31,038	0,050924	2,5303E-8	0,000018
	Внесена поправка Бонферрони		0,152773	7,5908E-8	0,000055
	Показатель значимости			< 0,001	< 0,001
Распределение командности является одинаковым для всех уровней выраженности территориальной мобильности		1,210	Множественные сравнения не производились, поскольку общий критерий не обнаруживает значимых различий по всем выборкам		
Распределение коммуникативной компетентности является одинаковым для всех уровней выраженности территориальной мобильности	Статистика критерия	21,16	0,000019	0,001906	0,836917
	Внесена поправка Бонферрони		0,000058	0,005718	1,000000
	Показатель значимости		< 0,001		
Распределение лидерства и независимости является одинаковым для всех уровней выраженности территориальной мобильности	Статистика критерия	56,69	0,000002	1,0196E-12	0,000091
	Внесена поправка Бонферрони		0,000005	3,0589E-12	0,000273
	Показатель значимости		< 0,001	< 0,001	< 0,001
Распределение самопринятия является одинаковым для всех уровней выраженности территориальной мобильности	Статистика критерия	32,01	0,001836	3,4233E-8	0,000597
	Внесена поправка Бонферрони		0,005508	1,027E-7	0,001090
	Показатель значимости			< 0,001	< 0,001
Распределение готовности к риску является одинаковым для всех уровней выраженности территориальной мобильности	Статистика критерия	32,98	0,001979	1,9294E-8	0,000377
	Внесена поправка Бонферрони		0,005936	5,7883E-8	0,001060
	Показатель значимости			< 0,001	< 0,001

Значимые различия были получены по такой личностной характеристике, как интернальность – готовность субъекта к принятию на себя ответственности за

свои поступки. Интернальность значительно выше у территориально мобильных по сравнению со всеми остальными (рисунок 5)

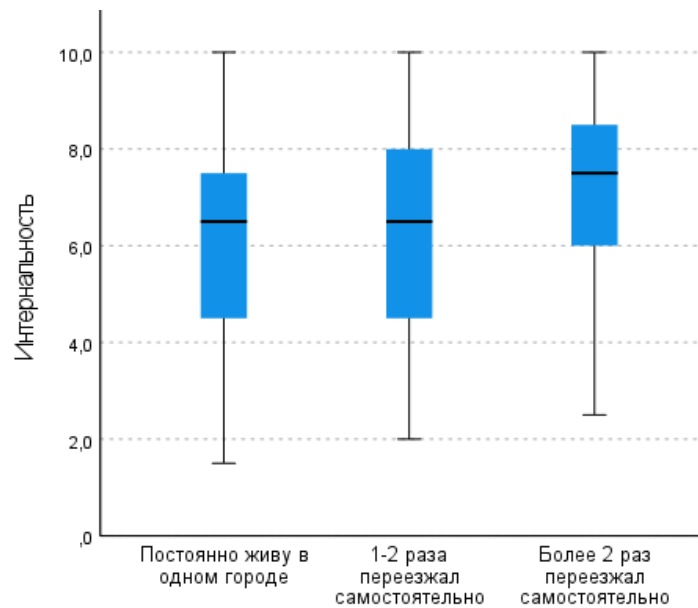

Рисунок 5 Различия выраженности интернальности у респондентов с разной степенью территориальной мобильности

При попарном подсчете было определено достоверное различие выраженности интернальности у тех, кто переезжал более двух раз. Вероятно, готовность и умение ориентироваться на собственную точку зрения и брать ответственность именно на себя за свои поступки за происходящее являются обязательным условием для проактивной территориальной мобильности; если единичная мобильность возможна в связи с требованиями либо поддержкой внешних обстоятельств и окружения, то постоянная территориальная мобильность реализуется при значительной опоре на собственные решения.

Также были обнаружены различия по самооценке коммуникативной компетентности – легкости в построении коммуникаций, отсутствию проблем в сфере межличностных коммуникаций и степени их осознания. Респонденты, имеющие единичный опыт территориальной мобильности, оценивают свою коммуникативную компетентность значимо выше, чем территориально немобильные, но отсутствуют значимые различия в самооценке коммуникативной

компетентности у высококомобильных по сравнению с немобильными и единично мобильными. Возможно, такой разброс в оценке собственных коммуникативных компетенций обусловлен значительно большим количеством и разнообразием ситуаций, требующих навыков взаимодействия, и не всегда умение коммуницировать является достаточным как по качеству, так и по назначению, поскольку требуются другие личностные качества для организации реализации переезда.

Графически результаты по различиям выраженности коммуникативной компетентности в трех выборках представлены на рисунке 6.

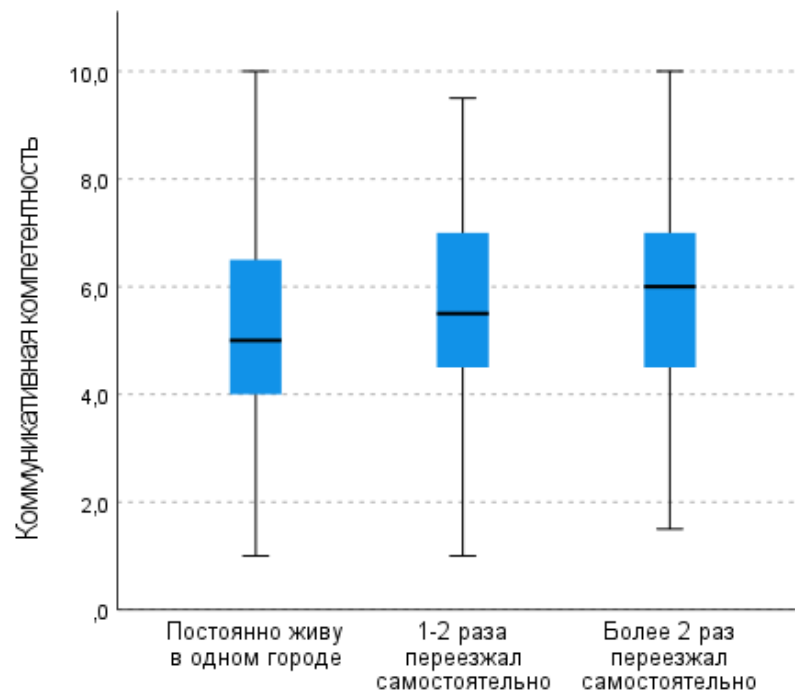

Рисунок 6. Различия выраженности коммуникативной компетентности у респондентов с разной степенью территориальной мобильности

Также не обнаружено различий в способности и склонности к командной работе – данная характеристика выражена относительно одинаково у всех трех групп выраженности территориальной мобильности и не говорит о высококомобильных как «некомандных» (рисунок 7).

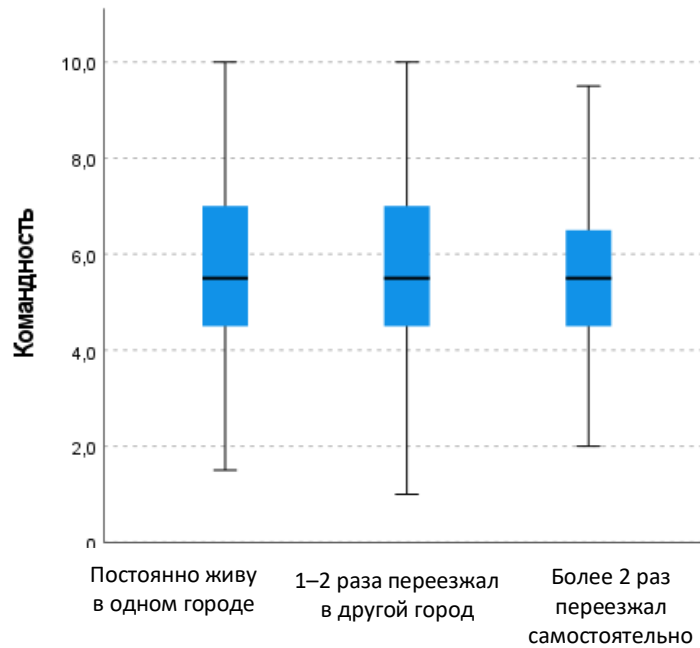

Рисунок 7. Различия выраженности склонности к командной работе у респондентов с разной степенью территориальной мобильности

Обнаружено, что склонность и готовность к риску значительно выше у территориально мобильных по сравнению с другими категориями респондентов (рисунок 8). Следует обратить внимание, что «личность с выраженной готовностью к риску характеризуется неудовлетворенностью настоящим, опорой на прошлое и нацеленностью на будущие перспективы»¹⁸³, а неудовлетворенность настоящим является проявлением нейротизма¹⁸⁴. Данное личностное качество характеризуется не однозначно: с одной стороны, для людей с высокой степенью готовности к риску характерно снижение выраженности анализа и условий, присущи сложности в постановке реальных целей¹⁸⁵; с другой – «готовность к

¹⁸³ Медовикова Е.А., Морозова И.С. Готовность к риску в аспекте психологической безопасности личности // Эргодизайн, 3 (17), 2022.

¹⁸⁴ Schug J., Yuki M., Maddux W. Relational mobility explains between-and within-culture differences in selfdisclosure to close friends // Psychological Science, 21(9), 2010.

¹⁸⁵ Быкова С.В. Склонность к риску как устойчивое свойство личности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 1 (1), 2016; Медовикова Е.А., Морозова И.С. Готовность к риску в аспекте психологической безопасности личности // Эргодизайн, 3 (17), 2022.

самоконтролю действий при заведомой неполноте или недоступности необходимых ориентиров, а также стремление полагаться на свой потенциал»¹⁸⁶.

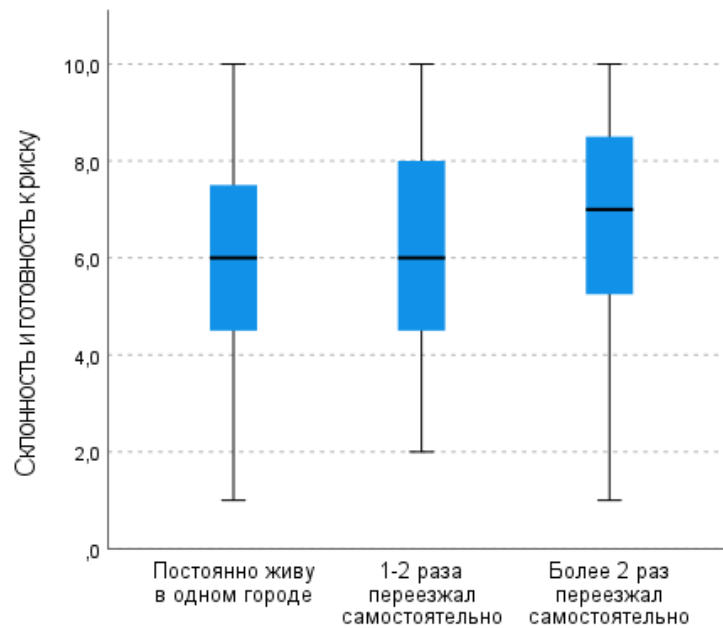

Рисунок 8. Различия выраженности склонности и готовности к риску у респондентов с разной степенью территориальной мобильности

При этом не обнаружено значимых различий в способности к риску у немобильных и единично мобильных респондентов, что также свидетельствует, что неслучайная, проактивная территориальная мобильность требует ощущать неудовлетворенность текущим положением, готовность рисковать и принимать решения в ситуации нехватки информации.

Для территориально мобильных характерно более явное самопринятие по сравнению со всеми остальными категориями респондентов (рисунок 9).

В зависимости от уровня выраженности территориальной мобильности различается степень выраженности такого личностного качества, как лидерство и независимость, – чем значительнее выражено лидерство, тем выше уровень территориальной мобильности (рисунок 10).

¹⁸⁶ Бочарова Е.Е. Готовность к риску как личностный потенциал субъектной регуляции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития, 2 (4), 2011.

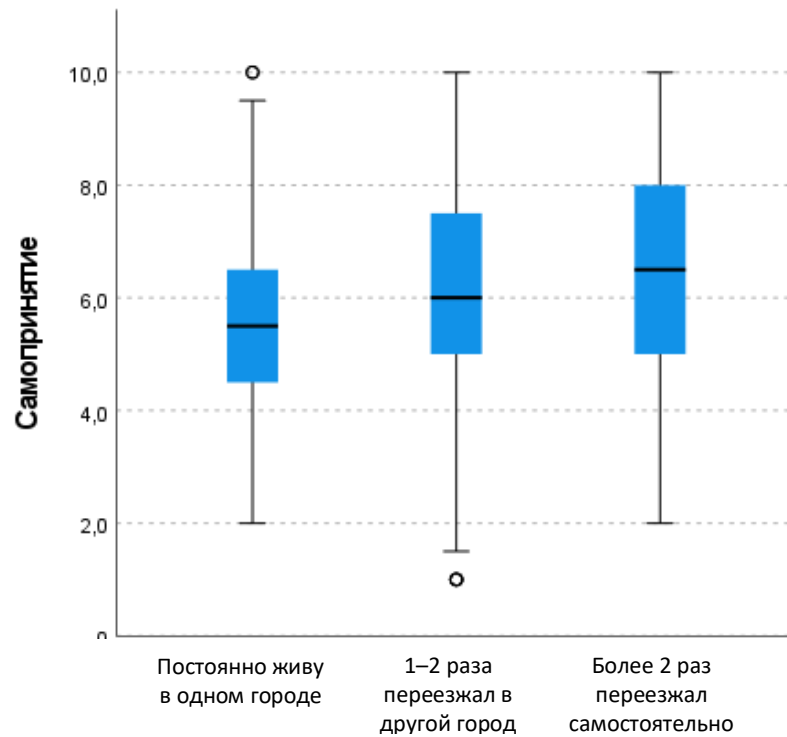

Рисунок 9. Различия выраженности самопринятия у респондентов с разной степенью территориальной мобильности

Данные результаты показывают, что принятие кадрового решения о перемещении сотрудника в другой регион целесообразно в случае выраженности данного качества; в случае отсутствия способности индивидуума и его направленности на лидерование результаты переезда могут оказаться отрицательными. Примечательно, что полученные результаты аналогичны результатам исследования сообществ с разной степенью мобильности – в высокомобильных сообществах значительно выражен индивидуализм по сравнению с низкоомобильными сообществами¹⁸⁷.

¹⁸⁷ Thomson R., Yuki M., Talhelm T., Schug J., Kito M., Ayanian A.H., Becker J.C., Becker M., Chiu C., Choi H.-S., Ferreira C.M., Fülöp M., Gul P., Houghton-Illera A.M., Joasoo M., Jong J., Kavanagh C.M., Khutkyy D., Manzi C., ... Visserman M.L. Relational mobility predicts social behaviors in 39 countries and is tied to historical farming and threat. 2 Proceedings of the National Academy of Sciences, USA, 2018, 115(29).

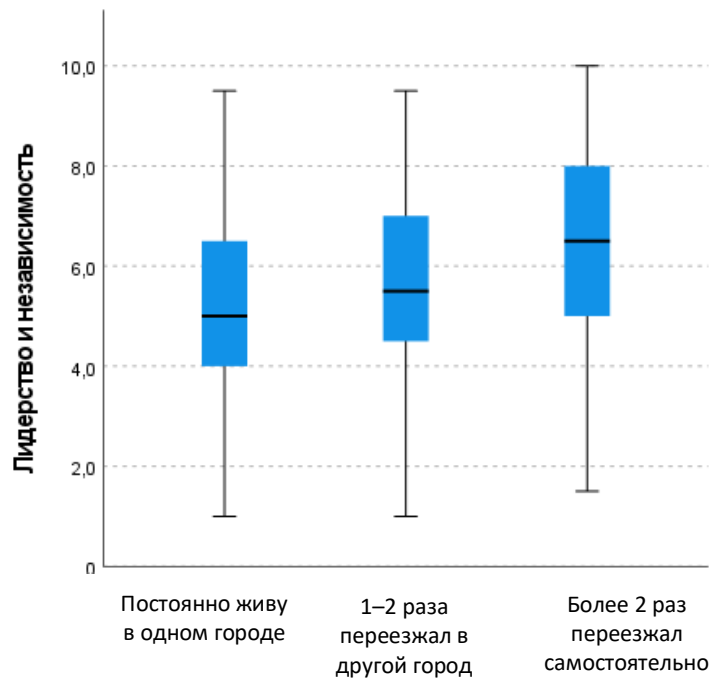

Рисунок 10. Различия выраженности лидерства и независимости у респондентов с разной степенью территориальной мобильности

Подводя итоги рассмотрения наличия связи между уровнями территориальной мобильности и личностными качествами, были получены следующие результаты.

- Нет различий в выраженности способности и склонности к командной работе у респондентов с различным уровнем территориальной мобильности.
- Явными отличительными личностными качествами, присущими территориально мобильным респондентам, являются склонность и готовность к риску, самопринятие, интернальность.
- По мере возрастания выраженности лидерства как личного качества увеличивается и способность к территориальной мобильности.
- Коммуникативная компетентность значительно выше у разово мобильных по сравнению с немобильными, но для высокомобильных характерны различные варианты выраженности данного личностного качества.

Теперь рассмотрим различия в личностных качествах мужчин и женщин с разной выраженностью территориальной мобильности.

Результаты анализа личностных качеств высококомобильных, единично мобильных и немобильных респондентов на выборке респондентов-мужчин ($N = 856$) аналогичны результатам общей выборки (таблица 10).

Таблица 10

Числовые результаты по проверке гипотезы о различии выраженности личностных качеств у государственных служащих с разным уровнем территориальной мобильности (мужчины, $N = 856$)

Нулевая гипотеза	Критерий	Общий показатель по гипотезе	Группа сравнения		
			Немобильные единично мобильные	Немобильные мобильные	Единично мобильные мобильные
Распределение <i>интернальности</i> является одинаковым для всех уровней выраженности ТМ	Статистика критерия	0,000035	0,001510	0,000026	0,075708
	Внесена поправка Бонферрони		0,004530	0,000077	0,227123
	Показатель значимости	< 0,001		< 0,001	
Распределение <i>командности</i> является одинаковым для всех уровней выраженности территориальной мобильности		1,210	Множественные сравнения не производились, поскольку общий критерий не обнаруживает значимых различий по всем выборкам		
Распределение <i>коммуникативной компетентности</i> является одинаковым для всех уровней выраженности территориальной мобильности	Статистика критерия	0,000011	0,000997	0,000008	0,889918
	Внесена поправка Бонферрони		0,002990	0,000024	1,000000
	Показатель значимости	< 0,001	< 0,001		
Распределение <i>лидерства и независимости</i> является одинаковым для всех уровней выраженности территориальной мобильности	Статистика критерия	4,2111E-13	7,8959E-9	1,8297E-11	0,021790
	Внесена поправка Бонферрони		2,3688E-8	5,4892E-11	0,065370
	Показатель значимости	< 0,001	< 0,001	< 0,001	
Распределение <i>самопринятия</i> является одинаковым для всех уровней выраженности территориальной мобильности	Статистика критерия	1,3239E-7	0,000076	1,7807E-7	0,028611
	Внесена поправка Бонферрони		0,000229	5,342E-7	0,085833
	Показатель значимости	< 0,001	< 0,001	< 0,001	
Распределение <i>готовности к риску</i> является одинаковым для всех уровней выраженности территориальной мобильности	Статистика критерия	0,000006	0,000893	0,000004	0,039551
	Внесена поправка Бонферрони		0,000479	0,000012	0,118653
	Показатель значимости	< 0,001	< 0,001	< 0,001	

При анализе различий выраженности личностных качеств у респондентов-мужчин с разным уровнем территориальной мобильности было обнаружено, что такие личностные качества, как лидерство, способность к риску и самопринятие, достоверно ниже у немобильных мужчин-респондентов по сравнению с остальными.

Выявлены различия в выраженности интернальности у немобильных и мобильных мужчин; при этом значимых различий в выраженности данного личного качества у единично мобильных по сравнению с немобильными, как и мобильными, не обнаружено – имеет место значительный разброс в выраженности данной личностной характеристики у единично мобильных мужчин.

Как и в общей выборке, достоверны различия в выраженности коммуникативной компетентности у немобильных и единично мобильных респондентов-мужчин и не обнаружено значимого различия в выраженности данного личностного качества у высокомобильных мужчин по сравнению со всеми другими категориями.

Учитывая, что при проверке влияния возраста на территориальную мобильность у женщин был обнаружен пик мобильности в возрастах 36–40 лет и 41 год, на основании которого возникли гипотезы о причинах такого проявления, было проведено сравнение социально-психологических характеристик у женщин всех возрастов с разной степенью территориальной мобильности (таблица 11).

В отличие от общей выборки сравнение территориально мобильных женщин от территориально не мобильных показывает различие только по критерию готовности к риску – у высокомобильных респондентов женщин более выражена склонность к риску по сравнению со всеми остальными респондентами женского пола (рисунок 11).

При этом следует обратить внимание на значительное изменение показателя после поправки Бонферрони, что значит, что имеющиеся результаты могли возникнуть случайно вследствие множественного тестирования.

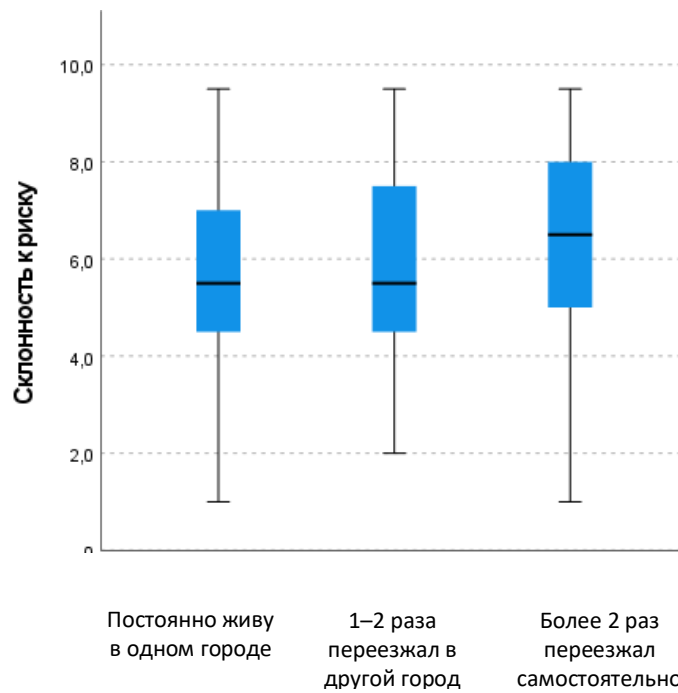

Рисунок 11. Различия выраженности готовности к риску у респондентов-женщин с разной степенью территориальной мобильности

Исходя из вышепредставленных результатов исследования личностных качеств, характерных для территориально мобильных женщин, следует, что в отличие от мужчин, территориально мобильные женщины не демонстрируют выраженную уникальность коммуникативных, лидерских качеств, высококомобильные женщины не отличаются от остальных особенностями локуса контроля и самоотношением. Как территориально мобильные, так и территориально иммобильные женщины могут обладать данными личностными качествами одинаково. Но требует дополнительного исследования влияние готовности к риску на территориальную мобильность женщин.

Суммируя результаты проведенного анализа личностных черт высококомобильных, единично мобильных и немобильных мужчин и женщин, получается, что существуют значительные различия в выраженности личностных черт у немобильных мужчин госслужащих; причем данные личностные качества формируют комплекс, личностный портрет социально не мобильного мужчины. Это не характерно для женщин. Для высококомобильных женщин характерна несколько большая выраженность склонности к риску, но данные различия не являются значимыми и требуют дополнительного исследования.

Числовые результаты по проверке гипотезы о различии выраженности
личных качеств у государственных служащих-женщин
с разным уровнем выраженности территориальной мобильности ($N = 665$)

Нулевая гипотеза	Критерий	Общий показатель по гипотезе	Группа сравнения		
			Немобильные и едилично мобильные	Немобильные и мобильные	Едилично мобильные мобильные
Распределение <i>интернальности</i> является одинаковым для всех уровней выраженности ТМ		0,134211	Множественные сравнения не производились, поскольку общий критерий не обнаруживает значимых различий по всем выборкам.		
Распределение <i>командности</i> является одинаковым для всех уровней выраженности территориальной мобильности		0,785436	Множественные сравнения не производились, поскольку общий критерий не обнаруживает значимых различий по всем выборкам		
Распределение <i>коммуникативной компетентности</i> является одинаковым для всех уровней выраженности территориальной мобильности		0,253955			
Распределение <i>лидерства и независимости</i> является одинаковым для всех уровней выраженности территориальной мобильности		0,228817			
Распределение <i>самопринятия</i> является одинаковым для всех уровней выраженности территориальной мобильности		0,912308			
Распределение <i>готовности к риску</i> является одинаковым для всех уровней выраженности территориальной мобильности	Статистика критерия	0,045099	0,275382	0,013984	0,055723
	Внесена поправка Бонферрони		0,826145	0,041951	0,167170
	Показатель значимости	< 0,001	0,001 <	0,001 <	0,001 <

В целом, мобильные женщины не отличаются столь значимо от всех остальных, как и немобильные. Причина этого может заключаться в том, что значительным фактором женской территориальной мобильности может выступать

внешнее воздействие – либо «буксирные путешествия» (переезд вслед за членами семьи)¹⁸⁸, либо появляющиеся тренды к переезду.

2.4. Исследование связи мотивационных факторов с уровнем территориальной мобильности

Для определения мотивационных факторов, влияющих на территориальную мобильность, был разработан опросник мотивов переезда, финальная версия которого представлена в Приложении 1.

Опросник состоит из двух частей.

Часть А – биографическая, состоит из 12 вопросов, направлена на сбор демографических данных респондента, а также данных о фактическом количестве переездов. В данном опроснике учитывается фактическое количество переездов, осуществлённых в совершеннолетнем возрасте, из чего следует, что респондент сам принимал решение о реализуемом переезде либо отказывался. Также в данной части опросника уточняются мотивы реализованных переездов. Выделены четыре группы мотивов: «профессиональные» (переезд как инструмент развития себя как профессионала), «карьерные» (обеспечение карьерного повышения за счет смены места работы либо подразделения организации, находящихся в другом регионе), «экономические» (смена места жительства обусловлена разницей состояния экономик регионов) и «лично-социальных» (смена места жительства в связи с личными отношениями либо изменением личной жизненной ситуации – пенсия, необходимость заботы о здоровье, изменение состава семьи и другие). Респондент может присваивать одному факту переезда как один, так несколько мотивов, поскольку один переезд мог реализовывать несколько потребностей одновременно¹⁸⁹.

¹⁸⁸ Урри Дж. Мобильности. Москва, 2012.

¹⁸⁹ Гордеева Т.О. Базовые типы мотивации деятельности: потребностная модель // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 3. С. 63–78.

Данная часть опросника позволяет оценить мотивы фактической территориальной мобильности.

Часть В. Оценка мотивов – состоит из 24 вопросов, которые сформулированы в условном (сослагательном) наклонении, и на каждый вопрос предлагается на выбор один из пяти вариантов ответов в зависимости от вероятности частоты принимаемого варианта решения. Для оценки каждого из вышеобозначенных видов мотива представлено по шесть вопросов, в итоге оценка каждого мотива может составить от 0 до 18 баллов.

Обе версии данного опросника была подвергнуты психометрическому и содержательному анализу до достижения удовлетворительного уровня надежности и валидности.

По итогам *первого психометрического и содержательного анализа*, фокус-группа которого состояла из 101 респондента, были получены следующие результаты.

Структурная валидность (CFA)

Одномерность общего конструкта (все задания на одной шкале):

- RMSEA = 0,081 (90% ДИ: 0,067–0,094) – умеренное несоответствие модели данным (рекомендуется <0,06);
- CFI = 0,605, TLI = 0,567 – низкие значения (оптимально >0,90);
- SRMR = 0,097 – близок к допустимому порогу (<0,08).

Данные показатели свидетельствует, что модель с единым конструктом плохо соответствует данным; тест неоднороден.

Многомерная модель (шкалы взаимосвязаны):

RMSEA = 0,081 (аналогично одномерной модели), CFI = 0,607, TLI = 0,563 – улучшения минимальны.

Оценка нагрузок на шкалы показала следующие результаты:

- профессиональные мотивы: высокие нагрузки (0,36–0,71);
- карьерные мотивы: низкие нагрузки (0,23–0,56);
- финансовые мотивы: противоречивые значения (нагрузки от –0,31 до 0,58);

- личностно-социальные мотивы: крайне низкие нагрузки (от 0,07).

Полученные результаты показали, что разделение на шкалы не решает проблему структурной валидности. Некоторые шкалы (например, личностно-социальные) демонстрируют слабую внутреннюю согласованность.

Для оценки *надежности* использовались модели IRT-модели (GPCM и РСМ):

- эмпирическая надежность: 0,73–0,85 – приемлемо, но ниже оптимального уровня ($>0,90$);
- модельная надежность: 0,85–0,88 – лучше, но всё же недостаточно для высокостабильных измерений;
- Кронбаха альфа ($\alpha = 0,75$): умеренная внутренняя согласованность;
- SEM (стандартная ошибка измерения) = 2,82 – указывает на значительную ошибку измерения.

Данные результаты свидетельствуют о таких проблемных зонах, как неоднородность теста (шкалы слабо коррелируют между собой, что снижает целостность теста), низкие факторные нагрузки у заданий ($<0,3$) и незначительность выборки ($N = 101$), что приводит к завышенным стандартным ошибкам оценок и низкой статистической мощности для выявления значимых эффектов.

На основании полученных результатов вариант 1 опросника был преобразован с учетом следующих рекомендаций.

1. Были удалены задания с отрицательными нагрузками и задания с нагрузками $<0,3$ и аномальными порогами.
2. Были доработаны шкалы за счет добавления заданий в слабые шкалы и были уточнены задания с низкой дискриминативностью.
3. Была переработана ответная шкала за счет увеличения вариантов ответов (вместо трех – четыре ответные категории), а также был включен ответ «Затрудняюсь ответить» – NA (пропущенное значение).

По итогам ревизии опросника была проведена повторная проверка на 311 респондентах, а полученные результаты повторно подверглись конфирматорному факторному анализу CFA и IRT-анализу (GPCM-модель) по каждой шкале отдельно.

Анализ распределения пунктов показал, что распределение ближе к нормальному, но с вариацией между пунктами:

- экономические мотивы: более высокое согласие (1,66–2,29);
- личностно-социальные мотивы: смешанные паттерны (1,10–2,55).

Конфирматорный факторный анализ показал удовлетворительное соответствие иерархической модели (четыре шкалы + общий фактор).

Надежность шкал представлена в таблице 12.

Таблица 12

Надежность шкал Опросника оценки мотивов к территориальной мобильности (версия 2)

Шкала	Эмпирическая надежность	Маргинальная надежность
Профессиональные мотивы	0,75	0,78
Карьерные мотивы	0,73	0,78
Экономические мотивы	0,74	0,81
Личностно-социальные мотивы	0,68	0,74

Большая часть пунктов имеют хорошую дискриминацию ($\alpha \geq 0,3$).

Сильные дискриминаторы присутствуют во всех шкалах.

Таким образом, вторая версия опросника демонстрирует четырехфакторную структуру, демонстрирует хорошие психометрические характеристики по дискриминативной способности (все пункты имеют хорошую/отличную дискриминацию ($\alpha \geq 0,8$)).

Для проверки гипотезы диссертационного исследования мотивов данного исследования использовалась версия 2 Опросника оценки мотивов к территориальной мобильности (представлена в Приложении 1).

Обобщенные результаты ответов по части А опросника представлены в таблице 13.

На основании представленных данных следует, что личностно-социальные мотивы территориальной мобильности представлены менее всего – 422 респондента из 896 обозначили эти мотивы как причины. В то же время максимальное количество переездов связано с профессиональным развитием, и практически столько же – с карьерой.

Таблица 13

Мотивы фактической территориальной мобильности

Мотив мобильности	Профессиональное развитие				Карьера				Финансы				Личностно-социальный			
	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Количество переездов																
1–2	412	169			452	112			364	118			289	63		
3–4	27		18	23		22	31	24		38	11	11		21	19	
5 и более	24			28		20		18		26		12		30		
Всего случаев	463	169	18	51	452	154	31	42	364	182	11	22	289	114	19	0
Всего	701				679				580				422			

С одной стороны, эти результаты можно интерпретировать как направленность людей на смену места жительства и в первую очередь как на инструмент для решения рабочих вопросов (профессионального развития и карьеры); с другой стороны, в опросе отсутствуют респонденты старше 51 года – люди зрелого возраста, когда начинают появляться другие жизненные задачи, фокусирующие внимание на решение личных вопросов.

Высокомобильные респонденты (с опытом переездов 3 и более раз) указали доминирующими причинами для реализованных переездов возможность профессионального развития (120 случаев) и карьерного роста (115 случаев). Возможно, респонденты не значительно разграничивают причины принятия решения о переезде, отождествляя возможность профессионального развития одновременно с карьерным ростом.

Респонденты с единичным опытом фактического переезда (1-2 раза) указали причинами смены места жительства также профессиональные (581 случая) и карьерные (564 случая) мотивы, и значительно реже – финансовые (482 случая) и личн (352 случая) мотивы.

Также на основании опросника были исследованы мотивы потенциальных переездов. Все респонденты, включая 625 человек, не имеющих опыт

территориальной мобильности, показали различные уровни выраженности мотивов разной направленности к территориальной мобильности (представлены в Таблице 14)

Таблица 14

**Распределение выраженности мотивов
территориальной мобильности
для респондентов различного уровня территориальной мобильности**

Мотивы	Кол-во переездов	Результат					
		1–4	Доля	5–8	Доля	9–12	Доля
Профессиональные	0	143	22,81	317	50,88	165	26,32
	1–2	14	2,7	491	70,27	195	27,03
	3–4	0	0	84	75	28	25
	5 и более	28	33,33	56	66,67	0	0
Личностно- социальные	0	22	3,51	174	26,32	429	68
	1–2	0	0	246	35,14	454	65
	3–4	0	0	28	25	84	75
	5 и более	0	0	28	33,33	56	67
Карьерные	0	11	2	209	33,33	405	65
	1–2	19	3	227	32,43	454	65
	3–4	0	0	0	0	112	100
	5 и более	28	33	28	33,33	28	33
Экономические	0	22	4	394	63	209	33
	1–2	19	3	510	73	171	24
	3–4	0	0	56	50	56	50
	5 и более	0	0	56	67	28	33

Явное смещение результатов в стороны высокого уровня для всех категорий территориальной мобильности (в том числе немобильных) можно отметить по вопросам категории «Личностно-социальный мотив» и «Карьерный мотив».

Таким образом, наблюдается различие между декларируемыми мотивами для территориальной мобильности (стремление к более благополучному образу жизни, более комфортному проживанию для себя и для своих близких, а также декларирование территориальной мобильности как способа карьерного развития) и фактическими (переездами в связи с карьерными перспективами и возможностями профессионального развития).

По факту карьерные мотивы в самом деле являются существенными для переезда, но личностно-социальные мотивы отходят на задний план, уступая по значимости место профессиональным и экономическим мотивам. Можно констатировать проявление различий между мотивами «декларируемыми» и «реально действующими»¹⁹⁰.

Также об этом свидетельствуют показатели выраженности всех четырех групп мотивов у немобильных респондентов: не имея фактического опыта переезда, тем не менее участники исследования указывали на высокую степень готовности к переездам по профессиональным мотивам (26,32% от всего количества немобильных участников), личностно-социальным (68%), экономическим (33%) и карьерным (65%). Эти данные могут свидетельствовать, что на когнитивном уровне немобильные респонденты понимают возможности переезда как инструмента реализации данных мотивов, но по другим причинам (средовым либо личностным) не проявляют территориальную мобильность. В связи с этим понимание мотивов переезда является существенным, но недостаточным для прогнозирования возможности территориальной мобильности и благоприятной адаптации при ее реализации.

В то же время следует отметить, что высококомобильные респонденты также указывают на значимость личностно-социальных мотивов, что может свидетельствовать, что территориальная мобильность, изначально реализуемая по экономическим мотивам, в процессе присвоения опыта мобильности субъектом в перспективе может стать и инструментом для реализации личностно-социальным мотивов и приобрести универсальность как личностная характеристика.

¹⁹⁰ Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. С. 428–460.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Результаты исследования свидетельствуют о том, что и социально-демографические характеристики и личностные тесно связаны с уровнями выраженности территориальной мобильности. Если из всей выборки респондентов мужчин высокую фактическую территориальную мобильность продемонстрировали 17%, то среди женщин таких 7,5%, что указывает, что мужчины в 2,3 раза чаще демонстрируют территориально мобильное поведение, то есть готовы к переезду в случае необходимости.

При этом не обнаружено различий в семейном положении у непереезжавших, переезжавших единичное количество раз или переезжающих часто. Также не обнаружено различий в количестве детей у высокомобильных и немобильных, то есть развенчивается миф, что для переезда человек должен «быть свободным». Семья и дети не являются ограничением. В ходе исследования сформировалась гипотеза о том, что семья может являться показателем зрелости респондента и значительным ресурсом (как сохраненный микросоциум в новой социальной среде) при переезде.

Послевузовское образование является значимым фактором для территориальной мобильности – для часто переезжающих характерно послевузовское образование в форматах МВА/МРА, а вот существенных различий в мобильности у выпускников средних специальных и высших учебных заведений не обнаружено.

Особенности должностных позиций также связаны с уровнем территориальной мобильности. Наибольший процент сотрудников с высоким уровнем территориальной мобильности представлен в подгруппе руководителей высшего звена управления (26,9%).

Фактор принадлежности респондента к определенной деятельности госслужбы также связан с уровнем территориальной мобильности и показывает, что для представителей федеральных и региональных органов исполнительной власти высокий показатель территориальной мобильности характерен для 11,8–

12% сотрудников; большее количество территориально мобильных сотрудников в госкорпорациях и корпоративных университетах.

Различные уровни территориальной мобильности связаны с различными личностными качествами: высококомобильные респонденты характеризуются такими личностными качествами, как готовность к риску, интернальность, лидерство и самопринятие, что выражается в значимых различиях по сравнению со всеми остальными респондентами.

При этом обнаружены значимые различия в выраженности лидерства у респондентов с разным уровнем территориальной мобильности – чем выше показатель данного личностного качества, тем чаще респондент совершал переезды.

Также были обнаружены различия по коммуникативной компетентности – легкости в построении коммуникаций, отсутствию проблем в сфере межличностных коммуникаций и степени их осознания. Респонденты, имеющие единичный опыт территориальной мобильности, оценивают свою коммуникативную компетентность значимо выше, чем территориально немобильные, но отсутствуют значимые различия в самооценке коммуникативной компетентности у высококомобильных по сравнению с немобильными и единично мобильными. Но при этом не обнаружено влияние командности (умение работать в команде) на уровень территориальной мобильности – данное качество несущественно при смене места жительства и адаптации к новым условиям и может быть выражено в различной степени.

Впрочем, в ходе исследования было обнаружено, что для высококомобильных женщин характерна только чуть более высокая готовность к риску по сравнению со своими коллегами-женщинами; из чего следует, что территориальная мобильность госслужащих-женщин практически не обусловлена какими-либо личностными качествами. Также следует отметить, что количество территориально мобильных мужчин возрастает, в то время как для женской мобильности характерны возрастные «пики» с 36 до 40 и с 41 до 45 лет.

Также в ходе исследования рассматривались различия мотивационных особенностей у респондентов с различным уровнем территориальной мобильности. Было обнаружено несовпадение между декларируемыми и реально действующими мотивами у высококомобильных респондентов. Среди ведущих декларируемых мотивов они отмечали категорию карьерных мотивов (связанных с повышением в должности за счет смены региона проживания) и категорию личных мотивов (улучшение условий жизни, переезд в более комфортное место проживания для себя и близких, переезд ради построения личных отношений), а среди реально действующих оказались профессиональные (смена места жительства ради работы по специальности и профессионального развития) и карьерные (переезд ради повышения в должности).

Кроме того, больше половины фактически территориально не мобильных респондентов указывали на высокую степень выраженности личных и карьерных мотивов к переезду, и практически каждый пятый – о выраженности материальных и профессиональных мотивов к переезду. Это свидетельствует о том, что понимание значения и возможностей территориально мобильного поведения не обеспечивает фактической территориальной мобильности, и более существенными социально-личностными факторами являются личные качества.

Понимание специфики личностных качеств территориально мобильных сотрудников госслужбы может обеспечить как качественную диагностику и прогнозирование успешности переезда, так и понимания требуемых развивающих мероприятий для перехода от потенциальной территориальной мобильности к реальной разовой или постоянной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема социально-психологических факторов территориальной мобильности руководителей и специалистов государственной гражданской службы имеет принципиальное значение как для теоретического осмысления данного феномена, так и для решения различного рода прикладных задач.

Анализ исследований по территориальной мобильности показал значительное влияние данного феномена на современный мир, а также высокую значимость для ряда гуманитарных наук. Подобный интерес к территориальной мобильности объясним тем, что именно готовность к переезду обеспечивает ряд «горизонтальных» видов мобильности – трудовой, академической, резидентальной (смены места жительства), что впоследствии влияет и на самого субъекта, и на регионы убытия и пребывания. В связи с этим в научных исследованиях уже описано множество подходов к сущности структуры территориальной мобильности и множество факторов, ее обеспечивающих. Несмотря на значительное количество исследований территориальной мобильности в экономике, социологии, урбанистике, политологии, ученые делают акцент на необходимости изучения психологических факторов и эффектов от территориальной мобильности, а также изучении динамики психических процессов у респондентов с разным уровнем территориальной мобильности.

Результаты психологических исследований свидетельствуют, что реализуемая территориальная мобильность приводит к изменению как личностных характеристик самого переезжающего, так и взаимодействия между ним и другими людьми, изменяет восприятие социальных норм и принципов функционирования групп. При этом для каждой страны и культуры присущ различный уровень выраженности территориальной мобильности, что указывает на необходимость отдельного изучения территориальной мобильности, а также социально-психологических факторов, ее определяющих, в каждой стране/культуре, а также для различных профессиональных сфер, поскольку уровень территориальной мобильности различен для разных профессий в связи с условиями работы (например, для IT-специалистов для реализации

профессиональных задач важна информационная мобильность, а для специалистов в области клиентского сервиса – территориальная мобильность). Для сотрудников государственной гражданской службы также является значимой территориальная мобильность, поскольку для решения возникающих (нередко внезапно) задач необходимо присутствие на месте. Но зачастую распределение квалифицированных кадров на госслужбе неравномерно. Данное противоречие и способен разрешить переезд сотрудника в регион реализации рабочих задач. Также за счет переезда возможно разрешение проблемы «карьерного тупика».

Но для этого необходимо понимать, насколько сам сотрудник территориально мобилен – насколько готов и способен к переезду, к благополучной адаптации в регионе прибытия и реализации рабочих задач.

Целью данного исследования было выявление социально-психологических факторов территориальной мобильности руководителей и специалистов государственной службы.

Объектом исследования выступила территориальная мобильность руководителей и специалистов государственной службы.

Уровень территориальной мобильности определялся фактическом количеством переездов респондентов во взрослом возрасте.

Было выделено три уровня территориальной мобильности:

- немобильные (те, кто самостоятельно не переезжал в другой регион);
- имеющие единичный опыт мобильности (переезжавшие один-два раза);
- мобильные (переезжавшие более двух раз).

Предметом исследования выступили социально-психологические факторы территориальной мобильности руководителей и специалистов государственной службы.

В ходе исследовательской работы была проверена гипотеза, что для разных уровней территориальной мобильности государственных гражданских служащих характерны определенные социально-психологические факторы. В связи с этим был проведен ряд гипотез и определено, что:

- 1) существуют различия в выраженности территориальной мобильности у мужчин и женщин в зависимости от возраста: у мужчин территориальная мобильность с возрастом увеличивается, у женщин имеет ряд мобильных «пиков» – 36–40 и 41–45 лет. Также данное исследование связи между выраженностью территориальной мобильности и рядом социально-демографических факторов, таких как пол, возраст, семейное положение, наличие и количество детей, образование, область деятельности и уровень должности, показало значение таких социально-демографических факторов, как пол, возраст, область профессиональной деятельности и уровень должности. Территориальная мобильность в наибольшей степени характерна для респондентов высших должностных позиций в органах государственной службы. Остальные факторы не являются значимыми для территориальной мобильности государственных гражданских служащих;
- 2) для высококомобильных госслужащих характерна выраженность таких личностных качеств, как готовность к риску, самопринятие и интернальность (показатели оценки данных качеств у высококомобильных значимо выше, чем у немобильных и единично мобильных), при этом лидерство как личностное качество по мере развития обеспечивает территориальную мобильность (повышается от уровня к уровню – от немобильных к мобильным).
При этом у госслужащих-женщин не выражены какие-либо личностные качества, контрастно отличающие территориально мобильных либо территориально не мобильных, территориально мобильные госслужащие-женщины могут обладать любым набором личностных качеств, и у них чуть более выражена готовность и способность к риску; последние результаты требуют дальнейших исследований и уточнений;
- 3) для высококомобильных респондентов реально действующими мотивами являются профессиональное развитие и карьера, но при этом сами территориально мобильные респонденты указывают на высокую готовность к переезду по личным мотивам.

Кроме того, территориально немобильные достаточно часто заявляют о наличии выраженных личных и карьерных мотивов к переезду, но при этом фактически их не реализуют. Для высокомобильных также характерна неоднозначность декларируемых и реально действующих мотивов. Эти результаты требуют дополнительной проверки, поскольку причина такого расхождения может заключаться не только в декларируемых и реально действующих мотивах, но и в расширении понимания возможностей территориальной мобильности для решения множества жизненных задач.

По итогам данного исследования возможна реализация прогноза влияния социально-психологических факторов на успешность переезда руководителей и специалистов государственной гражданской службы с целью оптимизации процесса решения кадровых проблем. Результаты данного исследования указывают на необходимость проведения диагностики личностных качеств у кандидатов-мужчин для определения их территориальной мобильности и возможности реализации рабочих задач в новом регионе.

Декларируемые мотивы к переезду являются недостаточными маркерами территориальной мобильности, но ценно определение мотивов у тех, у кого есть опыт переездов или территориально мобильных для определения стимулирующих мер со стороны организации.

Хотя более мобильными являются мужчины, следует обращать внимание, что семейное положение и наличие детей не являются значимыми факторами, ограничивающими или обеспечивающими территориальную мобильность. Поэтому при принятии кадровых решений о переводе сотрудников в другой регион следует учитывать их семейный статус и организовывать меры, стимулирующие к смене места жительства не только самих сотрудников органов государственной гражданской службы, но и их членов семей.

В качестве перспектив данного исследования следует рассмотреть проблему проявления декларируемых и реально действующих мотивов территориальной мобильности, а также более детально рассмотреть влияние личностных качеств на уровень территориальной мобильности в мужской и женской выборке.

Список литературы

1. Амирова, Л. А. Диалектика биологического и социального в процессе формирования мобильной личности // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 1. – С. 59–64.
2. Андренкова, А. В., Воронина, Н. С. Долгосрочная географическая мобильность на жизненном пути представителей разных поколений россиян: уровень, направленность, мотивация, потенциал // Мир России. – 2025. – Т. 34, № 2. – С. 143–165.
3. Аникин, В. А. Профессиональная структура населения и экономический тип развития страны // Terra Economicus. – 2013. – Т. 11, № 2. – С. 41–68.
4. Артюхова, Т. Ю. Психологические характеристики мобильной личности // Международный журнал экспериментального образования. – 2010. – № 7. – С. 96–98.
5. Астафьева, Н. Н. Государственное регулирование трудовой мобильности: возможности и ограничения // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – Т. 7. – С. 134–142.
6. Барков, С. А. и др. Территориальная мобильность населения как экономическая и социокультурная проблема российского рынка труда // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2019. – Т. 25, № 2. – С. 66–92.
7. Батуренко, С. А. Теории социальной мобильности в истории социологической мысли // Вестник Московского государственного университета. Серия 18: Социология и политология. – 2014. – № 2. – С. 199–211.
8. Батурина, Н. В., Вяткина, В. В. Психологические факторы внутренней миграции населения России // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2020. – № 2 (81). – С. 155–159.
9. Бормотова, Т. М. Феминизация глобальной миграции: тенденции и риски // Женская миграция: формы, тенденции, последствия / под ред. С. Ю. Рязанцева, С. Ю. Сивоплясовой. – М. : Экон-Информ, 2017. – С. 15–20.

10. Бочарова, Е. Е. Готовность к риску как личностный потенциал субъектной регуляции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2011. – № 2 (4). – С. 27–32.
11. Буланова, М. А. Социальная мобильность работающей молодежи региона: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. – 2011. – № 3. – С. 205–212.
12. Бурдые, П. Практический смысл / отв. ред., пер. и послесл. Н. А. Шматко. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – 562 с.
13. Бурлуцкая, М. Г. Межпоколенная мобильность в современной России: новые возможности или новые препятствия? // Проблемы, успехи и трудности переходной экономики (опыт России и Беларуси). – М. : МОНФ, 2000. – С. 309–316.
14. Быкова, С. В. Склонность к риску как устойчивое свойство личности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 1 (1). – С. 157–160.
15. Бюраева, Ю. Г. Межпоколенный аспект социальной мобильности выпускников ссузов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2019. – № 4. – С. 135–144.
16. Ван, Юаньян. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов: проблемы исследований в англоязычной литературе // Мир науки. Педагогика и психология. – 2018. – Т. 6, вып. 2. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/63PSMN218.pdf> (дата обращения: 29.03.2024).
17. Ваньке, А. В. и др. Социальная мобильность в России: поколенческий аспект / ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, А. В. Ваньке. – М. : Институт социологии РАН, 2017. – 384 с.
18. Василенко, П. В. Применение гравитационной модели для анализа внутриобластных миграций на примере Новгородской и Псковской

- областей // Псковский регионологический журнал. – 2013. – № 15. – С. 83–90.
19. Вебер, М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 147–156.
 20. Вильховская, Е. Э. Классификация и анализ подходов к трактовке сущности трудовой мобильности // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2017. – № 3. – С. 88–96.
 21. Волкова, А. А., Гришина, Н. В. Психологические факторы пространственной мобильности человека // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. – Санкт-Петербург, 2013. – Т. 1. – С. 62–65.
 22. Волосникова, Л. М. и др. Личностные индикаторы академической мобильности студентов в контексте профессиональной подготовки // Вестник Нижневарттовского государственного университета. – 2021. – № 1 (53). – С. 56–65.
 23. Вольчик, В. В., Посухова, О. Ю. Прекариат и профессиональная идентичность в контексте институциональных изменений // Terra Economicus. – 2016. – Т. 14, № 2. – С. 159–173.
 24. Гидденс, Э. Социология. – 2-е изд., полн. перераб. и доп. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.
 25. Гимпельсон, В. Е., Монусова, Г. А. Восприятие неравенства и социальная мобильность // Экономический журнал ВШЭ. – 2014. – С. 216–248.
 26. Гимпельсон, В. Е., Шарунина, А. В. Потоки на российском рынке труда: 2000–2012 гг. // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2015. – Т. 19. – С. 313–348.
 27. Гневашева, В. А. Модели миграции // Социология и право. – 2020. – № 3 (49). – С. 6–11.
 28. Голенкова, З. Т., Сушко, П. Е. Социальная мобильность в контексте миграционных биографий россиян // Социологические исследования. – 2016. – № 12. – С. 95–104.

29. Гордеева, Т. О. Базовые типы мотивации деятельности: потребностная модель // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2014. – № 3. – С. 63–78.
30. Горнякова, М. В., Дьячук, А. А. Сопровождение профессионального развития: по итогам II Всероссийской научно-практической конференции «Власть, бизнес, образование: эффективное партнёрство» // Организационная психология. – 2019. – Т. 9, вып. 4. – С. 203–221.
31. Гришина, Н. В. Психология изменений: методологические предложения Курта Левина // Жизненное пространство в психологии: теория и феноменология / под ред. Н. В. Гришиной, С. Н. Костроминой. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2020. – С. 124–148.
32. Давыдкина, Л. В., Семенова, Т. В. Психологические аспекты образа жизни и социальной мобильности // Научное отражение. – 2018. – № 4 (14). – С. 32–39.
33. Де Блей, Х. Власть места // Экономическая социология. – 2023. – Т. 24, № 2. – С. 49–68.
34. Духновский, С. В., Куликов, Л. В. Социально-психологическая дистанция в межличностных отношениях: факторы и регуляции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Социология. – 2009. – № 2-1. – С. 20–26.
35. Дуэк, К. Гибкое сознание: новый взгляд на психологию развития взрослых и детей. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2025. – 304 с.
36. Епихина, Ю. Б. и др. Многомерная социальная мобильность в современной России : монография / ред. Ю. Б. Епихина, М. Ф. Черныш. – М. : Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2016. – 112 с.
37. Зайончковская, Ж. А., Мкртчян, Н. В. Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 4. Внутренняя миграция в России: правовая практика. – М. : Центр миграционных исследований, 2007. – 84 с.

38. Иванова, Г. П., Ширкова, Н. Н., Логвинова, О. К. Иностраннный студент в российском вузе : монография. – М. : РУСАЙНС, 2022. – 138 с.
39. Интервью с Тома Пикетти: «Можно выгнать историю за дверь, но она немедленно вернется через окно» // Экономическая социология. – 2016. – Т. 17, № 1. – С. 13–21.
40. Каганский, В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство : сб. ст. – М. : Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.
41. Капелюшкин, Р. И. Российский рынок труда: итоги прошлых лет и перспективы : отчет. – М. : ЦЕТИ НИУ ВШЭ и ИМЭМО РАН, 2011.
42. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004. – 328 с.
43. Квасова, Ю. А., Леонтьева, В. Л., Пулькина, В. А. Академическая мобильность как инструмент международного коммуникативного взаимодействия вузов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2022. – № 1 (23). – С. 40–49.
44. Козырева, П. М. Межпоколенная социально-профессиональная мобильность в постсоветской России // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 1. – С. 60–73.
45. Колесов, С. Г. Структура и психологическое поле личности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 11. – С. 335–340.
46. Комиссаров, А. Г., Шебураков, И. Б. Кадровые резервы в системе государственного управления: опыт и новые смыслы // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2024. – № 1. – С. 7–38.
47. Коноз, Е. М. Индивидуально-типические особенности саморегуляции при экстраверсии и нейротизме : дис. ... канд. психол. наук. – М, 2000. – 197 с.
48. Коротаев, С. А. Пространственная мобильность и стиль жизни // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Современные

- подходы к изучению социальной структуры современного российского общества. – 2024. – № 2. – С. 73–90.
49. Котмакова, Т. Б. Личностная мобильность как основополагающее качество будущего специалиста // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2009. – № 7. – С. 119–124.
 50. Крайняя, Н. П. Пространственная мобильность и городская морфология (к постановке проблемы) // Academia. Архитектура и строительство. – 2012. – № 2. – С. 98–100.
 51. Кудряков, С. А. Безопасность как комплексная компетенция современных специалистов // Теория и практика современной науки. – 2016. – № 8 (14). – С. 202–212.
 52. Кулюткин, Ю. Н., Тарасов, С. В. Образовательная среда и развитие личности. – М: Знание, 2001. – URL: http://znanie.org/journal/n1_01/obraz_sreda.html (дата обращения: 29.03.2024).
 53. Кураев, И. Ю. Осмысление проблемы социальной мобильности в западной науке // Наука и современность. – 2010. – № 2–3. – С. 197–200.
 54. Лебедева-Несевря, Н. А., Шарыпова, С. Ю., Барг, А. О. Методология и методика социологического исследования : учеб.-метод. пособие. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2024. – 102 с.
 55. Леденёва, В. Ю., Абдуллаев, Р. С., Гусейнова, Л. Д. Факторы социокультурной адаптации иностранных студентов из Азербайджана и Китая в российских вузах // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31, № 10. – С. 118–134.
 56. Левин, К. Теория поля в социальных науках. – М. : Академический проект, 2023. – 313 с.
 57. Леонтьев, А. Н. Лекции по общей психологии. – М. : Смысл, 2000. – С. 428–460.

58. Лисянская, В. Тренды в образовании // РБК. – 2021. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/60ae308e9a7947daf82dcdd9> (дата обращения: 29.03.2024).
59. Мазин, А. Л., Троицкая, А. А. Потенциал трудовой мобильности как компонент человеческого капитала работника // Экономика труда. – 2020. – Т. 7, № 4. – С. 321–336.
60. Мазур, Е. Ю., Матвеева, И. П. Психологические аспекты социальной мобильности современной молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020. – № 5. – С. 102–106.
61. Мальцева, А. М. Личностная гибкость и методика ее диагностики // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 2. – С. 91–93.
62. Медовикова, Е. А., Морозова, И. С. Готовность к риску в аспекте психологической безопасности личности // Эргодизайн. – 2022. – № 3 (17). – С. 229–238.
63. Митина, Л. М. Психология личностного и профессионального развития человека в современном социокультурном пространстве // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2015. – № 3 (15). – С. 79–86.
64. Мкртчян, Н. В. Потенциал пространственной мобильности безработных в России // Социологические исследования. – 2013. – № 2. – С. 40–53.
65. Моисеенко, В. В. Влияние института высшего образования на социальную мобильность населения в условиях современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2015. – № 2 (158). – С. 182–187.
66. Монусова, Г. А. Объективная и субъективная социальная мобильность в межстрановой перспективе // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2016. – № 3–4 (123). – С. 52–71.
67. Монусова, Г. А. Отношение к перераспределению доходов и социальная мобильность // Экономическая социология. – 2017. – Т. 18, № 5. – С. 14–39.

68. Моросанова, В. И., Коноз, Е. М. Регуляторные аспекты экстраверсии и нейротизма: новый взгляд // Вопросы психологии. – 2001. – № 2. – С. 59–73.
69. Никишин, Е. А. История и перспектива исследований социальной мобильности после мобильного поворота // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2019. – Т. XXII, № 2. – С. 93–117.
70. Ним, А. Ю. Элементы прогнозирования социально-трудовой мобильности работников промышленных предприятий // Современные наукоемкие технологии. – 2005. – № 5. – С. 108–110.
71. Нургалеев, В. С., Юдин, П. А. Психологические особенности мигранта и факторы, влияющие на них // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 6 (61). – С. 301–303.
72. Панфилова, Ю. С. Межпоколенная социальная мобильность: методология социологического исследования // Гуманитарий Юга России. – 2016. – Т. 19, № 3. – С. 220–229.
73. Парсонс, Т. О структуре социального действия. – М. : Академический проект, 2000. – 880 с.
74. Перышкова, С. А. Психологическое сопровождение академической мобильности студентов в условиях высшей школы // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 88–96.
75. Позднякова, В. И. Опыт управления процессом транспрофессионализации в образовательной среде вуза // Социально-профессиональная мобильность в XXI веке : сб. материалов 2-й Всерос. конф., Екатеринбург, 28–29 мая 2015 г. – Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2015. – С. 93–99.
76. Потапова, Ю. В., Маленова, А. Ю., Маленов, А. А., Потапов, А. К. Социально-демографические и психологические предикторы миграционных установок учащейся молодежи Сибирского региона (на примере школьников г. Омска) // Вестник Омского университета. Серия: Психология. – 2023. – № 1. – С. 17–26.

77. Реутова, М. Н. Механизмы регулирования социальной мобильности молодежи в условиях трансформации российского общества : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Белгород, 2004. – 20 с.
78. Рязанцев, С. В., Ростовская, Т. К., Скоробогатова, В. И., Безвербный, В. А. Международная академическая мобильность в России: тенденции, виды, государственное стимулирование // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, вып. 2. – С. 420–435.
79. Сабельникова, Н. В., Каширский, Д. В. Социально-психологические детерминанты адаптации иностранных студентов к обучению в России. – М. : Изд. центр РГГУ, 2021. – 119 с.
80. Селиверстова, Н. А., Короткая, Н. Д. Габитус // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 4. – С. 311–316.
81. Семенова, В. В., Черныш, М. Ф., Сушко, П. Е. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты : монография. – М. : ФНИСЦ РАН, 2019. – 512 с.
82. Сигарева, Е. П. Феминизация миграции и ее последствия // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика : материалы Междунар. науч. конф., М. – Иваново – Плес, 16–18 мая 2019 г. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2019. – С. 281–287.
83. Сидоркина, К. С. Национально-психологические и культурные особенности иностранных студентов как фактор, влияющий на их академическую адаптацию // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2023. – № 6 (230). – С. 69–76.
84. Синягин, Ю. В. Факторы, условия и биографические предикторы успешной управленческой карьеры в системе государственной гражданской службы // Государственная служба. – 2019. – № 4 (120). – С. 6–21.

85. Синягин, Ю. В. Опросник оценки управленческого потенциала в комплексной личностно-профессиональной диагностике. – М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2020. – 186 с.
86. Синягин, Ю. В., Синягина, Н. Ю. Биографические предикторы индивидуально-психологических особенностей, входящих в «Большую пятерку» личностных качеств // Государственная служба. – 2020. – № 3 (125). – С. 31–47.
87. Слушкина, Е. Ю. Проблемы достоверности социологических опросов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 12-3. – С. 50–52.
88. Смаровоз, Е. И. Особенности социально-психологической адаптации выходцев из стран бывшего СССР в новой социокультурной стране // Известия Российской военно-медицинской академии. – 2020. – Т. 39, № S3-4. – С. 249–253.
89. Смолина, Т. Л. Симптомы культурного шока: обзор и классификация // Психологическая наука и образование. – 2012. – Т. 4, № 3. – URL: psyedu.ru (дата обращения: 29.03.2024).
90. Смолина, Т. Л. Теории этапов кросс-культурной адаптации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2012. – № 5. – С. 267–271.
91. Соколова, Е. В., Воевода, Е. В., Морозов, В. М. Социокультурные адаптационные стрессоры иностранных студентов в России // Перспективы науки и образования. – 2020. – № 5 (59). – С. 476–490.
92. Сорокин, П. А. Социальная мобильность. – М. : Academia, 2005. – 588 с.
93. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
94. Сорокина, Е. М. Образование как фактор социальной мобильности в современном китайском обществе // Социология. – 2017. – № 2. – С. 138–146.

95. Стрельникова, А. Пространственные проекции социальной мобильности: переезды как доминантные события биографического повествования // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2015. – № 10. – С. 39–46.
96. Стрикун, Е. А. Многозадачность лексических единиц или полисемия // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2022. – № 3 (79). – С. 239–244.
97. Строев, П. В., Кан, М. И. Пространственная мобильность населения: экономический и социальные аспекты // Экономика и управление. – 2016. – № 6. – С. 35–41.
98. Топилин, А. В. Миграция и сбалансированность региональных рынков труда // Миграция и социально-экономическое развитие. – 2016. – Т. 1, № 2. – С. 79–96.
99. Уорд, К. Алфавит аккультурации // Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. – Санкт-Петербург : Питер, 2003. – С. 656–709.
100. Урри, Дж. Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева ; вступ. ст. Н. А. Харламова. – М. : Праксис, 2012. – 576 с.
101. Урри, Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2012. – 336 с.
102. Харланова, Ю. В. Мобильность как необходимое качество современной успешной личности // Вестник Калужского университета. Серия 1: Психологические науки. Педагогические науки. – 2023. – С. 82–88.
103. Цапенко, И. П. Трансформации глобальной миграции населения // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 8. – С. 65–76.
104. Черкашина, Т. Ю., Мосиенко, Н. Л. Пространственная мобильность населения внутри и за пределы региона: социальные и инфраструктурные факторы неравенства // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 4. – С. 44–77.
105. Черникова, Т. В., Сокальский, Э. А., Болучевская, В. В., Шутова, О. И. Этнокультурные особенности академической адаптации студентов

- дальнего и ближнего зарубежья // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. – 2021. – № 6 (40). – С. 178–189.
106. Шамионов, Р. М. Структура и факторы академической адаптации студентов-иностранцев в российских университетах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2024. – Т. 24, вып. 2. – С. 211–218.
107. Шваб, К. Четвёртая промышленная революция. – М. : Эксмо, 2022. – 233 с.
108. Шкаратан, О. И., Ястребов, Г. А. Социокультурная преемственность в российской семье (опыт эмпирического исследования) // Общественные науки и современность. – 2010. – С. 13–14.
109. Щукина, О. Е. Роль личной мобильности в формировании социально-профессиональной самостоятельности обучающихся // Среднее профессиональное образование. – 2021. – № 11 (315). – С. 40–42.
110. Юдина, Т. Н., Сёмочкина, Н. Н. Мобильность в современном мире: подходы к осмыслению и новые форматы // Logos et Praxis. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 120–132.
111. Ястребов, Г. А. Социальная мобильность в советской и постсоветской России: новые количественные оценки по материалам представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. Ч. I // Мир России. Социология. Этнология. – 2016. – Т. 25, № 1. – С. 7–34.
112. Backes-Gellner, U., Tuor, S. N., Wettstein, D. Differences between entrepreneurs and employees in their educational paths. – Zurich : University of Zurich, 2010. – 25 p.
113. Bénabou, R., Ok, E. A. Social Mobility and Demand for Redistribution: the POUM Hypothesis // The Quarterly Journal of Economics. – 2001. – P. 447–487.
114. Berry, J. W. Acculturation: living successfully in two cultures // International Journal of Intercultural Relations. – 2005. – Vol. 29, iss. 6. – P. 697–712.

115. Bjarnason, T., Stevenson, C., Shuttleworth, I., Meckl, M. Spatial mobility and tolerance towards immigrants: The case of Northern Iceland // *Ethnic and Racial Studies*. – 2020. – Vol. 43, no. 10. – P. 1813–1832.
116. Blau, P., Duncan, O., Tyree, A. *The American Occupational Structure*. – New York: Wiley, 1967.
117. Block, J. *An experimental investigation of the construct of ego-control: unpublished doctoral dissertation*. – Stanford: Stanford University, 1950.
118. Bochner, S., McLeod, B. M., Lin, A. Friendship patterns of overseas students: a functional model // *International Journal of Psychology*. – 1977. – Vol. 12. – P. 277–297.
119. Borschel, E., Zimmermann, J., Crocetti, E., Meeus, W., Noack, P., Neyer, F. J. Me and you in a mobile world: The development of regional identity and personal relationships in young adulthood // *Developmental Psychology*. – 2019. – Vol. 55, no. 5. – P. 1072–1087.
120. Bozbay, Z., Baghirov, F., Zhang, Y., Rasli, A., Karakasoglu, M. International students' service quality evaluations towards Turkish universities // *Quality Assurance in Education*. – 2020. – Vol. 28, no. 3. – P. 151–164.
121. Breen, R., Ermisch, J. *The Effects of Social Mobility* // *Sociological Science*. – 2024. – No. 11. – P. 467–488.
122. Briscoe, J. P., Hall, D. T. The interplay of boundaryless and protean careers: combinations and implications // *Journal of Vocational Behavior*. – 2006. – Vol. 69. – P. 4–18.
123. Briscoe, J. P., Finkelstein, L. The "new career" and organizational commitment: Do boundaryless and protean attitudes make a difference? // *Career Development International*. – 2009. – Vol. 14, no. 3. – P. 242–260.
124. Buttrick, N., Oishi, S. The cultural dynamics of declining residential mobility // *American Psychologist*. – 2021. – Vol. 76, no. 6. – P. 904–916.
125. Campbell, P. Dispositional traits and internal migration: Personality as a predictor of migration in Australia // *Journal of Research in Personality*. – 2019. – Vol. 78. – P. 262–267.

126. Chamberlain, A., Stone, B. M., Drake, C. E., Clark, B. A. Multidimensional Factor Structure Best Explains the Hexaflex Model // 54th Annual Association for Behavioral & Cognitive Therapy. – 2020.
127. Chen, Y., Liu, X., Lan, T., Hong, Y. Move more and bribe more? The impact of residential mobility on bribe-giving // Asian Journal of Social Psychology. – 2021. – Vol. 25, no. 2. – P. 237–248.
128. Chi, G., Voss, P. Migration decision-making: A hierarchical regression approach // Journal of Regional Analysis and Policy. – 2009. – Vol. 35, no. 2. – P. 11–22.
129. Clark, A. E., D'Angelo, E. Social Mobility, Wellbeing and Political Preferences: Evidence from the BHPS. – Paris : Paris School of Economics, 2009.
130. Clark, W., van Ham, M., Coulter, R. Spatial mobility and social outcomes // Journal of Housing and the Built Environment. – 2013. – P. 699–727.
131. Cohen, J., Sirkeci, I. Cultures of Migration. The Global Nature of Contemporary Mobility. – Austin : University of Texas Press, 2011. – 179 p.
132. Corak, M. Income Inequality, Equality of Opportunity, and Intergenerational Mobility // Journal of Economic Perspectives. – 2013. – Vol. 27, no. 3.
133. Coulter, R., Thomas, M. Residential Mobility // International Encyclopedia of Human Geography / ed. A. Kobayashi. – 2nd ed. – 2020. – P. 443–449.
134. DeFillippi, R., Arthur, M. B. Boundaryless contexts and careers: a competency-based perspective // Journal of Organizational Behavior. – 1996. – Vol. 15, no. 4. – P. 307–324.
135. Dennett, A., Stillwell, J. Internal Migration in Britain, 2000–01, Examined Through an Area Classification Framework // Population, Space and Place. – 2010. – Vol. 16, no. 6. – P. 517–538.
136. De Vos, A., Soens, N. Protean attitude and career success: The mediating role of self-management // Journal of Vocational Behavior. – 2008. – Vol. 73. – P. 449–456.

137. Dolan, P., Lordan, G. Climbing Up Ladders and Sliding Down Snakes: An Empirical Assessment of the Effect of Social Mobility on Subjective Wellbeing: IZA Discussion Paper No. 12519. – 2019.
138. Dong, M., Anda, R. F., Felitti, V. J., Williamson, D. F., Dube, S. R., Brown, D. W., Giles, W. H. Childhood residential mobility and multiple health risks during adolescence and adulthood // *Archives of Pediatrics & Adolescent Medicine*. – 2005. – Vol. 159, no. 12. – P. 1104–1110.
139. Doorley, J. D., Goodman, F. R., Kelso, K. C., Kashdan, T. B. Psychological flexibility: What we know, what we do not know, and what we think we know // *Social and Personality Psychology Compass*. – 2020. – Vol. 14, no. 3.
140. Erikson, R. Changes in Social Mobility in Industrial Nations: The Case of Sweden // *Research in Social Stratification and Mobility*. – 1983. – No. 2. – P. 165–195.
141. Erikson, R., Goldthorpe, J. H. *The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies*. – Oxford : Oxford University Press, 1992. – 446 p.
142. Farkas, D., Orosz, G. Ego-Resiliency Reloaded: A Three-Component Model of General Resiliency. – Budapest : PLOS ONE, 2015.
143. Favell, A., Recchi, E. Social Mobility and Spatial Mobility // *Sociology of the European Union*. – 2011. – P. 50–75.
144. Francis, A. W., Dawson, D. L., Golijani-Moghaddam, N. The development and validation of the Comprehensive assessment of Acceptance and Commitment Therapy processes (CompACT) // *Journal of Contextual Behavioral Science*. – 2016. – Vol. 5, no. 3. – P. 134–145.
145. Friedmann, J. *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. – Cambridge : M.I.T. Press, 1966. – 279 p.
146. Furnham, A., Bochner, S. *Culture shock: psychological reactions to unfamiliar environments*. – London ; New York, 1986.
147. Geist, C., McManus, P. Geographical Mobility over the Life Course: Motivations and Implications // *Population, Space and Place*. – 2008. – Vol. 14, no. 4. – P. 283–303.

148. Gepty, A., Lambert, S., Milam, A., Ialongo, N. Residential mobility, neighborhood cohesion, and depressive symptoms among urban-dwelling African American adolescents // *Journal of Community Psychology*. – 2022. – Vol. 50, no. 7. – P. 3280–3299.
149. Gim, C. W. G., Mat Desa, N. The Boundaryless Career Attitude and Organisational Commitment among Public Accountants in Penang, Malaysia // *Journal of Social and Development Sciences*. – 2012. – Vol. 3, no. 9. – P. 304–312.
150. Goldthorpe, J. H., Hope, K. Occupational grading and occupational prestige // *Social Stratification and Career Mobility*. – 1973.
151. Gouldner, A. W. Theoretical Requirements of the Applied Social Sciences // *American Sociological Review*. – 1957. – Vol. 22, no. 1. – P. 92–102.
152. Graham, C. L., Pettinato, S. Assessing Hardship and Happiness: Trends in Mobility and Expectations in the New Market Economies. – 1999.
153. Gugushvili, A., Bulczak, G., Zelinska, O., Koltai, J. Socioeconomic position, social mobility, and health selection effects on allostatic load in the United States // *PLoS ONE*. – 2021. – Vol. 16, no. 8. – P. 1–30.
154. Gullahorn, J. T., Gullahorn, J. E. An extension of the U-curve hypothesis // *Journal of Social Issues*. – 1963. – Vol. 19, no. 3. – P. 33–47.
155. Hansen, M. N. Social Mobility in Norway: A Comparison of Men and Women // *Demographic Research*. – 2001. – No. 30.
156. Harrington, J. R., Gelfand, M. J. Tightness-looseness across the 50 United States // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2014. – Vol. 111, no. 22. – P. 7990–7995.
157. Hasler, G., Haynes, M., Müller, S. T., Tuura, R., Ritter, C., Buchmann, A. The association between adolescent residential mobility and adult social anxiety, BDNF and amygdala-orbitofrontal functional connectivity in young adults with higher education // *Frontiers in Psychiatry*. – 2020. – Vol. 11. – P. 1–9.
158. Hertz, T. *Understanding Mobility in America*. – Washington : American University, 2006. – 44 p.

159. Hirschman, A., Rothschild, M. The Changing Tolerance for Income Inequality in the Course of Economic Development // *The Quarterly Journal of Economics*. – 1973. – Vol. 87, no. 4. – P. 544–566.
160. Ishii, K., Komiya, A., Oishi, S. Residential mobility fosters sensitivity to the disappearance of happiness // *International Journal of Psychology*. – 2020. – Vol. 55, no. 4. – P. 577–584.
161. Jokela, M. Personality predicts migration within and between U.S. states // *Journal of Research in Personality*. – 2009. – Vol. 43, no. 1. – P. 79–83.
162. Jokela, M. Personality and the realization of migration desires // *Geographical psychology: Exploring the interaction of environment and behavior* / ed. P. J. Rentfrow. – Washington : American Psychological Association, 2014. – P. 71–87.
163. Jokela, M. Personality traits and reasons for residential mobility: Longitudinal data from United Kingdom, Germany, and Australia // *Personality and Individual Differences*. – 2021. – Vol. 180. – Art. 110978.
164. Jokela, M., Elovainio, M., Kivimäki, M., Keltikangas-Järvinen, L. Temperament and migration patterns in Finland // *Psychological Science*. – 2008. – Vol. 19, no. 9. – P. 831–837.
165. Jonsson, F., San Sebastian, M., Hammarström, A., Gustafsson, P. E. Intragenerational social mobility and functional somatic symptoms in a northern Swedish context: analyses of diagonal reference models // *International Journal for Equity in Health*. – 2017. – Vol. 16, no. 1.
166. Kaufmann, V. *Rethinking the city: urban dynamics and motility*. – Lausanne : EPFL Press, 2011.
167. Kaufmann, V., Widmer, E. D. Motility and family dynamics: Current issues and research agendas // *Zeitschrift für Familienforschung*. – 2006. – Iss. 1. – P. 111–130.
168. Kellerman, A. *Daily spatial mobilities: physical and virtual*. – Farnham ; Burlington : Ashgate, 2012. – P. 277–279.
169. Kellerman, A. *Personal Mobilities*. – London: Routledge, 2006. – 224 p.

170. Kim, G. et al. *The DevOps Handbook: How to create world-class agility, reliability, and security in technology organizations.* – Portland : IT Revolution Press, 2016. – 600 p.
171. Kim, T. Academic mobility, transnational identity capital and stratification under conditions of academic capitalism // *Higher Education.* – 2017. – Vol. 73, iss. 6. – P. 981–997.
172. Kim, Y. Y. Cross-cultural adaptation: An integrative theory // *Readings in cultural contexts* / ed. J. M. Martin, T. K. Nakayama, L. A. Flores. – Mountain View : Mayfield, 2002. – P. 237–245.
173. Komiya, A., Ohtsubo, Y., Nakanishi, D., Oishi, S. Gift-giving in romantic couples serves as a commitment signal: Relational mobility is associated with more frequent gift-giving // *Evolution and Human Behavior.* – 2019. – Vol. 40. – P. 160–166.
174. Komiya, A., Ozono, H., Watabe, M., Miyamoto, Y., Ohtsubo, Y., Oishi, S. Socio-ecological hypothesis of reconciliatory tactics: Cultural, individual, and situational variations in willingness to accept apology or compensation // *Frontiers in Psychology.* – 2020. – Vol. 11. – P. 1–18.
175. Kulu, H. Fertility and Spatial Mobility in the Life Course: Evidence from Austria // *Environment and Planning A.* – 2008. – Vol. 40. – P. 632–652.
176. Kurczewska, A., Mackiewicz, M. Are jacks-of-all-trades successful entrepreneurs? Revisiting Lazear's theory of entrepreneurship // *Baltic Journal of Management.* – 2020.
177. Lazear, E. P. Entrepreneurship // *Journal of Labor Economics.* – 2005. – Vol. 23. – P. 649–680.
178. Lee, E. S. A Theory of Migration // *Demography.* – 1966. – Vol. 3, no. 1. – P. 47–57.
179. Li, M., Li, W.-Q., Li, L. M. W. Sensitive periods of moving on mental health and academic performance among university students // *Frontiers in Psychology.* – 2019. – Vol. 10. – P. 1–11.

180. Li, W.-Q., Li, L. M. W., Lou, N. M. Who moved with you? The companionship of significant others reduces movers' motivation to make new friends // *Asian Journal of Social Psychology*. – 2021. – Vol. 25, no. 2. – P. 319–335.
181. Lipset, S. M., Bendix, R. *Social Mobility in Industrial Society*. – Berkeley : University of California Press, 1959. – 309 p.
182. Liu, P., Chan, D., Qiu, L., Tov, W., Tong, V. J. C. Effects of cultural tightness-looseness and social network density on expression of positive and negative emotions // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2018. – Vol. 44, no. 11. – P. 1567–1581.
183. Lun, J., Roth, D., Oishi, S., Kesebir, S. Residential mobility, social support concerns, and friendship strategy // *Social Psychological and Personality Science*. – 2013. – Vol. 4, no. 3. – P. 332–339.
184. Luo, S., Kong, Q., Ke, Z., Zhu, Y., Huang, L., Yu, M., Xu, Y. Residential mobility decreases neural responses to social norm violations // *Frontiers in Psychology*. – 2019. – Vol. 10. – Art. 2654.
185. Luo, S., Kong, Q., Ke, Z., Huang, L., Yu, M., Zhu, Y., Xu, Y. Residential mobility decreases the perception of social norm violations // *Social Indicators Research*. – 2020. – Vol. 148. – P. 961–986.
186. Lysgaard, S. Adjustment in a foreign society: Norwegian Fulbright grantees visiting the United States // *International Social Science Bulletin*. – 1955. – Vol. 7. – P. 45–51.
187. Mansah-Owusu, G. *Is the Boundaryless Career Applicable to all? An Investigation of Black Knowledge Intensive Workers in the UK: PhD thesis*. – Uxbridge : Brunel University, 2013. – 292 p.
188. McCracken, L. M. Psychological Flexibility, Chronic Pain, and Health // *Annual Review of Psychology*. – 2024. – Vol. 75. – P. 601–624.
189. McKenzie, R. D. The Ecological approach to the study of the human community // *American Journal of Sociology*. – 1924. – Vol. 30. – P. 287–301.
190. McLoughlin, S., Präg, P., Bartley, M., Kenny, R. A., McCrory, C. Intergenerational Social Mobility and Allostatic Load in Midlife and Older

- Ages: A Diagonal Reference Modeling Approach // *The Journals of Gerontology: Series B.* – 2023. – Vol. 28, no. 1. – P. 154–166.
191. Merton, R. K. Priorities in Scientific Discovery: A Chapter in the Sociology of Science // *American Sociological Review.* – 1957. – Vol. 22, no. 6. – P. 635–659.
 192. Mollborn, S., Lawrence, E., Root, E. D. Residential mobility across early childhood and children's kindergarten readiness // *Demography.* – 2018. – Vol. 55, no. 2. – P. 485–510.
 193. Oberschachtsiek, D. What makes a 'jack-of-all-trades'? : IAB Discussion Paper No. 10. – Nuremberg: Institute for Employment Research (IAB), 2009. – 23 p.
 194. Oishi, S. The psychology of residential mobility: Implications for the self, social relationships, and well-being // *Perspectives on Psychological Science.* – 2010. – Vol. 5. – P. 5–21.
 195. Oishi, S., Kesebir, S. Optimal social-networking strategy is a function of socioeconomic conditions // *Psychological Science.* – 2012. – Vol. 23, no. 12. – P. 1542–1548.
 196. Oishi, S., Kisling, J. The mutual constitution of residential mobility and individualism // *Understanding culture: Theory, research, and application* / ed. R. S. Wyer Jr., C.-Y. Chiu, Y. Y. Hong. – New York : Psychology Press, 2009. – P. 223–239.
 197. Oishi, S., Krochik, M., Roth, D., Sherman, G. D. Residential mobility, personality, and wellbeing: An analysis of cortisol secretion // *Social Psychological and Personality Science.* – 2012. – Vol. 3. – P. 153–161.
 198. Oishi, S., Lun, J., Sherman, G. D. Residential mobility, self-concept, and positive affect in social interactions // *Journal of Personality and Social Psychology.* – 2007. – Vol. 93. – P. 131–141.
 199. Oishi, S., Rothman, A. J., Snyder, M., Su, J., Zehm, K., Hertel, A. W., Gonzales, M. H., Sherman, G. D. The Socio-ecological model of pro-community action: The Benefits of residential stability // *Journal of Personality and Social Psychology.* – 2007. – Vol. 93. – P. 831–844.

200. Oishi, S., Schug, J., Yuki, M., Axt, J. The psychology of residential and relational motilities // *Handbook of advances in culture and psychology* / ed. M. J. Gelfand, C.-Y. Chiu, Y.-Y. Hong. – Oxford : Oxford University Press, 2015. – Vol. 5. – P. 221–272.
201. Oishi, S., Tsang, S. The socio-ecological psychology of residential mobility // *Journal of Consumer Psychology*. – 2022. – Vol. 32, iss. 3. – P. 519–536.
202. Parkin, F. *Class inequality and political order*. – London : MacGibbon & Kee, 1971. – 205 p.
203. Parnwell, M. *Population Movements and the Third World*. – London : Routledge, 1993. – 176 p.
204. Präg, P., Richards, L. Intergenerational social mobility and allostatic load in Great Britain // *Social Science & Medicine*. – 2019. – No. 73. – P. 100–105.
205. Ravallion, M., Lokshin, M. Who Wants to Redistribute? Russia's Tunnel Effect in the 1990s. – 1999.
206. Ravenstein, E. G. The Laws of Migration // *Journal of the Statistical Society of London*. – 1885. – Vol. 48, no. 2. – P. 167–235.
207. Recchi, E., Flipo, A. Spatial Mobility in Social Theory // *Società Mutamento Politica*. – 2019. – Vol. 10, no. 20. – P. 125–137.
208. Rumbold, A. R., Giles, L. C., Whitrow, M. J. et al. The effects of house moves during early childhood on child mental health at age 9 years // *BMC Public Health*. – 2012. – Vol. 12. – Art. 583.
209. Rychlowska, M., Miyamoto, Y., Matsumoto, D., Hess, U., Gilboa-Schechtman, E., Kamble, S., Muluk, H., Masuda, T., Niedenthal, P. M. Heterogeneity of long-history migration explains cultural differences in reports of emotional expressivity and the functions of smiles // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2015. – Vol. 112, no. 19. – P. E2429–E2436.
210. San Martin, A., Schug, J., Maddux, W. W. Relational mobility and cultural differences in analytic and holistic thinking // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2019. – Vol. 116, no. 4. – P. 495–518.

211. Schachter, J. P. Geographical Mobility: 2002–2003. Current Population Reports. – Washington : US Census Bureau, 2004. – URL: <https://cps.ipums.org/cps/resources/cpr/p20-549.pdf> (дата обращения: 20.06.2025).
212. Schug, J., Yuki, M., Horikawa, H., Takemura, K. Similarity attraction and actually selecting similar others: How cross-societal differences in relational mobility affect interpersonal similarity in Japan and the U.S.A. // *Asian Journal of Social Psychology*. – 2009. – Vol. 12, no. 2. – P. 95–103.
213. Schug, J., Yuki, M., Maddux, W. Relational mobility explains between- and within-culture differences in self-disclosure to close friends // *Psychological Science*. – 2010. – Vol. 21, no. 9. – P. 1471–1478.
214. Sharkey, P. Residential Mobility and the Reproduction of Unequal Neighborhoods // *Cityscape*. – 2012. – Vol. 14, no. 3. – P. 9–31.
215. Silventoinen, K., Hammar, N., Hedlund, E., Koskenvuo, M., Ronnema, T., Kaprio, J. Selective International Migration by social position, health behaviour and personality // *The European Journal of Public Health*. – 2008. – Vol. 18, no. 2. – P. 150–155.
216. Slaughter, S., Leslie, L. *Academic Capitalism: Politics, Policies and the Entrepreneurial University*. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997.
217. Slaughter, S., Rhoades, G. *Academic capitalism and the new economy: Markets, state, and higher education*. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2004.
218. Sobel, M. E. Diagonal mobility models: A substantively motivated class of designs for the analysis of mobility effects // *American Sociological Review*. – 1981. – Vol. 46, no. 6. – P. 893–906.
219. Spilerman, S. Extensions of the Mover-Stayer Model // *American Journal of Sociology*. – 1972. – Vol. 78, no. 3. – P. 599–626.
220. Sullivan, S. E., Arthur, M. B. The evolution of the boundaryless career concept: Examining physical and psychological mobility // *Journal of Vocational Behavior*. – 2006. – Vol. 69, no. 1. – P. 19–29.

221. Taft, R. Coping with unfamiliar cultures // *Studies in Cross-cultural Psychology* / ed. N. Warren. – 1977. – Vol. 1. – P. 121–153.
222. Tajfel, H., Billig, R. P., Flament, C. Social categorization and intergroup behavior // *European Journal of Social Psychology*. – 1971. – Vol. 1. – P. 149–178.
223. Thomson, R., Yuki, M., Talhelm, T., Schug, J., Kito, M., Ayanian, A. H. et al. Relational mobility predicts social behaviors in 39 countries and is tied to historical farming and threat // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2018. – Vol. 115, no. 29. – P. 7521–7526.
224. Tseng, W. International students' strategies for well-being // *College Student Journal*. – 2002. – Vol. 36, no. 4. – P. 591–597.
225. Van der Weide, R., Mahler, D. G., Lakner, C., Narayan, A., Ramasubbaiah, R. Intergenerational Mobility Around the World. – January, 2021. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3981372 (дата обращения: 21.11.2024).
226. Verplanken, B., Wood, W. Interventions to Break and Create Consumer Habits // *Journal of Public Policy & Marketing*. – 2006. – Vol. 25. – P. 90–103.
227. Volmer, J., Spurk, D. Protean and boundaryless career attitudes: relationships with subjective and objective career success // *Journal for Labour Market Research*. – 2011. – Vol. 43, no. 3. – P. 207–218.
228. Wang, Y., Kirmani, A., Li, X. Not too far to help: Residential mobility, global identity, and donations to distant beneficiaries // *Journal of Consumer Research*. – 2021. – Vol. 47. – P. 878–889.
229. Wang, C. S., Leung, A. K.-Y., See, M. Y. H., Gao, X. Y. The effects of culture and friendship on rewarding honesty and punishing deception // *Journal of Experimental Social Psychology*. – 2011. – Vol. 47, no. 6. – P. 1295–1299.
230. Watson, W. Social mobility and social class in industrial communities // *Closed Systems and Open Minds: The Limits of Naivety in Social Anthropology* / ed. M. Gluckman. – Edinburgh : Oliver and Boyd, 1964. – P. 129–157.

231. Weifang, S., Majie, D., Na, Z. The mediating effect of community identity and the moderating effect of social comparison in the relationship between residential mobility and sense of meaning in life // *Frontiers of Psychology*. – 2025. – URL: www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2025.1501060/full (дата обращения: 02.05.2025).
232. Whitson, J., Wang, C., Kim, J., Gao, J., Scrimshire, A. Response to normative and norm-violating behavior: Culture, job mobility, and social inclusion and exclusion // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. – 2015. – Vol. 129. – P. 24–35.
233. Wiernik, B. M., Kostal, J. W. Protean and Boundaryless Career Orientations: A Critical Review and Meta-Analysis // *Journal of Counseling Psychology*. – 2019. – Vol. 66, no. 3. – P. 280–307.
234. Willibald, O., Mukiibi, S., Limbumba, T. Understanding Residential Mobility // *American Journal of Engineering Research (AJER)*. – 2018. – Vol. 7, no. 5. – P. 503–507.
235. de Wit, H. Trends and Issues in Global Student Mobility: the European and Dutch context. – Amsterdam : CAREM, 2013. – 42 p.
236. Wright, E. O. Class // *International Encyclopedia of Economic Sociology*. – London ; New York : Routledge, 2006. – 800 p.
237. Yamada, J., Kito, M., Yuki, M. Relational mobility and intimacy in friendships and romantic relationships: A cross-societal study between Canada and Japan // *Japanese Journal of Experimental Social Psychology*. – 2015. – Vol. 55. – P. 18–27.
238. Yan, V. X., Schuetze, B. A. What Is Meant by "Growth Mindset"? Current Theory, Measurement Practices, and Empirical Results Leave Much Open to Interpretation // *Psychological Bulletin*. – 2023. – Vol. 149, no. 3–4. – P. 206–219.

239. Yeager, D. S., Dweck, C. S. What can be learned from growth mindset controversies? // *American Psychologist*. – 2020. – Vol. 75, no. 9. – P. 1269–1284.
240. Yilmaz, C., Selcuk, E., Gunaydin, G., Cingöz-Ulu, B., Filiztekin, A., Kent, O. You Mean the World to Me: The Role of Residential Mobility in Centrality of Romantic Relationships // *Social Psychological and Personality Science*. – 2022. – Vol. 13, no. 7. – P. 1151–1162.
241. Yoshino, S., Oshio, A. Personality and migration in Japan: Examining the tendency of extroverted and open people to migrate to Tokyo // *Journal of Research in Personality*. – 2022. – Vol. 96. – P. 104–168.
242. Zapf, M. Cross-cultural transitions and wellness: dealing with culture shock // *International Journal for the Advancement of Counseling*. – 1991. – No. 14. – P. 105–119.
243. Zelinsky, W. The Hypothesis of the Mobility Transition // *Geographical Review*. – 1971. – Vol. 61, no. 2. – P. 219–249.
244. Zimmermann, J., Neyer, F. J. Do we become a different person when hitting the road? Personality development of Sojourners // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2013. – Vol. 105, no. 3. – P. 515–530.

Опросник оценки мотивов к территориальной мобильности

Часть А. Биографическая

1. Пожалуйста, укажите Ваш пол.
2. Сколько Вам полных лет?
3. Какой у Вас уровень образования?
4. Каково Ваше семейное положение?
5. Сколько у Вас детей?
6. Сфера деятельности организации, в которой Вы работаете?
7. Уровень Вашей управленческой позиции.
8. Сколько раз Вы переезжали в другие регионы (или страны) после достижения 18 лет?
 - a. Ни разу
 - b. 1 раз
 - c. 2 раза
 - d. 3 раза
 - e. 4 раза и более
9. Сколько раз Вы переезжали в другой регион с целью трудоустройства по специальности или профессионального развития?
 - a. Ни разу
 - b. 1 раз
 - c. 2 раза
 - d. 3 раза
 - e. 4 раза и более
10. Сколько раз Вы переезжали в другой регион для карьерного роста?
 - a. Ни разу
 - b. 1 раз
 - c. 2 раза
 - d. 3 раза
 - e. 4 раза и более
11. Сколько раз Вы переезжали в другой регион с целью увеличения дохода?
 - a. Ни разу

- b. 1 раз
- c. 2 раза
- d. 3 раза
- e. 4 раза и более

12. Сколько раз Вы переезжали в другой регион для улучшения личных отношений или саморазвития?

- a. Ни разу
- b. 1 раз
- c. 2 раза
- d. 3 раза
- e. 4 раза и более

Часть В. Оценка мотивов

<i>Бланк для респондента</i>			<i>Ключ</i>	
<i>№</i>	<i>Утверждение</i>	<i>Варианты ответов</i>	Количество баллов	Вид мотива
1	Я готов переехать в другой регион. Это поможет расширить мои профессиональные возможности. Также я смогу лучше реализовать себя в профессии	«Не согласен(а)»	0	Профессиональный
		«Скорее не согласен(а)»	1	
		«Затрудняюсь ответить»	NA	
		«Скорее согласен(а)»	2	
		«Согласен(а)»	3	
2	Я готов временно переехать в другой регион. Это нужно для участия в проекте. Такой проект поможет повысить мою квалификацию	«Не согласен(а)»	0	Профессиональный
		«Скорее не согласен(а)»	1	
		«Затрудняюсь ответить»	NA	
		«Скорее согласен(а)»	2	
		«Согласен(а)»	3	
3	Если денег на жизнь не хватает, я рассматриваю переезд в другой регион	«Никогда (ни разу в жизни)»	0	Экономический
		«Редко (раз в 5 лет)»	1	
		«Затрудняюсь ответить»	NA	
		«Иногда (раз в 2–3 года)»	2	
		«Часто (раз в год и чаще)»	3	
4	Я сотрудничаю с экспертами из других городов. Мы обмениваемся опытом. Также рассматриваем варианты совместной работы. Возможен переезд в их	«Никогда (ни разу в жизни)»	0	Профессиональный
		«Редко (раз в 5 лет)»	1	
		«Затрудняюсь ответить»	NA	
		«Иногда (раз в 2–3 года)»	2	
		«Часто (раз в год и чаще)»	3	

	регион			
5	Люди не станут переезжать, если могут хорошо зарабатывать дома.	«Не согласен(а)»	0	Экономический
		«Скорее не согласен(а)»	1	
		«Затрудняюсь ответить»	NA	
		«Скорее согласен(а)»	2	
		«Согласен(а)»	3	
6	В моем регионе мало компаний. Здесь я не могу полностью реализовать свой карьерный потенциал	«Не согласен(а)»	0	Карьерный
		«Скорее не согласен(а)»	1	
		«Затрудняюсь ответить»	NA	
		«Скорее согласен(а)»	2	
		«Согласен(а)»	3	
7	Я согласен на переезд без поддержки компании. Но только если мне предложат значительное карьерное повышение	«Не согласен(а)»	0	Карьерный
		«Скорее не согласен(а)»	1	
		«Затрудняюсь ответить»	NA	
		«Скорее согласен(а)»	2	
		«Согласен(а)»	3	
8	Мне важно жить там, где я могу заниматься своими хобби. Также реализовывать личные интересы	«Не согласен(а)»	0	Личностно-социальный
		«Скорее не согласен(а)»	1	
		«Затрудняюсь ответить»	NA	
		«Скорее согласен(а)»	2	
		«Согласен(а)»	3	
9	Я соглашусь на переезд только при одном условии. Вакансия должна соответствовать моей профессиональной компетенции	«Не согласен(а)»	0	Профессиональный
		«Скорее не согласен(а)»	1	
		«Затрудняюсь ответить»	NA	
		«Скорее согласен(а)»	2	
		«Согласен(а)»	3	
10	Я слежу за вакансиями в других филиалах моей компании. Они предлагают более высокие должности	«Никогда (ни разу в жизни)»	0	Карьерный
		«Редко (раз в 5 лет)»	1	
		«Затрудняюсь ответить»	NA	
		«Иногда (раз в 2–3 года)»	2	
		«Часто (раз в год и чаще)»	3	
11	Я готов переехать, если это улучшит мое финансовое положение	«Не согласен(а)»	0	Экономический
		«Скорее не согласен(а)»	1	
		«Затрудняюсь ответить»	NA	
		«Скорее согласен(а)»	2	
		«Согласен(а)»	3	
12	Во время командировок или отпуска в других регионах я изучаю цены. Также оцениваю, сколько там можно зарабатывать	«Никогда (ни разу в жизни)»	0	Экономический
		«Редко (раз в 5 лет)»	1	
		«Затрудняюсь ответить»	NA	
		«Иногда (раз в 2–3 года)»	2	
		«Часто (раз в год и чаще)»	3	
13	Я регулярно проверяю вакансии в ведущих компаниях. Это помогает	«Никогда (ни разу в жизни)»	0	Профессиональный
		«Редко (раз в 5 лет)»	1	

	мне развиваться профессионально	«Затрудняюсь ответить»	NA	
		«Иногда (раз в 2–3 года)»	2	
		«Часто (раз в год и чаще)»	3	
14	Я считаю, что ради карьерного роста стоит переехать в другой регион	«Не согласен(а)»	0	Карьерный
		«Скорее не согласен(а)»	1	
		«Затрудняюсь ответить»	NA	
		«Скорее согласен(а)»	2	
		«Согласен(а)»	3	
15	Я участвую в конкурсах профмастерства. Они проходят в разных регионах. Это открывает перспективы для переезда	«Никогда (ни разу в жизни)»	0	Профессиональный
		«Редко (раз в 5 лет)»	1	
		«Затрудняюсь ответить»	NA	
		«Иногда (раз в 2–3 года)»	2	
		«Часто (раз в год и чаще)»	3	
16	Для меня важно иметь стабильную работу на новом месте. Это главное условие для переезда	«Не согласен(а)»	0	Экономический
		«Скорее не согласен(а)»	1	
		«Затрудняюсь ответить»	NA	
		«Скорее согласен(а)»	2	
		«Согласен(а)»	3	
17	Я знаю много примеров. Люди переезжали и добивались большого карьерного успеха	«Не согласен(а)»	0	Карьерный
		«Скорее не согласен(а)»	1	
		«Затрудняюсь ответить»	NA	
		«Скорее согласен(а)»	2	
		«Согласен(а)»	3	
18	Жилье в моем регионе дорогое. Поэтому переезд в другой город выглядит привлекательно	«Не согласен(а)»	0	Экономический
		«Скорее не согласен(а)»	1	
		«Затрудняюсь ответить»	NA	
		«Скорее согласен(а)»	2	
		«Согласен(а)»	3	
19	Я перееду в регион, где живет мой супруг/супруга или близкий человек	«Не согласен(а)»	0	Личностно-социальный
		«Скорее не согласен(а)»	1	
		«Затрудняюсь ответить»	NA	
		«Скорее согласен(а)»	2	
		«Согласен(а)»	3	
20	Я хочу переехать, чтобы получить новые впечатления и опыт	«Не согласен(а)»	0	Личностно-социальный
		«Скорее не согласен(а)»	1	
		«Затрудняюсь ответить»	NA	
		«Скорее согласен(а)»	2	
		«Согласен(а)»	3	
21	Я готов переехать, чтобы быть ближе к семье или друзьям	«Не согласен(а)»	0	Личностно-социальный
		«Скорее не согласен(а)»	1	
		«Затрудняюсь ответить»	NA	
		«Скорее согласен(а)»	2	
		«Согласен(а)»	3	
22	Я общаюсь с людьми из других регионов. Они могут помочь в развитии моей карьеры	«Никогда (ни разу в жизни)»	0	Карьерный
		«Редко (раз в 5 лет)»	1	
		«Затрудняюсь ответить»	NA	

		«Иногда (раз в 2–3 года)»	2	
		«Часто (раз в год и чаще)»	3	
23	На новом месте должны быть школы, больницы и магазины. Это важно для меня	«Не согласен(а)»	0	Личностно-социальный
		«Скорее не согласен(а)»	1	
		«Затрудняюсь ответить»	NA	
		«Скорее согласен(а)»	2	
		«Согласен(а)»	3	
24	Я хочу переехать, чтобы жить в более дружелюбном и открытом сообществе	«Не согласен(а)»	0	Личностно-социальный